

Жизнь Животныхъ

**въ фотографіяхъ, рисункахъ и
біологическихъ наброскахъ изъ
московскаго зоологическаго сада**

А. Ѳ. Котсь

Жизнь Животных: въ фотографіяхъ, рисункахъ и біологическихъ наброскахъ изъ московскаго зоологическаго сада

А. Ѳ. Котсь

Содержание

Обложка	x
Вниманию пользующихся путеводителем в Саду	xii
Предисловіе	xiii
1. Обыкновенный воронъ	16
2. Сорока	17
3. Орелъ беркутъ (халзанъ)	18
4. Орелъ могильникъ	19
5. Орелъ степной	20
6. Большой подорлик	21
7. Сокола	22
8. Ястребъ-тетеревятникъ	23
9. Канюкъ или сарычъ	24
10. Канюкъ мохноногій	25
11. Коршунъ черный	26
12. Стервятникъ	27
13. Луни (камышевый и луговой)	28
14. Сѣрая сова	29
15. Сова ушастая	30
16. Болотная сова	31
17. Бѣлая сова	32
18. Гуси	33
19. Лебеди	35
20. Утки	36
21. Пеликанъ	37
22. Фламинго (*)	38
23. Лебедь черный	39
24. Коипу — южно-американскій бобръ	40
25. Тюлень (*)	41
26. Кондоръ	44
27. Грифъ бурый	45
28. Сипъ	46
29. Ягнятникъ или бородачъ	47
30. Орелъ беркутъ	48
31. Орланъ-бѣлохвост	49
32. Каранхо и орланъ-агуйя	50
33. Филинъ	51
34. Обыкновенный аистъ	52
35. Марабу	53
36. Цапля сѣрая	54
37. Бѣлая цапля (*)	55
38. Журавль сѣрый	59
39. Журавль малый	61
40. Чайки	62
41. Утки и нырки	63
42. Дикіе гуси	65
43. Голуби домашніе	68
44. Голуби дикіе	69
45. Голуби почтовые	70
46. Слонь (*)	71
47. Страусы	73
48. Казуаръ	76
49. Попугаи	77
50. Тропическіе вьюрки, ткачики и мелкія породы попугаевъ	80
51. Лани	81
52. Косуля	82

53. Лось	83
54. Сѣверный олень	85
55. Манчжурскій олень	87
56. Олень мараль	88
57. Кавказскій олень	90
58. Муфлонъ	92
59. Безоаровый козелъ	93
60. Козерогъ	94
61. Кавказскій туръ	95
62. Гривистый баранъ	97
63. Украинскій рогатый скотъ	98
64. Зебу	99
65. Якъ	100
66. Буйволъ	101
67. Верблюды одногорбый и двугорбый	102
68. Обезьяны	104
69. Лемуры или полу-обезьяны	114
70. Броненосецъ	116
71. Кабанъ	117
72. Дикая монгольская лошадь	119
73. Голая лошадь	122
74. Осель домашній	123
75. Дикіе ослы	124
76. Помеси осла и лошади	125
77. Волкъ	127
78. Помѣси собаки и волка	129
79. Рысь	130
80. Бѣлый медвѣдь	131
81. Бурый медвѣдь	133
82. Енотъ	135
83. Барсукъ	136
84. Лиса	137
85. Россомаха	139
86. Куница, соболь и хорекъ	140
87. Павлины	141
88. Фазаны	143
89. Куры	146
90. Цесарки и индѣйки	148
91. Домашніе кролики	149
92. Морская свинка	150
93. Ламы	151
94. Антилопы	153
95. Зебры	155
96. Овцы	158
97. Козы	163
98. Левъ	166
99. Пена	171
100. Пума	173
101. Тигръ	174
102. Пантера	176
103. Ежъ	177
104. Дикобразъ	178
105. Агути или золотой заяцъ	179
106. Заяцъ бѣлякъ	180
107. Тушканчикъ	181
108. Бѣлка	182
109. Сусликъ	183
110. Кенгуру и вомбать	184

111. Зубрь	186
112. Бизонь	187
113. Заключение	188
A. Алфавитный указатель	194
B. Приложения к электронному изданию	197
Выходные данные	197
Подготовка электронного издания	198

Список рисунков

1. Молодые львы изъ Московскаго Зоологическаго Сада	xi
2. Школьная экскурсія въ Зоологическомъ Саду	xiii
1.1. Обыкновенный воронъ	16
2.1. Сороки	17
3.1. Орель беркутъ, готовящійся къ бою	18
3.2. Онъ же въ спокойномъ состоянїи	18
5.1. Орель степной	20
7.1. Соколъ балобанъ	22
8.1. Ястребъ-тетеревятникъ	23
9.1. Канюкъ	24
11.1. Коршунъ черный	26
12.1. Стервятникъ	27
13.1. Лунь луговой	28
14.1. Сѣрая сова	29
15.1. Сова ушастая	30
15.2. Она же, встревоженная, в позѣ «угрозы»	30
16.1. Сова болотная	31
17.1. Сова бѣлая, полярная	32
18.1. Лебеди и гуси, зимою на снѣгу	33
18.2. Домашніе гуси	34
19.1. Лебедь-кликунъ	35
19.2. Кликунъ	35
19.3. Лебедь	35
20.1. Кряковая утка	36
21.1. Пеликаны	37
21.2. Пеликаны	37
22.1. Фламинго	38
22.2. Фламинго	38
23.1. Черные лебеди съ птенцами	39
24.1. Южно-американскій бобръ	40
25.1. Тюлень на суше	41
25.2. Тюлени въ водѣ	41
25.3. Избїеніе "котиковъ" (тюленей) русскими звѣровщиками	43
26.1. Кондоръ	44
26.2. Кондоръ, грѣющійся на солнце	44
27.1. Грифъ бурый	45
28.1. Сипъ	46
31.1. Орланъ-бѣлохвость	49
33.1. Филинъ	51
34.1. Бѣлый аист	52
35.1. Марабу спокойный	53
35.2. Онъ же обезпокоенный	53
36.1. Сѣрая цапля	54
37.1. Бѣлая цапля	55
37.2. Исторія бѣлой цапли	56
37.3. Бѣлое клеймо жестокости	57
38.1. Сѣрые журавли съ птенцомъ, выведеннымъ въ Саду	59
38.2. Кормленіе журавленка	60
39.1. Красавки	61
40.1. Чайка серебристая	62
40.2. Чайка на водѣ	62
41.1. Утки и утята на пруду	63
41.2. Нырки	63
42.1. Дикіе гуси и лебедь на пруду	65
42.2. Дикіе гуси (полевые и сѣрый)	65

42.3. Бѣлошекія казарки	65
42.4. Канадскіе гуси съ пуховыми птенцами	66
42.5. Нильскій гусь	66
42.6. Лебеди (шипунъ и кликуны)	67
42.7. Токующій тетеревъ	67
43.1. Голуби дутыши	68
43.2. Голубъ трубастый	68
43.3. Голубъ огонистый	68
46.1. Слонь индійскій, самка	71
46.2. Онъ же въ «просящей» позѣ	71
47.1. Страусъ африканскій, самка	73
47.2. Страусъ американскій, Нанду (самка у гнѣзда)	74
47.3. Высиживающій самецъ Нанду	74
47.4. Австралійскіе страусы, Эму (самецъ и самка)	75
48.1. Казуаръ	76
49.1. Голова попугая «Ара»	77
49.2. Синій Ара	77
49.3. Бѣлый какаду въ спокойномъ настроеніи	78
49.4. Онъ же въ возбужденномъ состояніи	78
49.5. Бѣлый какаду въ доврчивомъ, спокойномъ настроеніи	79
51.1. Лани, самки съ молодыми	81
51.2. Лань, самецъ альбиносъ	81
52.1. Косуля	82
53.1. Лось самецъ со сброшенными рогами	83
53.2. Лось молодая самка	84
54.1. Сѣверный олень	85
55.1. Манчжурскіе олени, самка съ молодымъ	87
56.1. Олень самецъ мѣсяць спустя послѣ потери роговъ	88
56.2. Онъ же съ возобновленными рогами	88
56.3. Олень-самецъ съ возобновленными рогами еще мягкими, одѣтыми короткой шерстью	88
57.1. Олень самецъ ревущій	90
57.2. Молодой годовалый олень	90
57.3. Олень съ рогами затвердевшими, освобожденными отъ шерсти	90
58.1. Муфлонъ	92
58.2. Помѣсь муфлона и овцы. (Самка съ ягненкомъ отъ самца муфлона). (1916)	92
59.1. Безоаровая коза	93
60.1. Сибирскій козерогъ	94
61.1. Кавказскій туръ	95
61.2. Туръ-самка и дѣтенышъ, рожденный въ Саду (1916)	95
62.1. Гривистый баранъ	97
62.2. Гривистый баранъ, самка и дѣтенышъ, рожденный въ Саду (1916)	97
63.1. Быкъ сѣрый степной породы	98
64.1. Быкъ индійскій, Зебу	99
64.2. Помѣсь зебу и яка (самка съ теленкомъ, рожденнымъ отъ зебу) (1916)	99
65.1. Якъ въ лѣтней шерсти	100
66.1. Южно-Европейскій буйволъ	101
67.1. Двугорбый верблюдъ въ лѣтней шерсти	102
67.2. Онъ же въ зимней шерсти	102
67.3. Одногорбый верблюдъ и верблюжонокъ-альбиносъ, родившійся въ Саду (1916)	103
67.4. Одногорбые верблюды	103
68.1. Молодые макаки	104
68.2. Макаки въ роли наблюдателей	105
68.3. Ссорящіеся макаки	105
68.4. Китайскій макакъ	106
68.5. Макакъ въ злобѣ	106
68.6. Макаки въ мирномъ настроеніи	107
68.7. Макакъ, старый самецъ, въ злобѣ	107
68.8. Зеленая мартышка	108

68.9. Зеленяя мартышки	108
68.10. Обезьяна-капуцинъ въ "просящей" позѣ	108
68.11. Голова капуцина	108
68.12. Цѣпкохвостая обезьяна	109
68.13. Цѣпкохвостая обезьяна	109
68.14. Павіанъ въ спокойномъ настроеніи	110
68.15. Голова павіана	110
68.16. Павіанъ въ ярости	111
68.17. Молодой шимпанзе	112
69.1. Лемуры	114
69.2. Лемуръ	114
70.1. Броненосецъ	116
71.1. Кабанъ	117
72.1. Лошадь Пржевальскаго	119
72.2. Помѣсь джунгарской лошади и пони	119
72.3. Обыкновенная лошадь "западнаго" типа и шотландскій пони	120
73.1. Голая лошадь	122
74.1. Домашній осель	123
75.1. Куланъ	124
76.1. Лошакъ	125
76.2. Муль	125
77.1. Волкъ	127
77.2. Овчарка	127
77.3. Лайка	127
77.4. Волкъ	128
78.1. Помѣси волка и собаки (внучатное потомство)	129
79.1. Рысь	130
80.1. Бѣлые медвѣди	131
80.2. Бѣлый медвѣдь въ просящей позѣ	131
80.3. Бѣлые медвѣди	132
81.1. Бурые медвѣди	133
81.2. Кавказскій медвѣдь въ "просящей позѣ"	133
81.3. Играющій медвѣжонокъ	133
82.1. Еноть	135
83.1. Барсукъ	136
84.1. Обыкновенные лисицы	137
84.2. Голубые песцы	137
85.1. Россомаха	139
86.1. Соболь	140
87.1. Павлинъ-самецъ въ спокойной позѣ	141
87.2. Токующій павлинъ-самецъ	141
87.3. Пава	142
88.1. Фазанъ кавказскій	143
88.2. Фазанъ золотистый	143
88.3. Фазанъ алмазный	144
88.4. Фазанъ королевскій	144
88.5. Фазанъ серебристый	145
88.6. Золотой фазанъ	145
89.1. Пѣтухъ породы "Плимуть-рокъ"	146
89.2. Бѣнтамскій пѣтухъ	147
89.3. Пѣтухъ породы "Брама", свѣтлый	147
90.1. Цесарки	148
90.2. Индѣйскій пѣтухъ	148
91.1. Кроликъ фландрской породы	149
91.2. Кроликъ русской "горностаевой" породы	149
92.1. Морская свинка	150
92.2. Морская свинка	150
93.1. Альпака и викунья	151

93.2. Лама	152
94.1. Антилопа Каина	153
94.2. Антилопа Гну	153
94.3. Антилопа Нильгау, самка	154
94.4. Антилопа Нильгау, самецъ	154
95.1. Буршеллева зебра	155
95.2. Абиссинская зебра	156
95.3. Зеброндъ свѣтлой масти	156
95.4. Зеброндъ темной масти	157
96.1. Овца африканской длиннохвостой породы	158
96.2. Овца черноголовая абиссинская	158
96.3. Чунтукскія овцы	159
96.4. Каракульскія овцы	160
96.5. Волошская овца	160
96.6. Меринось	161
97.1. Домашній козелъ дагестанской породы	163
97.2. Полукровная ангорская коза съ козлятами	164
97.3. Коза зааненской породы въ роли воспріемной матери двухмѣсячнаго львенка	165
98.1. Левъ	166
98.2. Львица	167
98.3. Ревущіе львы	168
98.4. Собака въ роли воспріемной матери у лвъятъ	169
98.5. Собака и ея двухмѣсячный левъ-пріемышь	169
98.6. Львенокъ со своей пріемной матерью	170
99.1. Пятнистая гіена	171
99.2. Гіененокъ	171
99.3. Полувзрослая пятнистая гіена	172
100.1. Пума	173
101.1. Тигръ	174
101.2. Туркестанскій тигръ	175
102.1. Пантера	176
102.2. Барсы	176
103.1. Ежъ на бегу	177
103.2. Ежъ, свернувшійся клубкомъ	177
104.1. Дикобразъ	178
105.1. Агути въ спокойномъ настроеніи	179
105.2. Агути въ возбужденномъ состояніи	179
106.1. Заяцъ бѣлякъ	180
107.1. Тушканчикъ	181
108.1. Каролинская бѣлка	182
109.1. Суслики	183
110.1. Кенгуру въ спокойной позѣ	184
110.2. Скачущій кенгуру	184
110.3. Кенгуру при медленномъ передвиженіи	184
110.4. Вомбать	185
111.1. Зубръ изъ Бѣловѣжской пушчи	186
112.1. Бизонъ	187
113.1. На пути изъ Сада	188

Обложка

А.Θ.КОТСЪ.
ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ.

А. Θ. Котсь. Жизнь Животныхъ.

Рисунок 1. Молодые львы из Московского Зоологического Сада

Двухнедельные львята.
Двухмесячный львенок.

Молодые львы из Московского Зоологического Сада.

Двухнедельные львята.
Двухмесячный львенок.

Вниманію пользующихся путеводителемъ въ Саду

Въ виду измѣнчивости состава населенія зоологическаго сада — постоянныхъ новопріобрѣтений, неизбежной убыли однихъ, перемѣщенія другихъ животныхъ, избранные авторомъ порядокъ и расположение описаній тѣхъ или другихъ животныхъ часто могутъ оказаться несогласными съ ихъ дѣйствительнымъ составомъ или размѣщеніемъ въ Саду. Приложенный въ концѣ путеводителя подробный алфавитный указатель безъ труда позволитъ каждому найти желательное описание примѣнительно къ искомому животному подѣ соответствующимъ русскимъ наименованіемъ. Латинскія названія даны лишь въ цѣляхъ облегченія справокъ въ болѣе элементарныхъ руководствахъ и не претендуютъ на новѣйшую научную номенклатуру, несущественную для задачи книги.

Во избежаніе напрасныхъ поисковъ животныхъ, выбывшихъ (по случаю продажи или смерти) изъ зоологическаго сада во время печатанія путеводителя, — эти немногія животныя отмѣчены особымъ знакомъ (*) въ соответствующихъ заголовкахъ.

Издательство и авторъ сохраняютъ за собою всѣ права въ отношеніи переизданія и перевода настоящей книги.

Всякая перепечатка текста и воспроизведеніе оригинальныхъ фотографій (въ видѣ открытокъ, иллюстрацій къ книгамъ и діапозитивовъ) безъ особаго разрѣшенія Общества Акклиматизации и автора будетъ прѣследоваться по закону.

Школьные діапозитивы съ большинства рисунковъ этой книги можно получать у *А. Т. Трофимова* (Москва, Моховая, д. 14, кв. 9), получившаго личное право на изготовленіе таковыхъ.

Предисловіе

Рисунок 2. Школьная экскурсія въ Зоологическомъ Саду

Школьная экскурсія въ Зоологическомъ Саду.

Задача настоящаго труда въ наглядной формѣ, на коллекціяхъ зоологическаго сада, показать общеобразовательную цѣнность наблюденія живой природы. Не въ примѣръ обычно издаваемымъ путеводителямъ задача настоящаго и шире, и опредѣленнѣе — и это несмотря на то, что по количеству и размѣщенію Сада нашъ уступаетъ большинству подобныхъ учрежденій Западной Европы. Въ какой степени богатство и благоустроенность послѣднихъ соотвѣтствуютъ серьезной широкообразовательной ихъ роли, разсмотрѣнію этого вопроса посвящена отдѣльная брошюра автора. Сейчасъ достаточно напомнить, что достоинство любого просвѣтительнаго учрежденія зависитъ всего прежде отъ его идейно-внутренняго содержанія. Обычно думаютъ, что чѣмъ богаче Сады животными, тѣмъ больше польза, приносимая имъ публикѣ. Съ такимъ же нравомъ можно было бы сказать, чѣмъ толще книга, тѣмъ она полезнѣе. И въ самомъ дѣлѣ. Каковы бы ни были достоинства или размѣры книги, они будутъ бесполезны для того, кто не привыкъ и не желаетъ вдумываться въ мысли автора. И совершенно также никакое содержаніе зоологическаго сада, никакой подборъ животныхъ или размѣщеніе ихъ не сможетъ замѣнить отсутствія у посѣтителей привычки и желанія задумываться надъ значеніемъ и смысломъ наблюдаемой природы. Приведенное сравненіе можетъ показаться спорнымъ, какъ и всякое другое. Но неоспоримо то, что по сравненію съ печатной книгой жизнь самаго обыкновеннаго живого существа настолько же труднѣе для дѣйствительнаго пониманія, насколько тайны окружающей природы глубже и значительнѣе мыслей величайшаго писателя. И въ этомъ смыслѣ столь обычныя среди широкой публики неудовольствіе и жалобы на неимѣніе въ саду отдѣльныхъ рѣдкостей сравнимы зачастую съ положеніемъ людей, которые, перелиставши данную имъ книгу, не прочтя и не понявъ ее, желали бы въ придачу новыхъ, дополнительныхъ листковъ.

Изъ сказаннаго далеко не слѣдуетъ, что всякое дальнѣйшее обогащеніе Сада представлялось бы излишнимъ. Всестороннее, усиленное пополненіе его въ высокой степени желательно, какъ въ собственно научныхъ цѣляхъ, так и для дальнѣйшаго развитія общеобразовательныхъ началъ, положенныхъ въ основу настоящаго путеводителя. И все же основная мысль этого послѣдняго направлена къ тому, чтобы ослабить столь обычное у посѣтителей зоологическаго сада увлеченіе **количествомъ** имѣющихся въ немъ животныхъ — показать, что въ интересахъ общаго образованія существенно не столько то, **что** наблюдаютъ, сколько то, **какъ** наблюдаютъ и **с какой цѣлью**; показать, что вдумчивое и сознательное наблюденіе двухъ-трехъ обыкновеннѣшихъ существъ полезнѣе для общаго развитія, чѣмъ поверхностное пробѣганіе глазами столькихъ же десятковъ чужеземныхъ рѣдкостей. Вотъ почему, не отрицая многія несовершенства нашего зоологическаго сада, умаляющія его общеобразовательную роль, приходится признать, что въ пониженіи ея повинно также неумѣлое использование его широкой публикой. Исправить внѣшнія несовершенства Сада — сознаваемые и его администраціей — является вопросомъ времени и средствъ. Помочь теперешнему посѣтителю извлечьвозможно больше изъ обзора Сада въ современномъ его видѣ — есть задача настоящаго путеводителя. Въ основу составленія его положено то убѣжденіе, что нашъ московскій садъ и въ современномъ своемъ видѣ можетъ послужить источникомъ реформы въ области

серьезной популяризації естествознанія и отвѣтити на вопросъ: что можетъ дать сознательное, вдумчивое наблюденіе живой природы для широкаго и общаго образованія?

Нетрудно видѣть, что рѣшеніе вопроса этого зависитъ отъ того, что разумѣть подь словомъ **вдумчивое и сознательное наблюденіе**? Конечно то, которое сопровождается сознательной работой мысли. Можно, наприимѣръ, часами наблюдать, безъ усталы переходя отъ одного животнаго къ другому, поражаясь ихъ многообразіемъ. Но если нѣтъ сознанія необходимости понять значеніе и смыслъ наблюденнаго — оно останется работой глазъ, а не ума. Вліяя на воображеніе, эти безсвязныя и чисто зрительныя образы полезны для начальнаго познанія природы, развивая наблюдательность и расширяя кругозоръ. Для болѣе широкаго и общаго образованія они бесплодны и безсмысленны, какъ бесполезенъ и безсмысленъ фактъ безъ мысли, не дающій пищи для ума.

Другой вопросъ: что понимать подь именемъ широкаго и общаго образованія? Конечно то, въ которомъ всего меньше сказывается профессія людей, которое доступно возможно болѣе широкому ихъ кругу, отвѣчаетъ самымъ основнымъ запросамъ человѣческаго духа.

В самомъ дѣлѣ, мы не назовемъ общеобразовательнымъ такое знаніе, которое всецѣло сводится къ распознаванію живыхъ существъ, къ распредѣленію ихъ по группамъ, по системамъ. Цѣнное въ глазахъ ученаго такое знаніе ничего не говоритъ уму и сердцу не-натуралиста. Примѣнительно къ зоологическому саду и широкой массѣ посѣтителей его такое знаніе явилось бы не в мѣру узкимъ и теоретическимъ, оторваннымъ отъ жизни и отъ общечеловѣческихъ запросовъ.

Но не менѣе одностороннимъ было бы стремленіе понять природу лишь со стороны экономической, а самыя живыя существа лишь какъ предметы промысла или хозяйственнаго разведенія. Цѣнная для сельскаго хозяина, такая прикладная точка зрѣнія во мнѣніи другихъ явилась бы чрезмѣрно узкой, сликомъ «человѣческой», оторванной отъ болѣе возвышенныхъ, идейныхъ интересовъ.

Таковы обычныя двѣ точки зрѣнія на природу и задачу познанія ея: узко-научная и прикладная. Первая — далекая отъ жизни — лишь односторонне развиваеъ умъ; вторая — слишкомъ связанная съ жизнью — пренебрегаеъ высшими запросами ума. Общеобразовательная цѣнность и значеніе обѣихъ повышается весьма немного и при ихъ соединеніи. Можно быть глубокимъ знатокомъ въ вопросахъ систематики и географіи животныхъ и въ вопросахъ объ экономической ихъ роли — оставаясь узкимъ и одностороннимъ. Можно быть широко-образованнымъ, не раздѣляя интересовъ систематиковъ и скотоводовъ. Но не можетъ называться общимъ и широкимъ то образованіе, которое не въ силахъ углубить вопросы, занимающіе всякаго сознательно живущаго и мыслящаго человѣка. Таковы вопросы о душѣ и проявленіи ея, о цѣли жизни и объ отношеніи человека къ самому себѣ и къ окружающему міру. Къ пониманію вопросовъ этихъ можно подойти различнымъ образомъ. Искусство, философія, литература, какъ и многіе другіе формы и пути исканій человѣческаго разума, въ конечной своей цѣли всѣ направлены къ тому, чтобы раскрыть непреходящее и вѣчное въ исканіяхъ людей, доставить примиреніе уму и сердцу. Но въ ряду путей, ведущихъ къ этимъ высшимъ цѣлямъ человѣчества, едва ли есть другой болѣе вѣрный, болѣе доступный для широкихъ массъ, чѣмъ путь естествознанія. Да и въ самомъ дѣлѣ. Можно ли увѣренно и всесторонне говорить о цѣли жизни, ничего не зная о глубокой цѣлесообразности въ живой Природѣ, — о природѣ человѣческой души, не зная, какова душа животныхъ, — о духовной власти человѣка надъ собой, не оцѣнивши по достоинству владычества его надъ окружающими существами?

Приведенные вопросы: *цѣлесообразность въ жизни и строеніи животныхъ, проявленіе души ихъ и условія подчиненія животныхъ власти человѣка* можно уяснить себѣ, лишь наблюдая непосредственно природу и, конечно, всего проще, находясь в зоологическомъ саду. Вотъ почему указанные три вопроса мы кладемъ въ основу настоящаго путевода. Доступные и мало подготовленному зрителю вопросы эти пусть помогутъ намъ связать отрывочныя и безсвязныя иначе факты, заронить духовный смыслъ в пестрый рядъ смѣняющихся наблюденій, претворить, переработать ихъ в серьезное, общеобразовательное знаніе.

Легко предвидѣть, что у многихъ лицъ подобная программа можетъ встрѣтить осужденіе. Одни — зоологи — сочтутъ ошибкой самую идею цѣлесообразности; другіе — педагоги — воспротивятся внесенію какихъ бы ни было «идей» въ начальное ознакомленіе съ природой; третьи — болѣе широкая часть публики — возстанетъ противъ непривычно труднаго, серьезнаго воззрѣнія на задачу учержденія, представлявшагося имъ дотолѣ только мѣстомъ отдыха и развлеченія.

Предоставляя каждому судить о справедливости двухъ первыхъ возраженій по прочтении всей книги, ограничимся сейчасъ отвѣтомъ на послѣдній приведенный только-что упрекъ. Отвѣтъ этотъ диктуется условіями времени.

Въ тяжелый годъ неслыханнаго напряженія борьбы народа за свою культуру издается настоящая зоологическая книжка. Только ясное сознание серьезности ея задачъ способно въ эти дни повышеннаго чувства долга оправдать затрату времени и силъ, пошедшихъ на изданіе книги, столь далеко отстоящей отъ тревогъ переживаемаго времени. Сознаніе это коренится в убѣжденіи, что тревоги эти порождаются не арміей, а тыломъ; что тревожныѣ, чѣмъ временныя неудачи первой, суевѣріе и темнота въ широкой массѣ этого послѣдняго. И вотъ, при видѣ разрушительнаго проявленія этого невѣжества мысль невольно обращается къ безвѣстнымъ труженикамъ народной школы. И мучительно встаетъ вопросъ: какъ справятся они съ этой духовной отсталостью внутри страны? Достанетъ ли у нихъ и силъ, и вѣры, чтобы продолжать борьбу съ народной тьмой внесеніемъ свѣта въ молодыя поколѣнія? Доступны ли для частнаго лица въ такое исключительное время помощь и содѣйствіе народному учителю? И гдѣ, какому учержденію Москвы всего скорѣе надлежало бы откликнуться для помощи народной школѣ? Не тому ли, что на протяженіи полвѣка такъ успѣшно, широко и безкорыстно выполняло эту просвѣтительскую роль? Достаточно напомнить, что за время одного послѣдняго десятилѣтія въ зоологическомъ саду Москвы число почти бесплатныхъ посѣтителей-учениковъ народныхъ, преимущественно, школъ достигло до 500.000. **Поль-милліона** за одно десятилѣтіе! А что за неподдѣльное, живое отношеніе къ осмотрамъ, къ наблюденіямъ природы, близкой и понятной и народу, и народному учителю? Гдѣ, какъ ни здѣсь, казалось и умѣстнымъ, и необходимымъ облегчить задачу этому послѣднему, расширить, углубить, осмыслить эту благодарную его работу!.. Такovy причины, переведшія вниманіе автора отъ собственно научныхъ темъ къ задачѣ ихъ серьезной популяризаціи. Пускай не все изъ сообщенныхъ ниже свѣдѣній окажется по силамъ юной аудиторіи. Отъ такта, отъ умѣнія ея руководителей зависитъ выбрать болѣе доступное, оставивъ остальное про себя, для расширенія собственнаго знанія. Для нихъ же предназначены и заключительныя строки этой книги, несмотря на внѣшнюю свою неприязательность написанной съ серьезной цѣлью и къ серьезному моменту. Съ пожеланіемъ такого же серьезнаго и блакосклоннаго ея приема тѣми, отъ которыхъ всего болѣе зависитъ все духовное развитіе страны, я посвящаю этотъ трудъ народному учителю.

Заканчивая настоящее введеніе, считаю долгомъ выразить признательность различнымъ учрежденіямъ и лицамъ, оказавшимъ цѣнное содѣйствіе моей работѣ: *Совѣту Императорскаго Русскаго Общества Акклиматизаціи животныхъ и растений* — за предоставленіе отвѣтственной и благородной темы. *Наблюдательной Комиссіи* Московскаго Зоологическаго Сада — за всегдашнюю готовность въ поддержаніи различныхъ пожеланій автора, направленныхъ къ возможно лучшему изданію книги. Моему учителю въ научной фотографіи, неутомимому идеалисту — труженику *А. Т. Трофимову* — за цѣнные совѣты при работѣ съ камерой и за искусное приготовленіе къ печати соответствующихъ снимковъ¹. Художнику *В. А. Ватагину*, со свойственной ему отзывчивостью и талантомъ поддержавшему и настоящее изданіе предоставленіемъ превосходнаго рисунка для обложки и прелестныхъ иллюстрацій въ текстѣ. Постоянному сотруднику во всѣхъ моихъ идейныхъ начинаніяхъ *Н. Н. Ладыгиной-Котсъ* — за написаніе одной отвѣтственной главы путеводителя, по темѣ близко примыкавшей къ области ея зоопсихологическихъ изслѣдованій, за просмотръ рукописи, корректуръ и за горячее участіе въ созданіи этого нашего совмѣстнаго труда. Наконецъ, глубокоуважаемому и дорогому другу, препаратору Біологическаго Музея Моск. Высш. Женск. Курсовъ и сотруднику во всѣхъ зоологическихъ работахъ автора — *Ф. Е. Федулову*, своею беззавѣтной и безвѣстной дѣятельностью на фронтѣ и въ тылу наглядно показавшему, что можетъ дать глухая русская деревня для созданія идейныхъ цѣнностей столицы и для вѣры въ свѣтлое грядущее простого русскаго народа.

Москва. Май 1915.

¹ Подавляющее большинство послѣднихъ специально сдѣлано для этой книги авторомъ. Только немногими (Рис. 7.1 — Рис. 8.1) обязан я искусству Н. Н. Яковлева. Рис. 25.3 и Рис. 37.2, — относящіеся къ животнымъ, снятымъ на свободѣ, — по необходимости заимствованы изъ другихъ изданій.

Глава 1. Обыкновенный воронъ

Corvus corax

Рисунок 1.1. Обыкновенный воронъ

Рис. 1. Обыкновенный воронъ.

Мы начинаемъ нашъ осмотръ съ ряда клѣтокъ, расположенныхъ направо отъ входной калитки, прямо противъ пруда. Клѣтки эти заняты обычно представителями **хищныхъ** и отчасти **вороновыхъ** птицъ.

Выдѣляется отъ прочихъ вороновыхъ птицъ болѣе крупными размѣрами и крѣпкимъ клювомъ. Широко распространенъ по всей Россіи. Въ отличіе отъ грачей, воронъ и галокъ никогда не собирается въ большія стаи. Осторожный, необщительный на волѣ воронъ, пойманный, легко ручнѣетъ; гнѣздится на свободѣ по малодоступнымъ зданіямъ, деревьямъ и утесамъ; въ саду успѣшно выводилъ птенцовъ въ открытомъ деревянномъ ящикѣ. Эта способность примѣняться къ обстоятельствамъ свидѣлствуетъ о духовной одаренности, но и по внѣшнему строенію воронъ птица очень одаренная. Неутомимость на полетѣ явствуетъ изъ формы крыльевъ, — длинныхъ, заостренныхъ, а проворность при движеніяхъ птицы по землѣ — указываетъ на способность ворона разыскивать и на землѣ свою добычу. О характерѣ послѣдней говорить строеніе клюва и когтей: послѣдніе умѣренные по длинѣ, клювъ крѣпкій и почти прямой. И клювъ, и когти одинаково пригодны, какъ для доставанія растительныхъ веществъ, такъ и для вырыванія червей, растерзванія падали и убиванія птицъ и небольшихъ звѣрковъ. Мы такимъ образомъ имѣемъ передъ собою птицу, у которой соразмѣрное строеніе частей — и крыльевъ, и хвоста, и лапъ, и клюва — позволяетъ одинаково успѣшно двигаться по воздуху и по землѣ, питаться и живой, и мертвою добычей. Воронъ — образецъ всеядной птицы, въ совершенствѣ примѣнившейся къ разнообразнѣйшимъ условіямъ существованія.

Глава 2. Сорока

Pica caudata

Меньшая по росту, пестрая и длиннохвостая (въ неволѣ хвостъ нерѣдко оббивается) **сорока** и въ духовномъ отношеніи — прямая противоположность ворону. Въмѣсто спокойствія и молчаливости послѣдняго въ сорокѣ поражаетъ безпокойство, торопливость и немолкаемый трескучій голосъ. И такое же несходство наблюдается и въ отношеніи ея къ себѣ подобнымъ или къ человѣку. Стаями, то большими то меньшими, сорока большую часть времени проводитъ въ непосредственной близости отъ человѣческихъ жилищъ, питаясь здѣсь различными отбросами. И тѣмъ не менѣе, т.-е. вопреки указаннымъ различіямъ, у ворона и у сороки и въ повадкахъ, и въ строеніи довольно много общаго. Сорока птица «воронообразная»; и воронъ, и сорока — птицы одного семейства. Къ этому семейству *вороновыхъ* птицъ намъ очевидно слѣдуетъ отнести и галокъ, и грачей, и собственно воронъ, трехъ хорошо извѣстныхъ птицъ, сложеніемъ, темнымъ опереніемъ и низкимъ голосомъ напоминающихъ болѣе крупнаго собрата, ворона, но отличающихся отъ него по размѣрамъ, складу и подробностямъ окраски. Связанныя еще больше, чѣмъ сорока, съ человѣческимъ жильемъ онѣ замѣтно отличаются по степени и по характеру общенія между собой и съ человѣкомъ. Собственно воронъ — сѣрая, съ блестящей черной головой и черными хвостомъ и крыльями. Зимой это стадныя, общительныя птицы, не боящіяся самыхъ людныхъ улицъ; раннею весною онѣ оставляютъ города, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безбоязненное отношеніе къ людямъ, превращаясь на гнѣздовѣ въ осторожныя и необщительныя существа. Иначе держитъ себя **грачъ** сплошь черный, съ фіолетовымъ отливомъ и отсутвіемъ пера при основаніи клюва. Менѣе всеядные, чѣмъ сѣрая ворона, грачи до чрезвычайности общительныя существа, гнѣздятся цѣлыми колоніями исключительно лишь на деревьяхъ и въ извѣстномъ отдаленіи отъ человѣка. Улетаютъ осенью на югъ. Еще болѣе общительныя **галки**, меньшія по росту, бойкія и говорливыя, съ дымчатой окраской спины и брюха, чернымъ теменемъ, хвостомъ и крыльями, зиму и лѣто держатся близъ человѣческихъ жилищъ, гнѣздятся на строеніяхъ, обнаруживая этимъ, какъ и легкой приручаемостью, ослабленіе прирожденной дикости, присущей прочимъ воронообразнымъ птицамъ.

Рисунок 2.1. Сороки

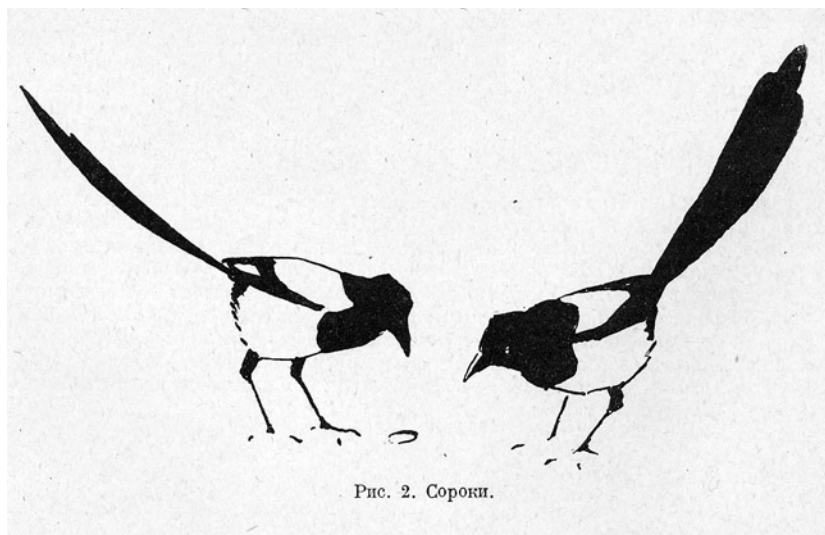

Рис. 2. Сороки.

Глава 3. Орелъ беркутъ (халзань)

Aquila chrysaetos

Рисунок 3.1. Орелъ беркутъ, готовящійся къ бою

Рис. 3. Орелъ беркутъ, готовящійся къ бою.

Рисунок 3.2. Онъ же въ спокойномъ состояніи

Рис. 4. Онъ же въ спокойномъ состояніи.

По сильной загнутой клюва и когтей, массивнымъ лапамъ, защищеннымъ перьями до пальцевъ, узнается съ перваго же взгляда, какъ могучій хищникъ. Тѣло коренастое, въ покоѣ держится обыкновенно прямо; маленькая голова съ блестящими глазами, устремленными обыкновенно вдаль; широкій хвостъ и крылья, длинныя и мощныя, какъ-будто порывающіяся къ полету — все говоритъ о жизни и передвиженіи въ воздушной средѣ. Только на воздухѣ величіе и красота «орлинаго полета и паренья» оправдываютъ гордую осанку птицы; на землѣ движенія орла безпомощны и неуклюжи. Его пальцы, дѣйствующіе наподобіе клещей для схватыванія добычи и охватыванія сучьевъ и камней, служащихъ мѣстомъ отдыха тяжелой птицы, непригодны для хожденія на ровномъ мѣстѣ. Ни разыскивать, ни добывать или преслѣдовать добычу на землѣ орелъ не въ состояніи. То и другое производится всегда съ налета или на лету, будь то въ открытой мѣстности или въ густомъ лѣсу и съ одинаковымъ успѣхомъ по летящей, убѣгающей, сидящей на землѣ и притаившейся въ вѣтвяхъ добычѣ. Какъ разнообразны способы охоты, также разнородно содержаніе добычи: отъ мышей и перепелокъ до лисицъ и лебедей ничто не обезпечено отъ нападенія орла, не брезгующаго также падалью и звонкимъ кликомъ, (часто издаваемымъ въ неволѣ), возвѣщающаго объ успѣшности своей охоты.

Глава 4. Орелъ могильникъ

Aquila imperialis

Сходенъ съ беркутомъ, лишь нѣсколько слабѣе, соотвѣтственно чему питается и болѣе мелкою добычей. Для выслѣживанія ея орелъ этотъ охотно пользуется высоко стоящими предметами, стогами сѣна и могильными курганами (отсюда и названіе орла). Встрѣчается въ умѣренной и южной полосѣ Россіи, избѣгая одинаково густого лѣса и открытой степи. Замѣчательна различная окраска молодыхъ и старыхъ птицъ: у первыхъ опереніе ржавчатое съ темными продольными пестринами; у старыхъ птицъ напоминаетъ опереніе беркута, но съ бѣлизною на плечахъ. Примѣръ этотъ показываетъ намъ, что въ разную пору жизни опереніе одной и той же птицы можетъ быть неодинаковымъ. Это — образчикъ *возрастнаго измѣненія* окраски у животнаго.

Глава 5. Орелъ степной

Aquila orientalis

Рисунок 5.1. Орелъ степной

Рис. 5. Орелъ степной.

Замѣтно отличается отъ предыдущаго орла и меньшими размѣрами, и болѣе однообразнымъ, бурымъ оперениемъ. Какъ показываетъ самое названіе — это обитатель степи, гдѣ орелъ охотится по преимуществу за мелкими звѣрками, вродѣ сусликовъ, подстерегая ихъ при выходѣ изъ норокъ. Соответственно такому способу охоты, какъ и обитанію въ открытой мѣстности, степной орелъ немного выше и стройнѣе на ногахъ, чѣмъ оба предыдущіе орла. Онъ и въ неволѣ часто и охотно двигается по землѣ.

Глава 6. Большой подорлик

Aquila clanga

Мелкіе орлы извѣстны подѣ названіемъ **подорликовъ**. Неодинаковые по размѣрамъ, силѣ, ловкости, окраскѣ или мѣсту обитанія, различные орлы имѣютъ много общаго: длинныя крылья, крѣпкое сложеніе, оперенныя до пальцевъ ноги. Всѣ орлы, и крупныя и мелкіе, способны схватывать добычу и съ земли, и въ воздухѣ, не останавливаясь и передъ такой, которая способна оказать сопротивленіе. Все это — признаки орловъ, которыхъ различаютъ множество породъ, или точнѣе «видовъ». Орель **степной, могильникъ, беркутъ** и **подорлики** суть разные виды орловъ. При всемъ разнообразіи они являются примѣрами универсальныхъ хищниковъ, т.-е. такихъ, которые питаются и мертвой, и живой добычей и при всякихъ обстоятельствахъ. Другіе хищники какъ-будто подѣлили разные мѣста и способы исканія добычи, всего лучше это можно показать на слѣдующей птицѣ.

Глава 7. Сокола

Рисунок 7.1. Соколы балобаны

Рис. 6. Соколы балобаны.

Представлены обычно соколомъ балобаномъ (*Falco saker*, Рис. 7.1) и сапсаномъ (*F. peregrinus*). У соколовъ замѣтнѣе, чѣмъ у орла, строеніе и повадки связаны съ воздушною средой. И это видно несмотря на малую подвижность сокола въ неволѣ: вертикальная посадка тѣла, узкаго и стройнаго (подобно узкимъ, заостреннымъ крыльямъ, тѣло сокола какъ-будто создано для разсѣканія воздуха); короткое и плотно облегающее тѣло опереніе, легко скользящее по воздуху; большіе черные глаза, внимательно, по долгу устремленные на небо — таковы немногія черты, которыя въ сидящей передъ нами птицѣ выдаютъ дѣйствительнаго властелина воздуха. Какъ пуля устремляясь на свою добычу сверху, соколы бьютъ ее лишь на лету, въ открытомъ мѣстѣ и обычно лишь далеко отъ земли. Ловить среди густого лѣса и сидящую добычу сокола не въ состояніи изъ-за опасности разбиться при стремительности ихъ полета. Еще менѣе свойственно для сокола питаться падалью. Достаточно взглянуть на пальцы, длинные и тонкіе, на кривизну когтей, особенно на заднемъ пальцѣ, чтобы оцѣнить ихъ дѣйствіе при нападеніи на живыхъ животныхъ; разрываніе послѣднихъ облегчается еще зубцомъ, сидящимъ при вершинѣ клюва. Обитая на свободѣ лишь открытыя пространства, прямо и открыто нападая на добычу, соколы и въ неволѣ сохраняютъ свой прямой, открытый нравъ и полную спокойствія и силы «соколиную осанку».

Глава 8. Ястребъ-тетеревятникъ

Astur palumbarius

Рисунок 8.1. Ястребъ-тетеревятникъ

Рис. 7. Ястребъ-тетеревятникъ.

Прямая противоположность соколу. — Мы видимъ пронзительные ярко-желтые (у старыхъ птицъ кроваво-красные) глаза, пугливо озирающіеся. Такою же пугливостью можно прочесть во всѣхъ движеніяхъ ястреба: онъ словно притаился и высматриваетъ изъ засады. Эта поза отражаетъ на себѣ манеру ястреба подстерегать добычу, пользуясь прикрытіемъ, чтобы затѣмъ, внезапно бросившись изъ-за угла, преслѣдовать ее и бить вдогонку, избѣгая по возможности открытыхъ мѣстъ. — Разбойничьему нраву ястреба какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ и вся его наружность. Маленькая голова съ изогнутымъ и остро-отточеннымъ клювомъ, жилистая шея, сгорбленное туловище съ длинными и мускулистыми ногами, угловатые, несоразмѣрно развитые пальцы съ длинными и острыми когтями. Подобно соколу и ястребъ кормится лишь свѣже-пойманной добычей. При исканіи послѣдней ноги ястреба равно незамѣнимы для помки мчащагося по полянѣ зайца, настигаемаго въ небѣ голубя, забившихся въ снѣгу тетеревовъ или взбѣгающей по ели бѣлки. Невозможная для сокола охота по лѣсу доступна ястребу въ виду короткихъ его крыльевъ. Пролетанію среди вѣтвей содѣйствуетъ и длинный хвостъ, который помогаетъ ястребу легко и быстро поворачиваться на лету. Въ неволѣ хвостъ и крылья, впрочемъ, часто оббиваются. Также обитою, нерѣдко до крови, является порой и голова животного. То и другое — слѣдствіе ударовъ птицы о рѣшетку. Необузданный по дикости и злобѣ на свободѣ ястребъ и въ неволѣ сохраняетъ свой неукротимый нравъ: пугливый, неуживчивый онъ не свыкается съ неволей, мечется по клѣткѣ, убивая всѣхъ болѣе слабыхъ родичей и пожирая ихъ. Отсюда невозможность содержанія въ одной и той же клѣткѣ молодыхъ и старыхъ птицъ, замѣтно отличающихся по окраскѣ: сизой, поперечно-разрисованной — у старыхъ, ржавчатой, продольно-разрисованной — у молодыхъ.

Глава 9. Канюкъ или сарычъ

Buteo vulpinus

Рисунок 9.1. Канюкъ

Рис. 8. Канюкъ.

И складомъ, и повадками замѣтно отличается отъ предыдущихъ хищниковъ, такъ всего прежде бѣльшею общительностью. Передъ нами многочисленное общество подобныхъ канюковъ, расположившихся то на вѣтвяхъ, то прямо на землѣ. Это охотное слетаніе на землю и мирное сожителство въ одной и той же клѣткѣ отражаютъ на себѣ повадки птицы при естественныхъ условіяхъ. Какъ мышеловы, канюки привыкли оставаться долго на землѣ, усѣвшись на древесномъ пнѣ, или на кочкѣ и высматривая полевыхъ мышей или кротовъ при появленіи ихъ изъ норокъ.

Въ соотвѣтствіи съ такою мелкою добычей клювъ и когти сарыча значительно слабѣе, чѣмъ у ястреба. Напротивъ, крылья длинныя, широкія указываютъ на манеру канюковъ высматривать свою добычу также на лету. Подолгу плавно и размѣренно кружась надъ пожелтѣвшимъ полемъ или надъ лѣсной прогалиной, канюкъ своими темными глазами съ высоты словно ощупываетъ землю. Вотъ онъ высмотрѣлъ добычу, нѣсколько секундъ недвижно остается въ воздухѣ, паря на мѣстѣ и нацѣливая жертву. Вотъ онъ складываетъ крылья, падаетъ — и слабый пискъ захваченнаго грызуна свидѣтельствуетъ объ успѣшности охоты.

Глава 10. Канюкъ мохноногій

Archibuteo lagopus

Отличается отъ предыдущаго болѣе крупнымъ ростомъ и ногами, оперенными до пальцевъ. Обитатель нелюдимой тундры, доставляющей ему обильную добычу въ видѣ мелкихъ грызуновъ, канюкъ этотъ для средней полосы Россіи только зимній гость. Въ неволѣ — это малодѣятельный и лѣнивый хищникъ, скоро оставляющій свою природную пугливость.

Глава 11. Коршунъ черный

Milvus ater

Рисунок 11.1. Коршунъ черный

Рис. 9. Коршунъ черный.

Еще болѣе тщедушный, слабый хищникъ съ слабымъ клювомъ, слабыми ногами, часто вынужденный пробавляться всякими отбросами, для добыванія которыхъ посѣщаетъ города. Въ лѣтніе мѣсяцы обыкновененъ надъ Москвой. Высматриваетъ пищу, съ заунывнымъ посвистомъ кружась по воздуху, почти не двигая своими длинными, изогнутыми крыльями и длиннымъ вильчатымъ хвостомъ. Общительный, гнѣздящійся нерѣдко цѣлыми колоніями коршунъ и въ неволѣ уживается легко и мирно въ обществѣ себѣ подобныхъ.

Глава 12. Стервятникъ

Neophron percnopterus

Рисунок 12.1. Стервятникъ

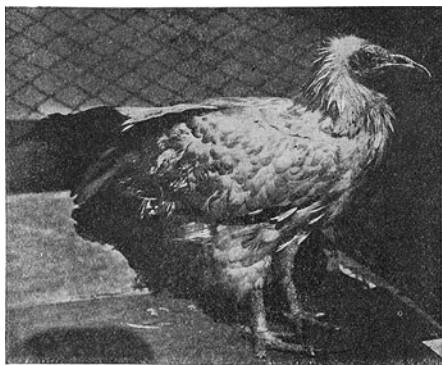

Рис. 10. Стервятникъ.

По тщедушности и слабости едва заслуживаетъ названіе хищника. Излюбленная и почти единственная пища его, падаль и различные отбросы, дѣлаютъ на югѣ пребываніе птицы высоко полезнымъ.

Клювъ птицы, слабо изогнутый и удлинненный, какъ и слабые, и мало загнутые когти, непригодные для удержанія живой добычи, служатъ для вытаскиванія внутренностей падали. Отсюда же отсутствіе пера на всей передней части головы: перо слепалось бы при запусканіи головы во внутреннія части труповъ.

Глава 13. Луни (камышевый и луговой)

Circus (C. aeruginosus, cineraceus)

Рисунок 13.1. Лунь луговой

Рис. 11. Лунь луговой.

Стройный, длинноногий хищник, неохотно бѣгающій, однако, по землѣ и не питающійся падалью. Держатся луни въ открытыхъ мѣстностяхъ: среди хлѣбовъ, по заливнымъ лугамъ, въ ковыльной степи и среди болотъ, покрытыхъ зарослями камышей, но гнѣздятся всегда лишь на землѣ. Легко понять, что длинноноготъ птицы помогаетъ ей, какъ при устройствѣ самага гнѣзда, такъ и особенно при приближении опасности: вытягиваясь на ногахъ, лунь озирается изъ-за окружающихъ его стеблей. Когда же въ поискахъ добычи медленно и плавно, то покачиваясь, то паря, проносятся луни надъ колыхающей нивой или камышомъ — длина конечностей полезна для захватыванія мелкихъ птицъ или звѣрковъ среди сплетающихся стеблей и густой травы.

Глава 14. Сѣрая сова

Syrnium aluco

Рисунок 14.1. Сѣрая сова

Рис. 12. Сѣрая сова.

Представлена обыкновенно цѣлымъ обществомъ. Однообразно вытянувшись и не двигаясь, словно застывшія, сидятъ онѣ, то щура, то зажмуривши, то широко распяливъ свои черные глаза. Во всей фигурѣ совѣ есть многое, напоминающее кошекъ. Это сходство дополняется кошачьимъ крикомъ совѣ. Подобно кошкамъ, совы хищники по преимуществу ночные. Самые размѣры глазъ свидѣтельствуютъ намъ объ этомъ. Вокругъ глазъ лучеобразно расходящіяся перья («вѣнчикъ»), налегающія сбоку на огромныя ушные впадины, замѣтныя, когда сова одной изъ лапъ почесываетъ ухо. Необычайная величина послѣдняго свидѣтельствуетъ намъ о тонкости ихъ слуха — признакъ свойственный для всѣхъ ночныхъ животныхъ. То же явствуетъ изъ оперенія совы: невзрачное по цвѣту, подходящее къ покрову ночи, опереніе совы настолько мягкое, что дѣлаетъ полетъ ея неслышнымъ. Медленно, безшумно, словно тѣнь, проносится сова по лѣсу и полянамъ, затянувшимся ночью мглою, всматриваясь въ спящихъ птичекъ, вслушиваясь въ шорохи мышей, уничтоженіе которыхъ дѣлаетъ сову полезной и достойной охраненія.

Глава 15. Сова ушастая

Asio otus

Рисунок 15.1. Сова ушастая

Рис. 13. Сова ушастая.

Стройнѣ, мельче предыдущей и съ пучками удлиненныхъ перышекъ на головѣ. вмѣстѣ съ золотистыми глазами эти «уши» (не имѣющія, впрочемъ, никакого отношенія къ слуху) придаютъ совиному лицу выраженіе удивленія и любопытства. Вопреки ходячему воззрѣнію будто совы избѣгаютъ появляться на свѣту, ушастая сова охотно грѣется на солнцѣ и въ неволѣ. Здѣсь она легко и скоро приручается, занято присѣдая и гримасничая въ состояніи оживленія. Въ зависимости отъ предмета, обратившаго вниманіе совы, она то выпрямляется (Рис. 15.1) и, прижимая перья къ тѣлу, истончается, какъ бы желая оставаться непримѣтной, то, напротивъ, пригибается, становится горизонтально и, переступая съ ноги на ногу, топорщитъ крылья и пушится (Рис. 15.2), фыркаетъ, пощелкиваетъ клювомъ, словно преднамѣренно старается казаться больше и страшнѣе, словно угрожая своему врагу. Это — примѣръ «движенія угрозы», наблюдаемаго нерѣдко у звѣрей и птицъ.

Рисунок 15.2. Она же, встревоженная, в позѣ «угрозы»

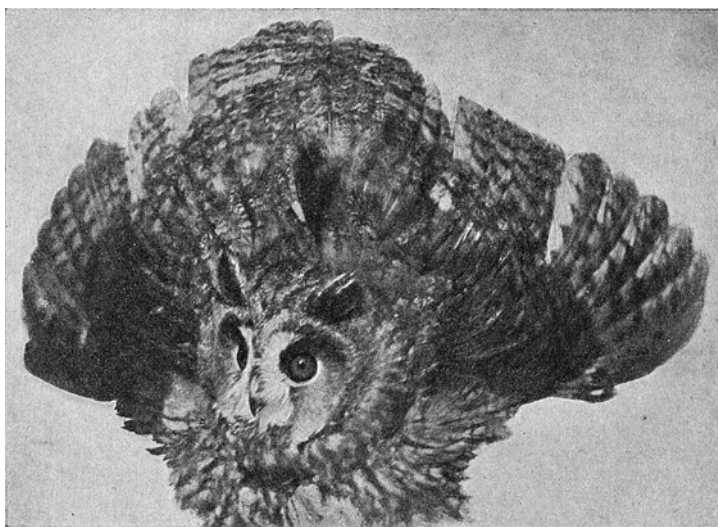

Рис. 14. Она же, встревоженная, въ позѣ «угрозы».

Глава 16. Болотная сова

Asio accipitrinus

Рисунок 16.1. Сова болотная

Рис. 15. Сова болотная.

Желтѣ предыдущей, съ золотисто-желтымъ цвѣтомъ глазъ и болѣ короткими ушами. Еще менѣ, чѣмъ предыдущая, боится свѣта, часто вылетая на охоту по утрамъ или задолго до заката солнца. Забираясь высоко на воздухъ и высоко взмахивая крыльями, сова подолгу носится открыто надъ лугами и болотами, рѣшительно и всюду избѣгая лѣса. Эта возможность долгаго летанія объясняется длиною крыльевъ, правда, часто оббиваемыхъ въ неволѣ, и она же объясняетъ намъ широкое распространеніе совы, гнѣздящейся, какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ: отъ полярной тундры и до Африки, отъ Англии и до Японіи. Болотная сова — примѣръ почти-что кругосвѣтнаго распространенія животнаго.

Глава 17. Бѣлая сова

Nyctea nivea

Рисунок 17.1. Сова бѣлая, полярная

Рис. 16. _Сова бѣлая, полярная.

И бѣлизна, и жесткость оперенія свидѣлствуютъ о дневныхъ повадкахъ этой птицы, дѣлающихъ бесполезными и защитную темную окраску, и безшумныя движенія ночного хищника. Это примѣръ дневной совы, на полномъ солнечномъ свѣту широко пялящей свои огромные глаза. Легко замѣтить, какъ при суживаніи зрачка послѣдній остается круглымъ, а не дѣлается щелевиднымъ, какъ у кошекъ. Соответственно своей полярной родинѣ обоихъ полушарій бѣлая сова имѣетъ лапы густо оперенными. Такая оперенность ногъ не только защищаетъ бѣлую сову отъ холода (гнѣздо ея находится всегда на голой почвѣ), но и помогаетъ ей удерживаться на снѣгу, не погружая, не проваливаясь сквозь него. Каждую осень бѣлая сова, спасаясь отъ полярной зимней темноты и стужи, отлетаетъ къ югу, посѣщая среднюю и южную Россію; тѣмъ не менѣе, это рѣдкій гость зоологическихъ садовъ.

Глава 18. Гуси

Рисунок 18.1. Лебеди и гуси, зимою на снѣгу

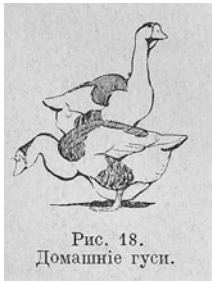

Рис. 17. Лебеди и гуси, зимою на снѣгу.

Отличаются от прочих водоплавающих птиц сравнительно высокими ногами, соответственно чему охотнее и дольше держатся на суше. Это свойство наблюдается и у **домашняго гуся** — общеизвестной птицы, при ближайшем рассмотрѣнии дающей все-таки не мало новаго и тѣмъ, которые готовы обойти ее вниманіемъ. Присмотримся же къ этой мнимо-хорошо известной птицѣ.

Не успѣли мы еще приблизиться, а громкій голось гусака какъ будто напередъ оповѣщаетъ населеніе пруда о готовящихся вновь подачкахъ (и къ стыду мало культурныхъ посѣтителей — дразненіяхъ). Это оглушительное гоготаніе домашней птицы кажется и надоедливымъ, и бесполезнымъ. Но не то въ естественныхъ условіяхъ, у дикаго гуся, не отличимаго по крику отъ домашняго. Обезпокоенный ночной тревогой гусь-вожакъ, поставленный на стражѣ задремавшей стаи, зычнымъ голосомъ даетъ сигналъ, и пробудившаяся стая съ шумомъ поднимается на крылья. Крикливость и общительность животнаго, какъ и обычно, связаны между собой. Но вернемся къ нашему домашнему гусю. Вотъ онъ вплотную подошелъ къ рѣшеткѣ и старается просунуть сквозь нее свой клювъ. Воспользуемся этимъ, чтобы разсмотрѣть его лучше. На вершинѣ клюва можно видѣть свѣтлое округлое пятно болѣе гладкой кожи, болѣе твердой, менѣе чувствительной, чѣмъ остальная кожа, одѣвающая клювъ. Этотъ участокъ измѣненной кожи называютъ «ноготкомъ»; присутствіе его и дѣлаетъ удары клюва болѣе чувствительными. Остальная внѣшняя его поверхность есть орудіе для осязанія и снабжена обильно нервами. По краю клюва тянутся особые ряды зубцовъ, или пластинокъ, чередующихся съ каждой стороны такимъ путемъ, что каждая пластинка верхней стороны приходится между двумя пластинками на нижней. Сходныя пластинки обрамляют и края вершины языка, мясистаго и толстаго, почти всецѣло заполняющаго все пространство между челюстями. При зачерпываніи воды послѣдняя процѣживается сквозь пластинки языка и челюстей, играющихъ роль сита для отцѣживанія мелкихъ схваченныхъ съ водой животныхъ и растеній. Тѣ же зубчики по краю клюва — превосходное орудіе для срѣзанія стеблей травы и злаковъ, составляющихъ главнѣйшее питаніе гусей. Подобное строеніе клюва одинаково пригодно для захватыванія пищи и на сушѣ, и въ водѣ; съ послѣдней, впрочемъ, связаны всѣ прочія особенности нашего животнаго. Сюда относятся и широко разставленныя ноги, выполняющія работу весель, когда птица на водѣ (это природное весло тѣмъ болѣе дѣйствительно, чѣмъ дальше въ стороны оно способно загребать), и перепонка между пальцами, служащая для расширенія этого природнаго весла и лучшаго отталкиванія имъ въ водѣ, и, наконецъ, обильное густое опереніе, защищающее птицу отъ потери теплоты при долгомъ пребываніи въ водѣ.

Рисунок 18.2. Домашні гуси

Глава 19. Лебеди

Лебедь шипун (Cygnus olor) и Л. кликунъ (C. musicus)

Рисунок 19.1. Лебедь-кликунъ

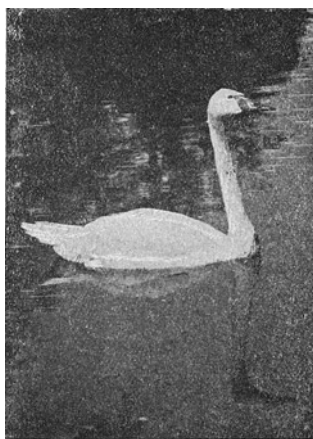

Рис. 19. Лебедь-кликунъ.

Рисунок 19.2. Кликунъ

Рис. 20. Кликунъ.

Рисунок 19.3. Лебедь

Рис. 21. Лебедь.

Самыя крупныя изъ водоплавающихъ птицъ. Наглядный образецъ того, какъ большіе размѣры, увеличивая силу птицы, выгодныя для защиты отъ враговъ, являются помѣхой для передвиженія. Сильныя большія крылья служатъ лебедю не только для летанія, но и какъ средство обороны: они могутъ наносить опасныя удары даже человѣку. Тѣ же крупные размѣры птицы и сопутствующее имъ увеличеніе густого оперенія изъ-за обилія въ немъ воздуха не позволяютъ лебедю нырять. Отчасти это неумѣніе нырять возмѣщается длиною шеи, погружаемой при плаваньи глубоко въ воду для отысканія корма. Этотъ кормъ обычно состоитъ изъ водяныхъ растений и отчасти изъ животныхъ: водяныхъ червей и насѣкомыхъ. Неспособность доставать ихъ помощью нырнія со дна обычно побуждаетъ лебедя держаться ближе берега, тамъ, гдѣ ныряющія птицы (утки или гуси) выплываютъ и на болѣе глубокия мѣста. Но, и помимо невозможности скрываться подъ водою, крупные размѣры лебедей — причина затрудняющая ихъ поднятіе на воздухъ. Потревоженные на землѣ они нуждаются въ значительномъ разбѣгѣ, прежде чѣмъ подняться на свои могучія, широко забирающія крылья. Но и съ водяной поверхности взлетая, лебеди усиленно и долго машутъ крыльями для полученія необходимаго размаха, на пространствѣ многихъ саженой плескаясь, бороздя ногами воду и съ трудомъ лишь отдѣляясь отъ нея. Едва ли нужно говорить, что содержимые въ неволѣ лебеди не поднимаются на воздухъ по другой причинѣ: вслѣдствіе искусственнаго удаленія большихъ и крѣпкихъ перьевъ на крылѣ. Такая мѣра примѣняется ко всѣмъ пернатымъ обитателямъ нашего пруда. Иначе съ наступленіемъ пролета дикихъ родичей — они, спокойныя въ другое время, потянулись бы за ними вслѣдъ. Въ пору пролета чаще раздается также голосъ нашихъ лебедей, въ особенности тѣхъ, которые изъ-за крикливости своей извѣстны подъ названіемъ **кликунъ**. Помимо голоса они ужь издали замѣтно отличаются прямой, а не изогнутою шеей, а вблизи — лимонно-желтою окраской клюва. У другого лебедя, такъ называемаго **шипун**, клювъ розоватый и съ гребнемъ при основаніи, посадка шеи болѣе изящная, изогнутая, «лебединая». Обычно молчаливыя въ неволѣ шипуны въ дѣйствительности тоже обладаютъ трубнымъ голосомъ. Красивое сказаніе о «лебединой пѣснѣ», раздающейся лишь разъ и только передъ смертью лебедя — есть только поэтическое измышленіе. Какъ таковое оно вправѣ сохраниться несмотря на внутреннюю неправдивость. Для умѣющихъ цѣнить природу независимо отъ претворенія ея въ поэзіи, нѣтъ, впрочемъ, и особенной необходимости держаться за подобныя легенды. Для натуралиста, видѣвшаго подъ привольнымъ небомъ нашей русской степи цѣлыя станицы лебедей, размѣренно и плавно разсѣвающихъ облитое вечернею зарею небо, оглашаемое далеко ихъ трубнымъ голосомъ, напоминающимъ далекия валторны — эти и подобныя картины подлинной природы не уступятъ по величію и красотѣ своей картинамъ поэтическаго вымысла.

Глава 20. Утки

Рисунок 20.1. Кряковая утка

Рис. 22. Кряковая утка.

Разбираемая въ цѣломъ (т.-е. оставляя въ сторонѣ отдѣльныя породы, о которыхъ ниже) могутъ почти-таться какъ типичнѣйшій образчикъ водоплавающей птицы. Не въ примѣръ болѣе крупному собрату — лебедю, всѣ утки — опытные водолазы, при ныряніи проплывающіе подъ водой большія разстоянія. Въ отличіе отъ гусей, которые ныряютъ лишь въ опасности и для кормежки выбираютъ на сушу — утки на землѣ гораздо болѣе неповоротливы и пропитаніе свое ищутъ въ илѣ, погружаясь въ воду на значительную глубину. Застигнутыя на водѣ бросающимся хищникомъ, дитя утки всего прежде обращаются къ нырянію. Оно же есть единственное средство для спасенія въ срединѣ лѣта, въ пору линьки (т.-е. замѣщенія обтрепанныхъ и старыхъ перьевъ новыми). Въ отличіе отъ остальныхъ пернатыхъ, у которыхъ постепенно производится замѣна стараго пера на новое, у водоплавающихъ птицъ (у лебедей, гусей и утокъ) крыловыя перья выпадаютъ болѣе единовременно и впредь до появленія новыхъ птица неспособна двигаться по воздуху. Для лебедей такая временная ихъ беспомощность проходитъ безнаказанно: величина и сила птицъ достаточно оберегаетъ ихъ отъ большинства враговъ. Гусей спасаетъ темная, невзрачная окраска, свойственная и самцамъ, и самкамъ. Но иначе дѣло обстоитъ съ утинами: здѣсь селезень обычно отличается отъ самочки болѣе яркимъ опереньемъ. Эта блестящая окраска, напр., у кряквы, (Рис. 20.1) представлялась бы особенно опасною во время линьки, привлекая на себя вниманіе враговъ. И что же? Словно для того, чтобы укрыть себя въ эту опасную для птицы пору, селезень ко времени утраты маховыхъ крыла, лишаящей его способности летать, на время одѣваетъ скромное, невзрачное опереніе самочки. Вотъ почему къ срединѣ лѣта опереніе утокъ такъ безцвѣтно и однообразно: старыя и молодыя птицы, селезни и утки временно сравнялись въ скромности окраски. Съ приближеніемъ осени окрѣпшіе на крыльяхъ селезни опять надѣнутъ свой блестящій щегольской нарядъ. Это — примѣръ **сезонныхъ измѣненій** въ опереніи птицъ.

Глава 21. Пеликанъ

Pelecanus onocrotalus

Рисунок 21.1. Пеликаны

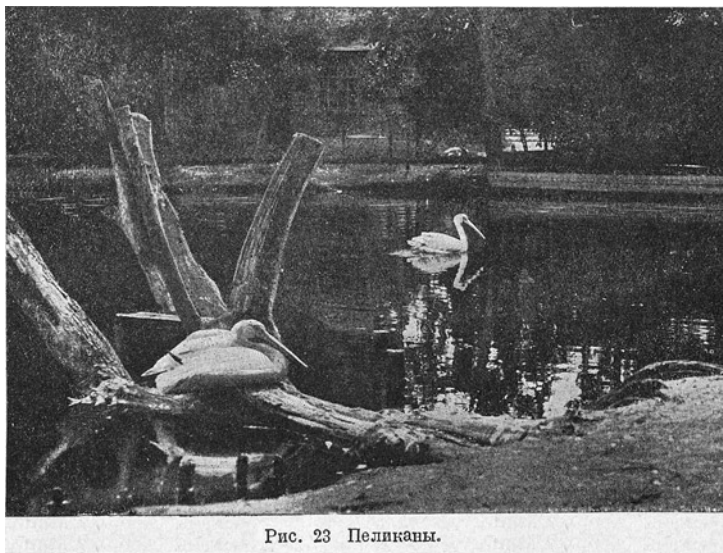

Рис. 23 Пеликаны.

Рисунок 21.2. Пеликаны

Рис. 24 Пеликаны.

Образчикъ веслоногой птицы, у которой всѣ четыре пальца (а не только три переднихъ, какъ у лебедей, гусей и утокъ) связаны широкой перепонкой. Конечность пеликана — превосходное весло, но она дѣлаетъ движеніе его на сушѣ въ высшей степени несовершеннымъ: птица при ходьбѣ какъ-будто заплетается ногами. Въ то же время пеликаны не умѣютъ и нырять, что явствуетъ какъ изъ размѣровъ птицы, такъ и изъ того, что пеликаны, плавая, высоко держатся въ водѣ. Отсутствіе способности нырять возмѣщается длиною шеи и особенно длиною клюва. Несмотря на колоссальные размѣры, этотъ клювъ необычайно легко вслѣдствіе особой тонкости его костей. Снизу клювъ несетъ объемистый мѣшокъ изъ тонкой, сильно растяжимой кожи. Пеликаній клювъ — это сачекъ для ловли рыбы. Добываніе послѣдней производится обыкновенно цѣлымъ обществомъ: широкимъ полукругомъ выстроившись въ рядъ, съ невообразимымъ шумомъ хлопя и крыльями и лапами, стремятся пеликаны подогнать добычу къ берегу, чтобы на мелкомъ мѣстѣ захватить ее безъ помощи нырять. Заглатываніе добычи производится приподниманіемъ мѣшка на горлѣ, а не языка. Послѣдній недоразвитъ, что весьма понятно: выдающійся языкъ служилъ бы лишь помѣхой при закладываніи рыбы въ горловой мѣшокъ.

Глава 22. Фламинго (*)

Phoenicopterus roseus

Рисунок 22.1. Фламинго

Рис. 25. Фламинго.

Рисунок 22.2. Фламинго

Совершенно необычное создание по долговязости своей, по цвету оперенья (свѣтло-розовому съ кино-варе-красными плечами), по формѣ клюва и по тонкости змѣиной шеи. Водятся фламинго тамъ же, гдѣ и пеликаны (именно на Каспiи), но образъ жизни ихъ совсѣмъ отличный. Перепонки на ногахъ похожи больше на гусяныя, но служатъ менѣе для плаванiя, а больше для хожденiя по илистому дну: не смачивая оперенья фламинго можетъ заходить далеко въ воду, двигаясь по дну огромными шагами, точно на ходуляхъ. Зайдя немного въ воду, птица, опустивши шею, запрокидываетъ голову такимъ путемъ, что тыльная поверхность клюва обращается къ водѣ, а нижняя приходится поверхъ ея (Рис. 22.2). Придавши клюву это положенiе, птица пользуется имъ для ловли взвѣшанныхъ въ водѣ мельчайшихъ водяныхъ животныхъ (насѣкомыхъ и рачковъ), прiоткрывая и захлопывая клювъ и пропуская воду черезъ зубчики, которыми усажены края его. Благодаря колѣнчатому сгибу клюва птица можетъ, погружая въ воду всю переднюю часть клюва, оставлять поверхъ воды отверстiя ноздрей, лежащiя при основанiи клюва въ его задней половинѣ. Такимъ образомъ фламинго можетъ безпрепятственно дышать, не отрывая клюва отъ воды. Одновременно, птица, медленно передвигая ноги, взмучиваетъ иль, который и процѣживается указаннымъ путемъ. Все вмѣстѣ доставляетъ замѣчательный образчикъ совершеннаго приспособленiя животнаго къ условiямъ существованiя.

Глава 23. Лебедь черный

Cygnus atratus

Рисунок 23.1. Черные лебеди съ птенцами

Рис. 27. Черные лебеди съ птенцами.

Издавна успѣшно разводящійся у насъ въ неволѣ: обращаетъ на себя вниманіе своей общительностью, связанной съ привычкой птицы стаиваться въ большіе табуны. Достойно быть отмѣченнымъ и то, что молодя птицы вылупляются одѣтыя бѣлесоватымъ пухомъ, лишь въ послѣдствіи смѣняя этотъ бѣлый гнѣздовой нарядъ на траурное оперенье взрослыхъ птицъ. Не менѣе замѣчательна способность черныхъ лебедей переносить у насъ жестокіе морозы (до 25° Р.). Уроженцы знойной и сухой Австраліи — они и въ продолженіе зимы содержатся у насъ на волѣ и отлично чувствуютъ себя и на снѣгу.

Глава 24. Коипу — южно-американский бобр

Myopotamus coipi

Рисунок 24.1. Южно-американский бобр

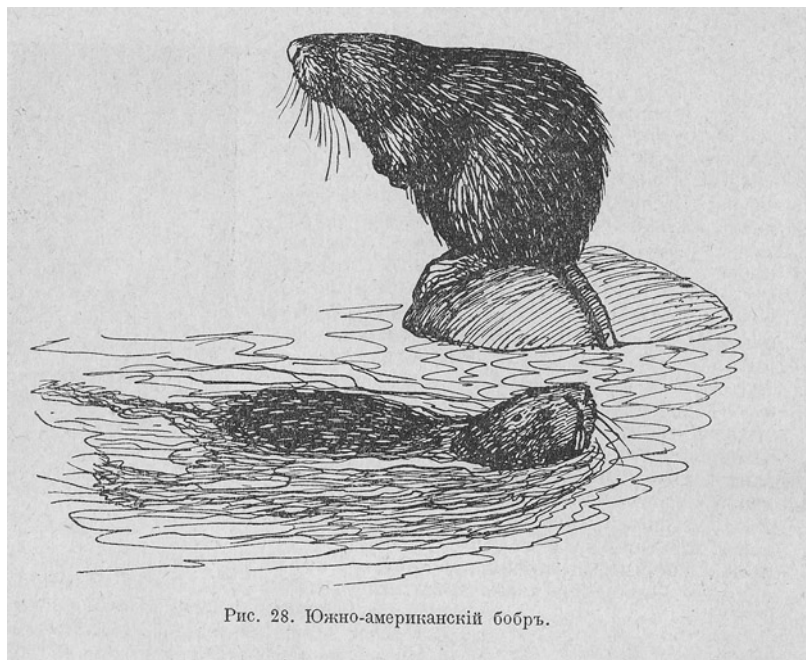

Рис. 28. Южно-американский бобр.

Пример млекопитающего полу-водного в своих повадках, соответственно чему ряд признаков напоминает таковые водоплавающих птиц. Сюда относятся и плавательные перепонки задних лап, и гладкая густая шерсть, отлично защищающая тело от воды. При плавании бобр пользуется задними ногами, словно веслами, передние — напротив, прижимает к телу. Неумение нырять дѣлает то, что нос животного во время плавания всегда приходится поверх воды и, разсѣкая воду, плавающий бобр сильно бороздит ее. Встрѣчается хвостатый бобр у низовья крупных рѣкъ и у морского побережья Аргентины и Бразилии, питаясь водными растениями, легко переходя и на животный корм — явление весьма обычное у грызунов.

От упомянутого только что животного **обыкновенный бобр** (*Castor fiber*) отличается, как по своей наружности (так напр., широким сплюснутым хвостом), так и особенно повадками. Широко распространенный нѣкогда и в западной Европѣ, и у нас в Россіи европейский бобр сильно поуменьшился в числѣ, принадлежа теперь къ разряду вымирающих животных. Как пример полу-наземного и полу-водного млекопитающего, европейский бобр, сохранившийся у нас в Полѣсьѣ и немногих прилежащих мѣстностях, является большою рѣдкостью в зоологических садах и замѣщается обычно чужеземным тонкохвостым родичем.

Глава 25. Тюлень (*)

Phoca vitulina

Рисунок 25.1. Тюлень на суше

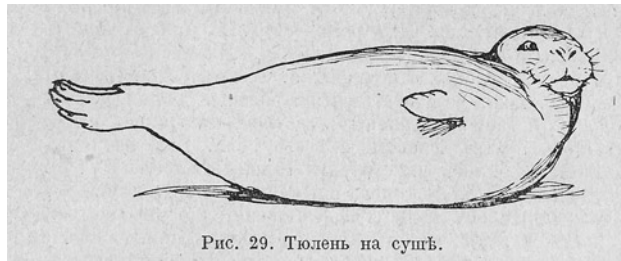

Рис. 29. Тюлень на сушѣ.

Рисунок 25.2. Тюлени въ водѣ

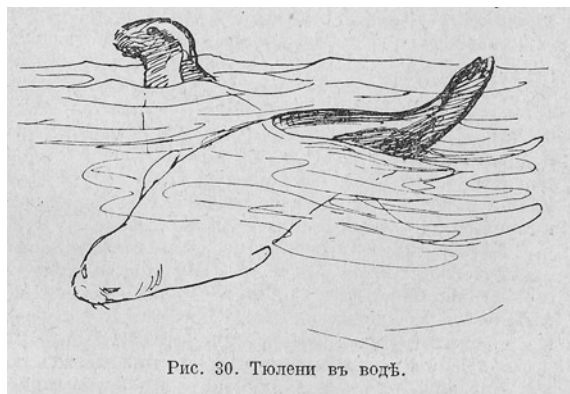

Рис. 30. Тюлени въ водѣ.

Больше чѣмъ у водныхъ грызуновъ приспособленіе къ водной жизни выражено у тюленя, какъ о томъ свидѣтельствуеѣтъ бѣольшая его беспомощность на сушѣ. Въ самомъ дѣлѣ, глядя на лѣниво растянувшася на землѣ тюленя (Рис. 25.1), поражаешься его неловкостью. Тяжелое, безформенное тѣло въ видѣ утончающася сзади конуса беспомощно распластано по всей длинѣ. На толстой, уходящей въ плечи шеѣ маленькая голова съ щелеобразными ноздрями и безъ видимыхъ ушей. Вмѣсто обычныхъ ногъ — мѣшкообразные ласты, въ которыхъ лишь съ трудомъ можно замѣтить пальцы. Переднія конечности безсильно свѣшены на брюхо; заднія — откинутаы назадъ и образуютъ нѣчто вродѣ рыбьяго хвоста, тогда какъ настоящій хвостъ, лежащій между ними, лишь едва намѣченъ. Вся поза отдыхающася на землѣ тюленя выражаетъ равнодушіе и лѣнь. Но вотъ, кривясь и изгибаясь по землѣ, тюлень соскальзываетъ въ воду (Рис. 25.2). Одинъ мигъ — и видъ животнаго преобразуется: отъ прежней вялости нѣтъ и слѣда. Съ необычайной легкостью и быстротой тюлень проносится въ водѣ, то съ силой окунаясь въ глубину, то съ шумомъ выносясь наружу, обдаваясь водяными брызгами и пѣной, то бросаясь на бокъ или поворачиваясь брюхомъ кверху, то опять ныряя подъ смыкающимися надъ нимъ валами волнъ. Бросается въ глаза, что свойства, дѣлавшія положеніе животнаго на сушѣ жалкимъ и беспомощнымъ, опредѣляютъ силу и стремительность его движенія въ водѣ. Такъ, форма тѣла, веретеновидная, напоминаетъ форму лодки и подобно ей содѣйствуетъ тому, чтобы уменьшить треніе воды. Скольженіе въ послѣдней облегчается особенною мѣха, гладкаго, блестящаго, какъ будто смазаннаго жиромъ. Вслѣдствіе промасленности волоса — вода, не смачивая тѣла, скатывается съ него. Вотъ почему даже въ водѣ тюлень не промокаетъ и почти сухимъ выходитъ изъ воды. Промасливаніе шерсти вызывается подкожнымъ жиромъ, защищающимъ животное отъ излученія тепла и уменьшающимъ его удѣльный вѣсъ. Самая кожа, толстая и плотная, нетѣсно прилегаетъ къ тѣлу, оставляя полную свободу для сгибанія тѣла и движенія конечностей. Плывая, тюлень все время изгибаетъ тѣло. Главная работа падаетъ на задніе ласты, играющіе роль весла. Ударами его животное перемѣщается впередъ. При этомъ поступательномъ движеніи передніе ласты прижаты къ тѣлу и бездѣйствуютъ. Ихъ роль — служить рулемъ при поворотахъ и содѣйствовать поддержкѣ равновѣсія. Послѣднее отчасти достигается движеніями шеи, гибкой и подвижной. То вытягивая, удлиняя шею, то, напротивъ, укорачивая ее и втягивая въ плечи, и мѣняя соотвѣтственно тому и положеніе тяжелой головы, животное, смотря по обстоятельствамъ, перемѣщаетъ центръ тяжести и всего тѣла. Еще нагляднѣе

приспособленіє къ водѣ сказалось на строеніи головы тюленя. Плоская широкая у лба и суженная къ носу голова плывущаго тюленя дѣйствуетъ подобно водорѣзу, разсѣкающему воду. Глаза тюленя, плоскіе снаружи, но съ округлымъ, какъ у рыбъ, хрусталикомъ, отлично приспособлены для видѣнія подъ водою. Имѣется особая полу-прозрачная мигательная перепонка для закрытія ихъ въ водѣ, помимо настоящихъ вѣкъ, усаженныхъ рѣсницами. Слѣдя за этими послѣдними, нерѣдко удается видѣть, что животное, повидимому спящее, попеременно то пріоткрываетъ, то смыкаетъ вѣки. Установлено, что не въ примѣръ другимъ млекопитающимъ, тюлени могутъ спать съ короткими, но правильными перерывами, впадая въ сонъ на нѣсколько минутъ, чтобы проснуться безо всякой видимой причины, снова засыпая на такой же срокъ и снова пробуждаясь. И легко понять значеніе такой необычайной смѣны бодрствованія и сна: для отдыхающихъ на сушѣ или на поверхности воды тюленей этотъ прерывающійся сонъ какъ бы содѣйствуетъ тому, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ и своевременно нырнуть. Не меньше, чѣмъ глаза тюленя, приспособлены для жизни около воды и носъ, и уши. Такъ, наружное недоразвитіе послѣднихъ хорошо понятно: выступаніе наружныхъ раковинъ ушей явилось бы помѣхой при движеніи въ водѣ, усиливая треніе. Отсутствіе торчащаго снаружи уха объясняется и большей звукопроводимостью воды и тѣмъ, что, лежа на землѣ, тюлень воспринимаетъ звукъ и прямо черезъ почву. Помощью особой складки кожи небольшое круглое отверстіе уха можетъ замыкаться, что препятствуетъ проникновенію въ него воды. Нѣчто подобное являютъ ноздри: дѣйствіемъ особаго приспособленія ноздри могутъ замыкаться или отпираться. Первое свершается помимо воли и усилія животнаго, второе — дѣйствіемъ особой мышцы. Этимъ устраняется возможность попаданія воды въ ноздрю; тюлень не можетъ захлебнуться: при нырнаніи отверстія ноздрей сами собою замыкаются и остаются таковыми за все время пребыванія животнаго въ водѣ. Какъ и обычно у млекопитающихъ, ведущихъ водный образъ жизни, ноздри, уши и глаза лежатъ на одномъ уровнѣ; тѣмъ самымъ для тюленя представляется возможность, оставаясь погруженнымъ въ воду, выставляя лишь верхушку головы и оставаясь непримѣченнымъ, свободно видѣть, слышать и дышать. Въ подобномъ положеніи тюленей хорошо скрываетъ отъ враговъ ихъ тусклая окраска, сочетаніе зеленовато-бураго и сѣраго съ болѣе темными пестринами и пятнами. Окраска эта хорошо сливается съ зеленовато-сѣрыми отбѣнками воды, съ перебѣгающей по ней рябью.

Больше, чѣмъ наружностью, тюлени выдаютъ свое присутствіе особымъ лаяньемъ; какъ этотъ лай, такъ и ворчанье, издаваемое въ гнѣвѣ, въ высшей степени напоминаютъ таковыя же собакъ. Къ собакамъ же тюлени приближаются и по своей духовной одаренности. Достаточно взглянуть на ихъ большіе и блестящіе глаза, необычайно выразительные для животнаго. Извѣстно, что при боли и душевныхъ потрясеніяхъ на глазахъ тюленей выступаютъ слезы. Издавна извѣстна и любовь тюленей къ гармоническимъ и громкимъ звукамъ, и возможность привлеченія ихъ посредствомъ пѣнія, музыки и колокольнаго звона. Еще болѣе извѣстны легкость прирученія и привязчивость тюленей, научающихся уходить за рыбой въ море, возвращаться къ дому, слѣдовать на зовъ людей. Такая необычная для обитателей воды привязчивость и приручаемость тюленей находитъ объясненіе въ общительности ихъ на волѣ. Стаями, порою достигающими многихъ тысячъ штукъ, тюлени собираются на отлогихъ и уединенныхъ берегахъ ко времени рожденія дѣтенышей. Послѣдніе рождаются одѣтые густымъ и нѣжнымъ волосомъ, мѣшающимъ имъ плавать и нырять. До появленія окончательнаго мѣха и до отправленія въ море, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль дѣтеныши живутъ на сушѣ, охраняемые матерями, также вынужденными оставаться внѣ воды, а слѣдовательно и безъ пищи, состоящей главнымъ образомъ изъ рыбы. Обезсиленные долгимъ голоданіемъ, тюлени въ эту пору дѣлаются легкой добычей человѣка.

Доставляя все необходимое для обитанія на крайнемъ сѣверѣ, тюлени и въ другое время ревностно преслѣдуются сѣверными инородцами. Эти **охоты** на тюленей вызываются насущною потребностью и потому настолько же естественны, какъ и преслѣдованіе ихъ со стороны животныхъ-хищниковъ — полярнаго медвѣдя и зубатаго кита. Не то приходится сказать о «**бойняхъ**», совершаемыхъ особо снаряженными на то судами. Толпами высаживаются звѣровщики на островахъ, служащихъ мѣстомъ размноженія тюленей, и, сгоняя въ кучи тысячи животныхъ, молодыхъ и старыхъ, безъ разбора убиваютъ ихъ, дубинами проламывая головы безпомощнымъ и беззащитнымъ жертвамъ (Рис. 25.3). Это звѣрское и безразсудное уничтоженіе животныхъ (тюленей промыселъ, особенно болѣе цѣнныхъ видовъ «котиковъ», замѣтно падаетъ изъ года въ годъ) производится для полученія мѣховъ и шкуръ. Эти послѣдніе возможно было бы съ успѣхомъ замѣнить другими, получаемыми менѣе жестокимъ способомъ, но объ этомъ всего меньше думаютъ торговцы, какъ и покупатели мѣховъ.

Задача очерка — наглядно показать, что обитатели воды, тюлени, представляя замѣчательный примѣръ приспособленія къ средѣ — безсильны передъ хищничествомъ человѣка, что подобно многимъ жертвамъ этого послѣдняго тюлени всего прежде интересны съ точки зрѣнія **научной**, а не тѣмъ, что въ качествѣ предмета промысла доказываютъ лишній разъ жестокость, алчность и грубое тщеславіе людей.

Рисунок 25.3. Избиение "котиковъ" (тюленей) русскими звѣровщиками

Рис. 31. Избиение «котиковъ» (тюленей) русскими звѣровщиками.

Глава 26. Кондоръ

Sarcorhamphus gryphus

Рисунок 26.1. Кондоръ

Рис. 32. Кондоръ.

Рисунок 26.2. Кондоръ, грѣющійся на солнце

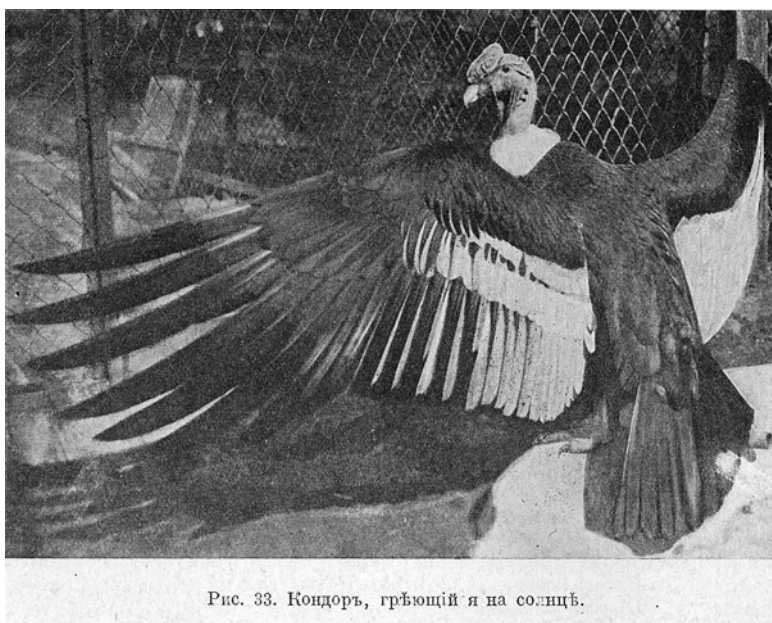

Рис. 33. Кондоръ, грѣющійся на солнцѣ.

Самецъ и самка; первый больше, отличаясь также и особымъ гребнемъ. Несмотря на крупные размѣры птицъ, неоперенность головы и шеи, слабость клюва и когтей указываютъ на питанье падалью. Длина и ширина могучихъ крыльевъ позволяютъ кондору парить, т.-е., достигнувши извѣстной силы или быстроты полета, двигаться безъ взмаховъ крыльями. Безъ затраты силы кондоры способны такимъ образомъ обследовать огромныя пространства для разысканія падали. Имѣющая пара кондоровъ неоднократно приступала къ гнѣздованію и вообще замѣтно акклиматизировалась, проводя всю зиму на открытомъ воздухѣ.

Для птицъ, привыкшихъ подниматься высоко надъ снѣжными вершинами южно-американскихъ горъ, суровость климата не можетъ, впрочемъ, быть особенно чувствительна.

Глава 27. Грифъ бурый

Vultur monachus

Рисунок 27.1. Грифъ бурый

Рис. 34. Грифъ бурый.

Сильнѣе и массивнѣе, чѣмъ предыдущій, съ крѣпкимъ клювомъ, загнутымъ крючкомъ, для отдиранья мяса отъ костей. Присматриваясь къ грѣющемуся на солнцѣ грифу, можно видѣть, какъ большіе темные глаза его по временамъ подергиваются особой пленкой. Эта пленка есть такъ называемое «третье вѣко», или иначе мигательная перепонка. Свойственная птицамъ вообще эта мигательная перепонка служить для защиты глаза отъ избытка солнечнаго свѣта, что особенно полезно для такихъ хорошихъ летуновъ, какъ грифы. Цѣлыми часами грифы высоко парятъ на солнцѣ въ поискахъ добычи, состоящей исключительно изъ падали, какъ это явствуетъ при взглядѣ на неоперенную ихъ голову и шею.

Глава 28. Сипъ

Gyps fulvus

Рисунок 28.1. Сипъ

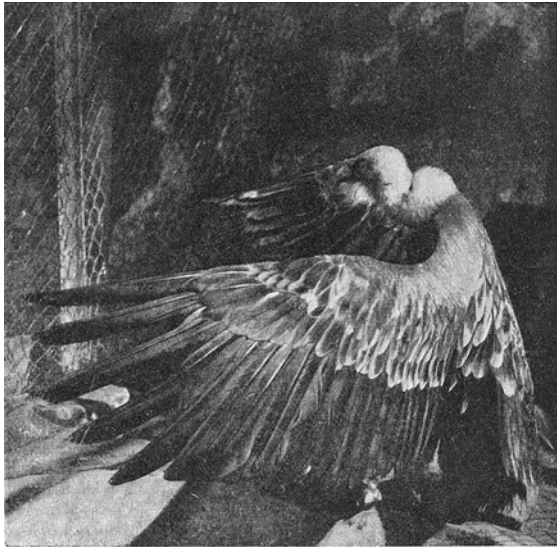

Рис. 35. Сипъ бѣлоголовый.

Съ длинной тонкой и одѣтой пухомъ головой и шейей. Это ясно говоритъ о близости его къ стервятнику. Подобно этому послѣднему и сипы, разрывая брюхо павшаго животнаго, особенно охотно поѣдаютъ внутренности. И легко понять, что при обычномъ запусканіи головы и шеи внутрь тупа опереніе ихъ являлось бы помѣхой. Замѣчательно недоразвитіе обонянія у сипа, какъ и вообще у большей части хищниковъ, питающихся падалью. Слетаясь на послѣднюю и кондоры, и сипы руководствуются исключительно необычайной остротою зрѣнія, а это въ свою очередь находится въ связи съ ихъ обитаніемъ въ открытыхъ и безлѣсныхъ мѣстностяхъ.

Глава 29. Ягнятникъ или бородачъ

Gypaetos barbatus

Огромный хищникъ, съ длинными заостренными крыльями и небольшимъ пучкомъ волосъ на подбородкѣ. Несмотря на крупные размѣры птицы, относительная слабость ногъ и клюва говорятъ о неспособности напасть на крупную и защищающуюся добычу. Обитатель высочайшихъ горъ Кавказа и Центральной Азіи ягнятникъ, съ шумомъ налетая на стоячихъ у обрыва козъ или барановъ, дѣйствуя испугомъ болѣе, чѣмъ силой, сбрасываетъ свою жертву съ крутизны. Не менѣе охотно бородачъ питается и падалью, о чемъ свидѣтельствуесть малая оперенность всей передней части головы.

Глава 30. Орель беркутъ

Aquila chrysaetos

Уже знакомый намъ изъ предыдущаго (см. стр. 11 [18]). Какъ универсальный хищникъ, лишь попутно, но весьма охотно обращающійся къ падали, орель имѣеть лапы, голову и шею густо оперенными и этимъ рѣзко отличается отъ кондоровъ и грифовъ. Для послѣднихъ опереніе ногъ при извлеченіи ими внутренностей труповъ представлялось бы не меньшею помѣхой, чѣмъ опереніе головы и шеи. Нѣсколько иной причиной объясняется неоперенность лапъ у слѣдующихъ хищныхъ птицъ, такъ называемыхъ орлановъ, среди нихъ:

Глава 31. Орланъ-бѣлохвост

Haliaeetus albicilla

Рисунок 31.1. Орланъ-бѣлохвостъ

Рис. 36. Орланъ бѣлохвостъ.

Сильный, хотя нѣсколько тяжеловѣсный хищникъ, неспособный схватывать летящихъ птицъ и часто наблюдаемый на падали. Могучіе изогнутые когти на ногахъ, неоперенныхъ въ своей нижней половинѣ, говорятъ однако о питаніи и живой добычей. Бугорчатая, неровная подошва лапы приспособлена для схватыванія скользкихъ и увертливыхъ животныхъ: бѣлохвостикъ — прирожденный рыболовъ. Бросаясь за поднявшейся къ поверхности воды добычей, орланы съ силой погружаютъ лапы въ воду, и легко понять, что для захватыванія рыбы подъ водою опереніе ногъ являлось бы помѣхой.

Глава 32. Каранхо и орланъ-агуйя

Могут послужить примѣрами того, какъ въ чужеземныхъ фаунахъ наши птицы замѣщаются другими, близкими по складу, но отличными по оперенію. Такъ на примѣръ, въ Южной Америкѣ орланы замѣщаются болѣе мелкимъ хищникомъ — **Агуйей** (*Ceraploaetes melanoleucos*) съ своеобразнымъ опереніемъ, голубоватымъ сверху, бѣловатымъ снизу.

Каранхо (*Polyborus brasiliensis*) изъ Бразиліи, со стройными и длинными ногами, долго и охотно бѣгающій по землѣ для добыванія червей и насѣкомыхъ. Крѣпкій клювъ указываетъ на способность убивать и болѣе крупную добычу до ягнать включительно; длинныя крылья — на способность долгаго полета и преслѣдованія летящихъ птицъ, а голыя, лишеныя оперенія голова и шея — на питанье падалью.

Глава 33. Филинь

Bubo maximus

Рисунок 33.1. Филинь

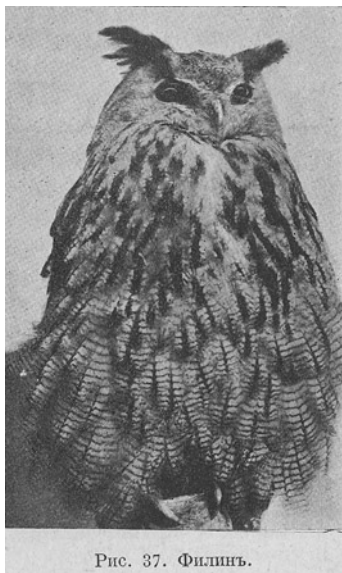

Рис. 37. Филинь.

Самая крупная из наших сов. Пучками удлиненных перьев, выступающих на головѣ, и цвѣтомъ оперенія походить на сову ушастую (разсмотрѣнную ранѣе), но вдвое больше по размѣрамъ. Замѣчательны большіе огненные, желто-красные, глаза. Охваченные сзади и съ боковъ особымъ костянымъ чехломъ глаза у филина не могутъ двигаться; ихъ неподвижность возмѣщается вращаемостью головы, которая способна заворачиваться на спину. Наперекоръ ходячему воззрѣнію, что совы ничего не видятъ днемъ — зрѣніе филина и днемъ неизмѣримо лучше нашего. На полномъ солнечномъ свѣту сидящій въ полѣ филинь безъ ошибки узнаетъ издалека едва виднѣющагося на небѣ хищника, готовясь къ оборонѣ. Какъ и остальные совы, филинь съ яростью преслѣдуется днемъ воронами, орлами, ястребами и въ особенности мелкими пернатыми.

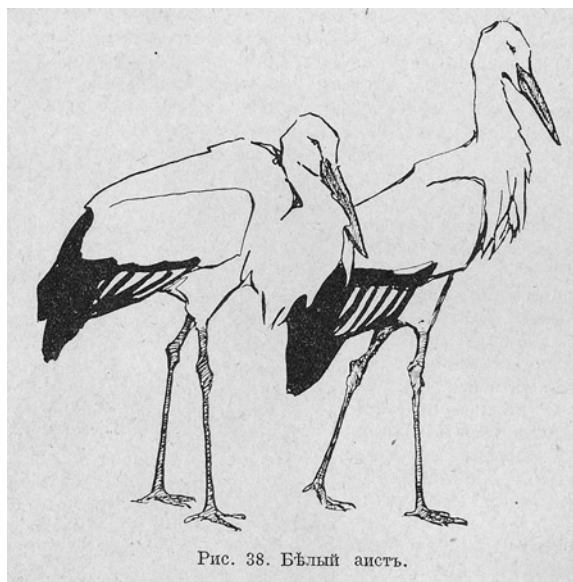
Этимъ преслѣдованіемъ его дневными птицами и неумѣньемъ филина справляться съ хорошо летающимъ противникомъ (добыча филина обыкновенно схватывается съ земли или вѣтвей и часто въ сонномъ состояніи) и объясняется присущая ему боязнь отправляться на добычу раньше наступленія сумерекъ: примѣръ двоякаго приспособленія животнаго къ преслѣдованію жертвы и преслѣдуемости самого.

Среди имѣющихся филиновъ одни замѣтно отличаются болѣе свѣтлымъ опереніемъ: образецъ того, какъ у животныхъ, широко распространенныхъ, въ разныхъ мѣстностяхъ окраска можетъ представлять замѣтныя отличія. Водящіяся въ Западной Сибири филины относятся къ особой «разновидности» (**сибирскій филинь** — *Bubo maximus sibiricus*).

Глава 34. Обыкновенный аист

Ciconia alba

Рисунок 34.1. Белый аист

Широко распространенный в Западной Европе, водится у нас в Остзейском крае, Польшѣ, Малороссіи и прилежащих мѣстностяхъ. Необычный по окраскѣ — бѣлый съ рѣзко-выдѣляющейся чернотой крыльевъ, съ киноваре-краснымъ клювомъ и ногами — **бѣлый аистъ** и въ повадкахъ представляетъ много необычнаго. Такъ, не въ примѣръ всѣмъ прочимъ голенастымъ птицамъ, бѣлый аистъ гнѣздится близъ человѣческихъ жилищъ, довѣрчиво селясь на крышахъ деревенскихъ зданій. Въ то же время птица избѣгаетъ близости людей внѣ заселенныхъ мѣстъ, на волѣ, при исканіи добычи по болотамъ и лугамъ. Какъ содержаніе послѣдней, состоящей изъ лягушекъ, ящерицъ, мышей и птицъ, такъ и привычка высоко устраивать свое гнѣздо, показываетъ намъ, что аистъ — длинноногій хищникъ, родственнѣе журавлямъ, а цаплямъ. Но въ отличіе отъ гнѣздящихся большими обществами цапель аистъ только послѣ выведенія молоди, къ исходу лѣта, собирается въ большія стаи, исподволь готовящіяся къ отлету. Эта временная стадность аиста тѣмъ интереснѣе, что не въ примѣръ другимъ общественнымъ и стаднымъ птицамъ аистъ поражаетъ молчаливостью, вѣрнѣе, полной безголосостью. Сердитое шипѣніе и гораздо чаще раздающееся шелканье, или похлопываніе клювомъ — таковы единственные звуки, издаваемые аистомъ. Возможно, что лишенные способности сноситься голосомъ въ особенности на лету (пощелкиваніе клювомъ производится всегда съ закинутой къ спинѣ иверху головой и потому возможно только при спокойной позѣ) аисты привыкли узнавать другъ друга больше по окраскѣ оперенія, рѣзко выдѣляющагося на фонѣ зелени и голубого неба. Состоя изъ рѣзкаго соединенія чернаго и бѣлаго, окраска эта облегчаетъ молодымъ или отбившимся отъ стаи птицамъ даже на далекомъ разстояніи узнавать своихъ сородичей. И въ этомъ смыслѣ опереніе аиста рассматриваютъ часто какъ примѣръ «распознавательной» окраски, помогающей взаимному распознаванію особей того же вида. Подтвержденіе справедливости такого взгляда можно видѣть въ томъ, что наблюдающійся рѣже **черный** аистъ вмѣстѣ съ темною окраской проявляетъ и гораздо меньшую общительность.

Глава 35. Марабу

Leptoptilus crumenifer

Рисунок 35.1. Марабу спокойный

Рис. 39. Марабу спокойный.

Рисунок 35.2. Онъ же обезпокоенный

Рис. 40. Онъ же обезпокоенный.

Высокій на ногахъ и безобразный аистъ. Голыя или покрытыя лишь рѣдкимъ пухомъ голова и шея, походящія на таковыя же у грифовъ, говорятъ о сходствѣ и питанія съ послѣдними. И точно, въ южныхъ странахъ, Африкѣ и Индіи, одновременно съ грифами обычно собираются на падали и марабу, успѣшно конкурируя съ указанными хищниками. Крѣпкій конусообразный клювъ не только безъ труда вскрываетъ внутреннія полости добычи, но, какъ мощное орудіе, способенъ также наносить удары нападающимъ соперникамъ. Изъ-за красивыхъ перьевъ около хвоста, употребляемыхъ на украшеніе дамскихъ шляпъ, эта полезная и рѣдкая въ музеяхъ птица угрожаетъ въ скорости быть уничтоженной, подобно многимъ замѣчательнымъ произведеніямъ природы; приносимымъ въ жертву грубому тщеславію.

Глава 36. Цапля сѣрая

Ardea cinerea

Рисунок 36.1. Сѣрая цапля

Рис. 41. Сѣрая цапля.

Лишь въ слабой степени напоминаетъ предыдущихъ птицъ, имѣя пальцы длинные, костлявые, безъ перепонокъ, съ длинными, полого-искривленными когтями. Пальцы эти дѣйствуютъ какъ лыжи при ступаніи по топямъ и трясинѣ рѣкъ или озеръ. Клювъ шиломъ, острый и прямой, указываетъ на питание рыбой и другой способной оказать сопротивленіе добычей и на близость цапли къ хищнымъ птицамъ.

Нацѣливъ свою жертву, цапля быстро выпрямляетъ согнутую шею, такъ что шея, голова и клювъ, вытягиваясь въ одну прямую линію, копьемъ вонзаются въ добычу. Отдыхаетъ цапля, часто и охотно помѣщаясь на деревьяхъ, съ большой ловкостью цѣпляясь за сучки своими длинными и тонкими когтями, больше приспособленными для ступанія по топкимъ берегамъ и для захватыванія пучковъ осоки или камыша. На деревѣ же цапля часто помѣщаетъ и свое гнѣздо. Строеніе цапли — образецъ двоякаго приспособленія и къ лѣсу, и къ водѣ.

Глава 37. Бѣлая цапля (*)

Ardea alba

Рисунок 37.1. Бѣлая цапля

Рис. 42. Бѣлая цапля.

Немногіе знакомы съ этой птицей. Стройная и легкая съ изящно согнутою длинною шеей и прекраснымъ опереніемъ, особенно весной, когда на фонѣ бѣлоснѣжнаго наряда птицы со спины ея спускается по нѣсколько болѣе длинныхъ тонко-разсѣченныхъ перьевъ. Къ сожалѣнію, слишкомъ многимъ, слишкомъ хорошо извѣстны эти серебристыя косицы: подъ названіемъ «эгретокъ» онѣ издавна идутъ на украшеніе дамскихъ шляпъ. Владѣлицы послѣднихъ мало думаютъ о томъ, какъ добывается эта красивая бездѣлка. И напрасно полагаютъ, что эгретки фабрикуются искусственно, и что въ продажу поступаютъ перья, оброненныя самими птицами или служившія для выстилки ихъ гнѣздъ: послѣднія устраиваются лишь изъ вѣтокъ, оброненныя же перья, малочисленныя и обтрепанныя, не имѣютъ никакой цѣны.

Единственный пріемъ для добыванія эгретокъ — **умерщвление бѣлой цапли на гнѣздовѣ**. Лишь на это время развивается у ней ея прелестный и предательскій нарядъ; и только въ эту пору осторожная въ другое время птица дѣлается легкою добычей для охотниковъ, подосланныхъ торговцами и лицами, скупающими перья. Забываютъ, что съ убійствомъ каждой птицы ради полученія одного пучечка перьевъ въ свое время преданъ былъ мучительной голодной смерти цѣлый выводокъ беспомощныхъ птенцовъ. Приложенныя фотографіи (Рис. 37.2) воспроизводятъ главные моменты этой потрясающей трагедіи ¹.

¹ Снимки эти сдѣланы англійскимъ орнитологомъ Маттингли [А. Н. Е. Mattingly] и впервые предлагаются вниманію русскаго читателя съ соизволенія Великобританскаго Общества Защиты Птицъ [Royal Society for the Protection of Birds].

Рисунок 37.2. Исторія бѣлой цапли

Эгретка.

1. На гнѣздѣ.
2. Въ поискахъ корма для птенцовъ.
3. Убитая изъ-за перьевъ.
4. Осиротѣвшіе птенцы.
5. Полумертвые отъ голода.
6. При послѣднемъ издыханіи.

«Сначала (1) цапля сидитъ на яйцахъ и зорко наблюдаетъ за окружающимъ. Потомъ (2) идутъ поиски пищи вблизи гнѣзда, такъ какъ птенцы уже вылупились и требуютъ пищи. Это время и выбирается охотникомъ, и, притаившись въ тростникахъ, онъ убиваетъ (3) граціозное созданіе. Птенцы сначала терпѣливо

ждуть возвращенія родителей. Но муки голода усиливаются съ часу на часъ. Несчастные начинаютъ кричать (4). Два-три дня прошло; у нихъ уже нѣтъ силъ для крика (5). (Самые крѣпкіе могутъ еще держаться на лапкахъ, но одинъ за другимъ шатаются и издыхаютъ (6)».

Приведенныя картины, закрѣпленныя на мѣстѣ преступленія, повторяются въ природѣ всякій разъ при добываніи каждаго пучка эгретъ. При этомъ самая манера птицъ гнѣздиться цѣлымъ обществомъ приводитъ къ сценамъ ужасающей жестокости. Вотъ какъ описаны онѣ словами очевидца:

«

На колеблющихся травахъ болота лежало 50 труповъ бѣлыхъ цапель, убитыхъ вблизи ихъ гнѣздъ въ то время, какъ онѣ искали пищи для своихъ выводковъ. 50 птицъ убито ради нѣсколькихъ перышекъ, и 200 птенцовъ обречено на голодную смерть!

Большая часть птенцовъ уже погибла; многіе изъ нихъ попадали изъ гнѣздъ и утонули въ болотѣ. Другіе же находились при послѣднихъ минутахъ агоніи; истощенные голодовкой они шатались, наконецъ, сядились вглубь гнѣзда и издыхали на нашихъ глазахъ.

Нѣкоторые обращали свои исхудавшія головки къ нашей лодкѣ въ то время, какъ мы проѣзжали мимо, и жалобно пищали, какъ бы прося пищи, которую имъ не суждено было получить никогда. Нѣкоторые, завидя пролетающую мимо цаплю, дѣлали послѣднія усилія, чтобы подняться на лапы. Въ бреду медленной агоніи они протягивали свои полуоткрытые клювы и исхудавшія шеи къ этому мимолетному видѣнію, напоминавшему имъ погибшихъ родителей. Бѣдняжки! Только отъ смерти могли ждать они прекращенія своихъ страданій.

»

Представляется непостижимымъ, чтобы лица, причастныя къ вопросамъ воспитанія и нравственной культуры, зная о жестокостяхъ, приведшихъ къ обладанію «эгретки», продолжали бы носить ее и со спокойной совѣстью бесѣдовать въ семьѣ и школѣ о гуманности и состраданіи. И это лицемѣріе, эту жестокость тѣмъ труднѣе оправдать, что побуждаетъ къ ней не грустная необходимость, не природная потребность (какъ при умерщвленіи животныхъ, доставляющихъ намъ пищу и одежду), а единственно тщеславіе, напрасно прикрываемое чувствомъ красоты.

По счастью, въ болѣе культурныхъ странахъ, въ Англіи, Америкѣ, Австраліи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ ужъ началось движеніе, направленное къ спасенію несчастныхъ птицъ отъ окончательнаго истребленія. Стараніями лицъ, умѣющихъ цѣнить прекрасное въ Природѣ безъ посредничества моды и ея прислужницъ, изданы законы, запрещающіе добываніе, вывозъ и храненіе перьевъ бѣлой цапли. Но важнѣе, чтобы сами покупательницы ихъ сознали свою роль въ этомъ безславномъ дѣлѣ; чтобы въ каждомъ кустику изъ развѣвающихся бѣлыхъ перышекъ, обвѣянныхъ агоніей десятковъ птенчиковъ, замученныхъ голодной смертью, чтобы въ перышкахъ эгретки на беретѣ шляпы научились видѣть не печать изящества и благородства, а клеймо **жестокости и безсердечія...**

Рисунок 37.3. Бѣлое клеймо жестокости

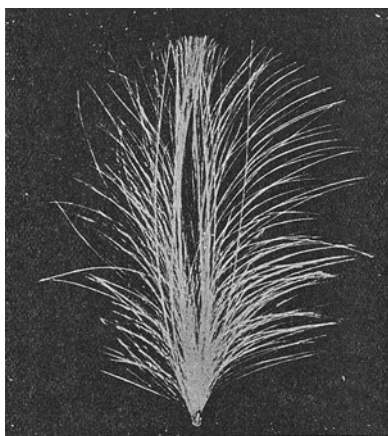

Рис. 44. «Бѣлое клеймо жестокости».

—

Глава 38. Журавль сѣрый

Grus cinerea

Рисунок 38.1. Сѣрые журавли съ птенцомъ, выведеннымъ въ Саду

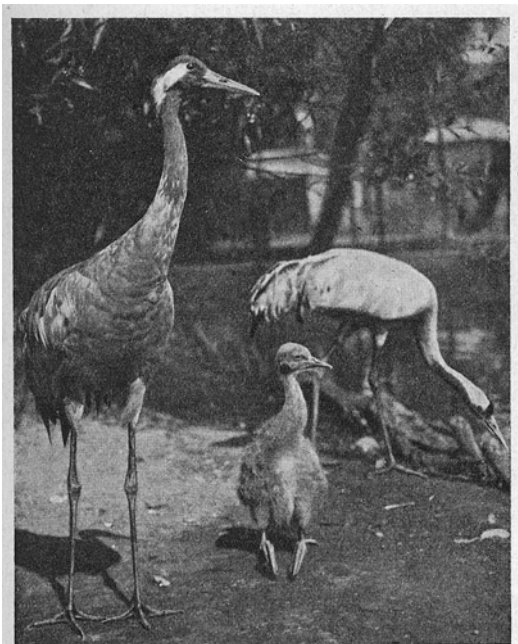

Рис. 45. Сѣрые журавли съ птенцомъ, выведеннымъ въ Саду.

Статная, стройная птица, держащаяся по обширнымъ низменнымъ мѣстамъ. Хорошо показываетъ намъ, какъ у животныхъ, двигающихся по землѣ, длина конечностей и шеи связаны между собою: удлиненіе первыхъ, облегчающее птицѣ двигаться въ болотистой и травянистой мѣстности, всегда сопровождается и длинной шеей, позволяющей легко касаться почвы при разыскиваніи корма. И обратно, при стояніи въ высокой и густой травѣ длинная шея позволяетъ лучше озиранья, выдвигая голову изъ-за скрывающихся ея высокихъ стеблей. Въ этомъ смыслѣ рослая фигура журавля есть настоящая сторожевая башня, помогающая птицѣ охватить большое поле зрѣнія и при опасности заблаговременно уйти въ непроходимые, густые камыши. Въ послѣднихъ же устраивается онъ и на гнѣздовѣ. Осторожный, бдительный на волѣ, пойманный журавль быстро и легко ручнѣетъ и въ Саду неоднократно выводилъ птенцовъ. Одѣтый рыжеватымъ пухомъ журавленокъ можетъ бѣгать вскорѣ послѣ вылупленія, напоминая длинноногаго утенка (Рис. 38.2). Только постепенно ноги молодого журавля становятся все болѣе длинными, и, соразмѣрныя вначалѣ, превращаютъ нѣсколько позднѣе молодого журавля въ нескладное и долговязое созданіе (Рис. 38.1), заботливо оберегаемое стариками. Журавлиный крикъ, пронзительный и въ отдаленіи не лишенный мелодичности, нерѣдко и въ неволѣ издается птицами, особенно въ тревогѣ. На свободѣ крикъ этотъ обычно слышится во время журавлиного пролета: вмѣстѣ съ многими другими птицами, не приспособленными къ нашей зимней стужѣ и безкормицѣ, журавль отлетаетъ осенью на югъ, чтобы вернуться къ намъ при наступленіи весны.

Какъ образецъ пролетной птицы, журавли издавна привлекали на себя вниманіе. Кому не приходилось слышать ихъ меланхолическаго звучнаго «курлыканиа», видѣть тянущей высоко въ небѣ журавлиной стаи, удивляться правильности ея формъ (на пролетѣ журавли летятъ построившись угломъ, направленнымъ вершиною впередъ) и постоянству времени и направленія пролетовъ. Эту вѣрность избранному направленію и самое возникновеніе пролетовъ объясняютъ тѣмъ, что уроженцы юга, журавли, постепенно разселяясь къ сѣверу, въ исканіи новыхъ мѣстъ для корма и гнѣздовья, ежегодно возвращались къ мѣсту своей прежней родины. **Въ теперешнихъ путяхъ пролета видятъ отраженіе пути, которымъ нѣкогда шло разселеніе птицъ.** Труднѣе объяснить другія стороны пролета: вѣрность направленія пути и правильное построеніе летящей стаи. Первое — отчасти объясняютъ тѣмъ, что молодыя птицы странству-

ютъ подѣ руководствомъ старыхъ вожаковъ, второе тѣмъ, что при опредѣленномъ, угловомъ или косомъ, расположеніи летящихъ птицъ, послѣднимъ легче видѣть вожака, несущагося впереди. Есть и другія выгоды, даваемая правильностью строя перелетныхъ птицъ¹, но разсмотрѣніе ихъ насъ завело бы слишкомъ далеко.

Достаточно отмѣтить, что какъ самое выстраиваніе птицъ на перелетахъ, такъ и ихъ умѣніе находить пути и направленія достигаются и совершенствуются опытомъ и упражненіемъ. Напротивъ, самое стремленіе къ пролету вызывается **инстинктомъ**, какъ движеніе врожденное, слѣпое. Въ первую же осень молодой журавль, вылупившійся въ Саду, спокойный и довѣрчивый въ другое время, начинаетъ биться, рваться на свободу. Не взирая на избытокъ и тепла, и корма его тянетъ вдаль, въ безвѣстную дорогу, на соединеніе со станицами спѣшавшихъ къ югу дикихъ журавлей.

Рисунок 38.2. Кормленіе журавленка

Рис. 46. Кормленіе журавленка.

¹ Оригинальное и увлекательное объясненіе ихъ читатели найдутъ въ статьѣ Б. М. Житкова и С. А. Бутурлина, опубликованной въ изданіи общества акклиматизаціи животныхъ и растений кружкомъ любителей пѣвчей птицы. См. дневникъ кружка за 1905 — 1906 г.

Глава 39. Журавль малый

Grus virgo

Рисунок 39.1. Красавки

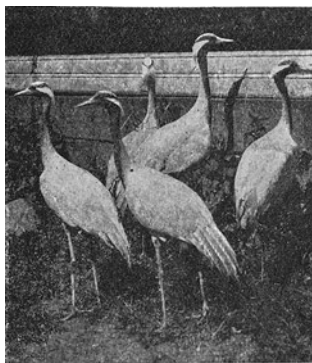

Рис. 47. Красавки.

Самый маленький из журавлиных. Сверху сизый с черными спускающимися по шею перьями. Пучки более нежных белых перьев обрамляют щеки. И наружный облик, и окраска, и движения птиц полны изящества и стройности. Отсюда и латинское название его «Журавль-дѣва» или русское «Красавка», под которым птица эта хорошо известна по низовью Волги. Как и остальные журавли — красавка птица в высшей степени общительная. Стаями до нескольких сот штук журавль этот прилетает к нам из мест своей зимовки; стаями же держится всегда перед гнездовьем, после выведения молоди и стаями же собирается к отлету осенью. Эту общительность можно заметить и на птицах, содержащихся в неволе: каждая из них как-будто жметя к своему соседу.

Глава 40. Чайки

Larus argentatus

Рисунок 40.1. Чайка серебристая

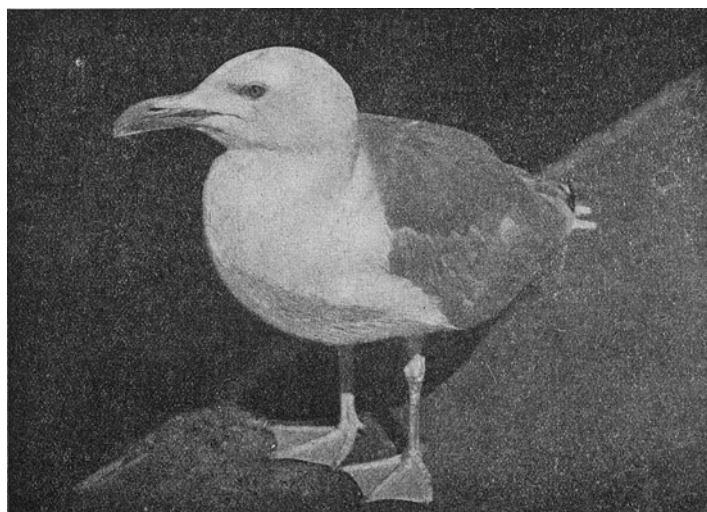

Рис. 48. Чайка серебристая.

Рисунок 40.2. Чайка на водѣ

Рис. 49. Чайка на водѣ.

И наружностью, и нравомъ совершенно противоположны предыдущимъ, будучи настолько же драчливы, неуживчивы, насколько тѣ миролюбивы. Во всѣхъ своихъ движеніяхъ — это проворныя на сушѣ птицы, превосходно плавающія (Рис. 40.2) (какъ это явствуетъ изъ плавательныхъ перепонокъ ногъ), но довольно высоко сидящія въ водѣ, а потому и не могущія нырять. Всѣ чайки — замѣчательные летуны, на волѣ большую часть времени проводящія на крыльяхъ, длинныхъ, заостренныхъ. Обитатели морского побережья (**чайка серебристая**) и прѣсныхъ водъ, озеръ и рѣкъ (такъ называемая **хохотунья**), чайки болѣе или менѣе общественныя птицы, низкимъ голосомъ, всеядностью и вороватостью наиоминающія воронъ. Изыщныя и легкія — на воздухѣ, эффектныя — въ изображеніи художниковъ, излюбленное у поэтовъ олицетвореніе свободного и неземного — чайки по духовнымъ своимъ свойствамъ мало поэтичныя созданія: сварливыя между собой, назойливыя въ отношеніи къ человѣку, неразборчивыя въ пищѣ и до крайности прожорливыя существа. Какъ въ случаѣ орла, издавна олицетворявшаго собою величіе и гордость силы, а на дѣлѣ часто попадающагося на падали, также на падали нерѣдко наблюдаются и чайки, вынужденныя разнообразить всякими отбросами свое обычное питаніе рыбами, червями и моллюсками. Естествознание охотно мирится съ развѣнчиваніемъ такихъ красивыхъ, но невѣрныхъ образовъ, увѣренное, что не въ нихъ значеніе и красота познанія окружающей природы.

Глава 41. Утки и нырки

Рисунок 41.1. Утки и утята на пруду

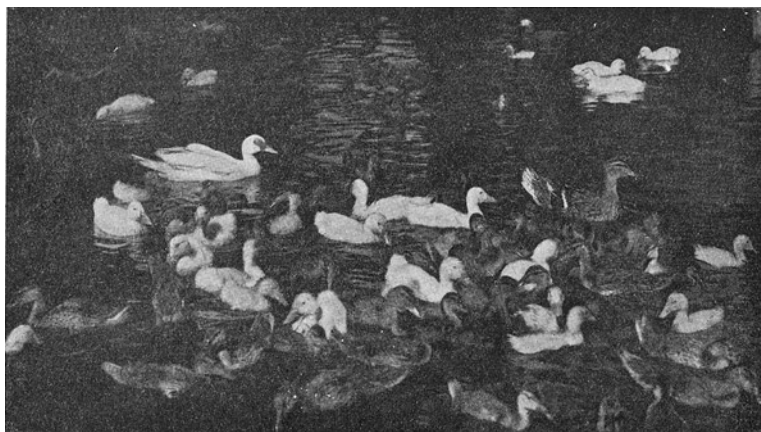

Рис. 50. Утки и утята на пруду.

Рисунок 41.2. Нырки

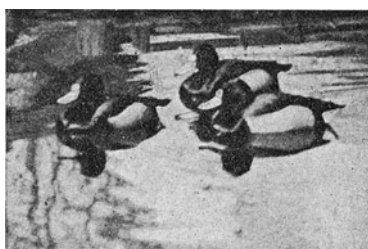

Рис. 51. Нырки.

Небольшой прудок, лежащий нѣсколько выше предыдущаго, даетъ возможность ознакомиться поближе съ жизнью и повадками утиныхъ птицъ. Весной и лѣтомъ здѣсь царитъ большое оживленіе (Рис. 41.1); сотни утокъ и утятъ, шумливо крякая, барахтаются въ водѣ, ежеминутно окунаясь, обнаруживая удивительное мастерство въ ныряніи. Другіе, стоя на отлогомъ берегу, перебираютъ перья клювомъ, смазывая ихъ особой маслянистой жидкостью, выдавливаемой изъ небольшой железки, расположенной у основанія хвоста. Промазанное этимъ жиромъ опереніе водоплавающихъ птицъ становится невоспримчивымъ къ водѣ; послѣдняя, не приставая къ тѣлу, скатывается съ пера. Эта манера смазывать свое перо является настолько же врожденной этимъ птицамъ, какъ и самое стремленіе ихъ къ водѣ: едва обсохнувъ, черезъ нѣсколько часовъ по вылупленіи, утята могутъ плавать и нырять. Способность эту невозможно объяснить однимъ лишь раздраженіемъ старымъ птицамъ, часто окруженнымъ крайне многочисленнымъ потомствомъ. Это непомѣрное обиліе утятъ нерѣдко объяснимо тѣмъ, что уткой кромѣ собственныхъ дѣтей охотно принимаются и безпризорные птенцы другого выводка. Какъ это, такъ и наблюдаемое иногда совмѣстное высиживаніе яицъ, снесенныхъ двумя утками, или совмѣстное выхаживаніе обоихъ выводковъ не должно понимать какъ выраженіе альтруистическаго чувства. Правильнѣе думать, что въ основѣ этого благого расширенія родительскихъ заботъ лежитъ эгоистичное стремленіе, заставляющее птицъ, оставшихся безъ пары или потерявшихъ собственную кладку, силою завладѣвать чужою для высиживанія ея или подманывать чужихъ утятъ для ихъ усыновленія. Такое симпатичное по виду, но себялюбивое по существу стремленіе къ общенію всего чаще наблюдается среди **нырковъ**. Послѣдніе отъ утокъ отличаются болѣе плотнымъ и широкимъ складомъ, болѣе широкимъ клювомъ и въ особенности тѣмъ, что, не въ примѣръ обыкновеннымъ уткамъ, питаются по преимуществу животнымъ кормомъ, для исканія котораго нерѣдко держатся у моря или на открытыхъ плесахъ прѣсноводнаго бассейна. Эта большая способность у нырковъ подолгу пребывать вдали отъ суши связана съ особой густотой и плотностью брюшнаго оперенія, заходящаго съ боковъ на крылья такимъ образомъ, что нижніе свободные края послѣднихъ въ состояніи

покою вложены под оперение брюха. Тело плавающего нырка как бы покоится в глубокой лодочке, борты которой образованы завернутыми вверх перьями груди и брюха (что особенно заметно там, где оперение последних отличается от такового крыльев, Рис. 41.2). Этим достигается непроникание воды под крылья у нырка, подолгу пребывающего на воде. Не столь глубокое, несовершенное скрывание крыльев, свойственное уткам, заставляет их от времени до времени приподниматься над водой и сильно хлопать крыльями для удаления воды, забравшейся под крылья. Напротив, полное отсутствие подобного прикрытия крыла у «веслоногих», напр. у пеликана, побуждает этих птиц держать возможно выше крылья над водой, оберегая их от промокания, а в случае последнего, по выходе на сушу долго выставлять расправленные крылья для просушки.

Интересна также и манера некоторых нырков гнездиться в дуплах и кустарниках, неподалеку от воды. Но и другие представители утиных интересны по особенностям гнездования. Сюда относятся **пѣганки** (*Tadorna cornuta*), с пестрым оперением из смеси белых, черных и кирпично-рыжеватых пятен. Широко распространенные в степях России утки эти гнездятся в глубоких норах, часто далеко от водоемов, в совершенно голой и открытой местности. Иного рода, хотя столь же необычно гнездование **красной утки** (*Tadorna guttata*), помещающей свое гнездо в дупло деревьев и сажающейся для отдыха на сучья высочайших лиственниц и елей. В меньшей степени подобная древесная повадка свойственна красивой **мандаринской утке** (*Aix galericulata*) из Восточной Азии. Самцы с красивым хохолком и серповидно удлиненными и загнутыми перышками на крыльях заметно отличаются от тускло оперенных самок, представляя резкий образец несходства в оперении у разных полов.

Глава 42. Дикі гуси

Рисунок 42.1. Дикі гуси и лебедь на пруду

Рис. 52. Дикі гуси и лебедь на пруду.

Рисунок 42.2. Дикі гуси (полевые и сѣрый)

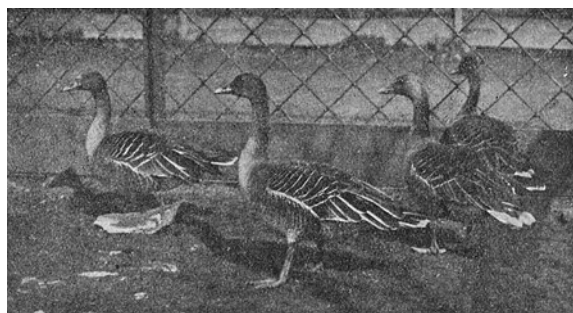

Рис. 53. Дикі гуси (полевые и сѣрый).

Рисунок 42.3. Бѣлощекія казарки

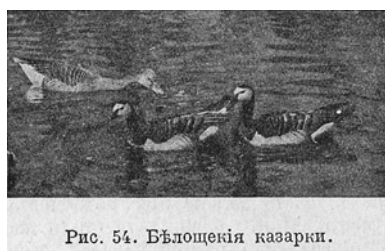

Рис. 54. Бѣлощекія казарки.

Съ явленіемъ приспособленія у животныхъ связаны и тѣ вопросы, изученіе которыхъ составляетъ главную научную задачу нашего зоологическаго сада. Мы имѣемъ здѣсь въ виду вопросы акклиматизаціи, т. е. искусственнаго приученія животныхъ къ новымъ и несвойственнымъ для нихъ условіямъ существованія. Очевидно, что такое постепенное приспособленіе имѣло мѣсто въ отношеніи всѣхъ нашихъ одомашненныхъ животныхъ. Относительно значительнаго большинства послѣднихъ можно безъ труда установить ихъ вѣроятныхъ дикихъ прародителей. Всего легче это удастся въ отношеніи водоплавающихъ птицъ. Относительно домашней утки, на примѣръ, едва ли можно сомнѣваться, что родоначальница ея есть **кряковая** утка (Рис. 20.1), широко распространенная въ Европѣ и Сибири: это явствуетъ хотя бы изъ того, что голосъ дикой утки мало отличимъ отъ кряканья домашней. То же въ отношеніи домашняго гуся; какъ уже было сказано, родоначальникомъ его считается нашъ **дикій сѣрый гусь** (*Anser cinereus*, Рис. 42.2) съ голубовато пепельнымъ надхвостьемъ и мясисто розовыми лапами и клювомъ. Этотъ сѣрый гусь замѣтно отличается отъ **гуся полевого** и **гуся гуменника** (съ болѣе желтою окраской лапъ и клюва и землистымъ цвѣтомъ оперенья) и тѣмъ болѣе отъ другихъ гусей того же водоема, напр. такъ называемыхъ казарокъ

(Рис. 42.3), болѣе мініатюрныхъ и короткоклювыхъ птицъ, гнѣздящихся обыкновенно у морского побережья, и **канадскаго гуся** (*Branta canadensis*, Рис. 47.2), совсѣмъ недавно лишь подвергшагося прирученію въ Сѣверной Америкѣ и сохранившаго и крупные размѣры, и необычайную окраску: бѣлое пятно, идущее отъ горла по бокамъ отъ черной головы и шеи.

Рисунок 42.4. Канадскіе гуси съ пуховыми птенцами

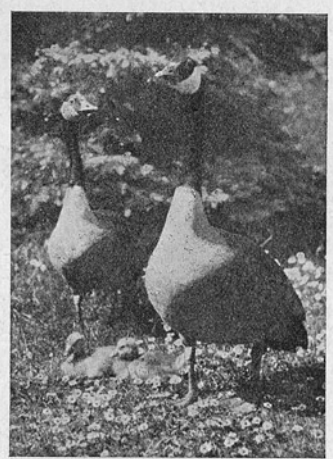

Рис. 55. Канадскіе гуси съ пуховыми птенцами.

Рисунок 42.5. Нильскій гусь

Рис. 56. Нильскій гусь.

Совсѣмъ особнякомъ въ вопросѣ акклиматизаціи стоитъ примѣръ одомашненія **нильскаго гуся** (*Chenalorex aegyptiacus*, Рис. 42.5) — красивой птицы съ опереніемъ не яркимъ, но изящно разрисованнымъ въ коричневыя, бурые и сѣроватыя тона. Гнѣздо обыкновенно помѣщается на деревѣ по близости къ водѣ. Распространенный въ бѣльшей части Африки въ природномъ состояніи и разводимый нынѣ лишь въ зоологическихъ садахъ и паркахъ этотъ нильскій гусь не можетъ почитаться настоящимъ одомашненнымъ животнымъ. Тѣмъ интереснѣе, что нѣкогда, въ эпоху фараоновъ, у египтянъ, птица эта разводилась массами и всюду, будучи въ извѣстномъ смыслѣ національнымъ одомашненнымъ животнымъ древняго Египта. вмѣстѣ съ распаденіемъ послѣдняго исчезла и культура этой птицы — рѣдкій образецъ когда-то прирученнаго и снова одичавшаго созданія, несмотря на многократныя попытки не вернувшагося въ состояніе прежняго одомашненія.

Еще менѣе измѣнился при одомашненіи **лебедь**. Въ прирученномъ состояніи онъ извѣстенъ уже съ глубокой древности. Тѣмъ замѣчательнѣе, что издавна разводимые въ неволѣ лебеди и въ состояніи одомашненія сохранили гордую осанку, трубный голосъ и сверкающую бѣлую окраску дикихъ лебедей. Изъ сказаннаго явствуетъ, что давность прирученія животнаго далеко не всегда опредѣляетъ степень измѣненія его въ домашнемъ состояніи.

Рисунок 42.6. Лебеди (шипунь і кликуны)

Рис. 57. Лебеди (шипунь і кликуны).

Рисунок 42.7. Токуючий тетеревь

Рис. 58. Токуючий тетеревь.

Як сложні, як запутані умовля, опредляючі прирученіє животнох — вь этомь убждаеть насъ обширная вольера вправо отъ разсмотрѣннаго только что прудка. Построена она со спеціальной цѣлюю — дати убѣжище, возможно близкое къ естественному, тѣмъ изъ птицъ, одомашненіє которохъ представлялось бы особенно желательнымъ. Такъ напримѣрь, среди куриныхъ птицъ казалось бы нетруднымъ приручити **тетеревовь** (Рис. 42.7) и **сѣрыхъ куропадокъ** — птицъ неприхотливыхъ вь отношеніи климата и широко распространенныхъ. Между тѣмъ, повторныя попытки разведенія этихъ птицъ вь неволѣ оставались неудачными вь виду необычайной прихотливости птенцовъ по отношенію къ корму. Да и старыхъ птицъ обыкновенно удається продержати сравнительно недолго изъ-за трудности предоставленія имъ естественнаго пропитанія. То же самое приходится сказать о **красныхъ куропаткахъ**, (называемыхъ иначе **каменными**), и **перепеллахъ**, вь видѣ отдѣльныхъ особей охотно содержимыхъ вь Туркестанѣ мѣстными туземцами, не сумѣвшими однако добитися ихъ одомашненія. Даже болѣе того, можно увѣренно сказать, что изъ куриныхъ птицъ, водящихся вь Европѣ вь дикомъ состояніи, нѣтъ ни одной, которая явилась бы родоначальницей нашихъ домашнихъ птицъ. Послѣднія, какъ мы увидимъ ниже, всѣ привозныя, произошли отъ чужеземныхъ формъ — изъ Африки, Америки и главнымъ образомъ изъ Азіи.

Но еще менѣе удачны опыты одомашненія болотныхъ, или куликообразныхъ птицъ. Послѣднія представлены обыкновенно **чибисами** (съ чернобѣлымъ опереніемъ и косицами на головѣ), **турухтанами** (съ воротниками удлинненныхъ перьевъ на груди), болотными и водяными курочками (съ краснымъ или бѣлымъ лобикомъ), и многими другими, столь же привиредливыми вь пищѣ и чувствительными къ холоду, а потому недолговѣчными созданьями.

Сравнительно удачнѣе попытки содержанія вь неволѣ мелкихъ «воробьиныхъ» птицъ — **скворцовъ**, **дроздовъ**, **овсянокъ**, **жаворонковъ**, **снѣгирей**, **вьюрковъ** и **зябликовъ**, среди которыхъ многія за правило гнѣздятся. Говорить, однако, объ одомашненіи этихъ птицъ, конечно, не приходится вь виду того, что прирученіє ихъ весьма несовершенно и не связано съ особыми практическими интересами.

Глава 43. Голуби домашніе

Рисунок 43.1. Голуби дутыши

Являются замѣчательный примѣръ, обратный предыдущему, показывая, какъ значительно мѣняется окраска и строеніе животного въ условіяхъ одомашненія. И въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно огромное количество породъ домашнихъ голубей и ихъ разнообразіе. Нѣтъ той черты, которая не измѣнялась бы у нихъ сильнѣйшимъ образомъ: вотъ **турманы** съ короткимъ клювомъ, маленькой головкой и особенной манерой на лету кувыркаться по воздуху; вотъ **якобинскіе**, или **огонистые** (Рис. 43.3), съ чубомъ завитыхъ и удлиненныхъ перьевъ, закрывающихъ собою голову; вотъ голуби **трубастые** (Рис. 43.2), съ хвостомъ, расправленнымъ трубою, вѣрообразно; вотъ **дутыши** (Рис. 43.1), съ огромнымъ зобомъ на высокомъ удлиненномъ тѣлѣ.

Несмотря на рѣзкое несходство въ опереніи и складѣ тѣла — по своимъ повадкамъ всѣ домашнія породы голубей сходны между собою. И наперекоръ ходячему сужденію «о голубиной кротости и чистотѣ» — всѣ голуби прожорливыя и сварливыя созданія. Въ неволѣ голуби нерѣдко сами разоряютъ свои гнѣзда, обнаруживая этимъ, какъ и вообще большою «легкомысленностью» поведенія — упадокъ, ослабленіе семейныхъ и родительскихъ инстинктовъ, т. е. прирожденныхъ имъ душевныхъ качествъ и способностей.

Такое пониженіе духовной одаренности — явленіе сопровождающее часто переходъ животныхъ въ состояніе одомашненія.

Рисунок 43.2. Голубъ трубастый

Рисунок 43.3. Голубъ огонистый

Глава 44. Голуби дикіе

Сюда, помимо нѣкоторыхъ чужеземныхъ представителей, съ трудомъ переносащихъ нашу зиму (напр. большихъ **вѣнценосныхъ голубей**), относится на первомъ мѣстѣ **горлинка** (*Turtur anritum*). Изящная по виду съ длинными хвостомъ и крыльями она обыкновенно держится въ густой листвѣ и трудно наблюдаема. Второе мѣсто занимаетъ **клинтухъ** (*Columba oenas*). Онъ напоминаетъ нашихъ *сизарей*, но часто держится на деревѣ, что никогда не наблюдается у нашихъ полудикихъ голубей, водящихся по городамъ и селамъ. И помимо пребыванія на деревьяхъ горлинка и клинтухъ отличаются отъ сизарей и голосомъ. Кромѣ **горлинокъ обыкновенной**, сизой сверху, розовой снизу, хорошо разводится въ неволѣ и другая, меньшая по росту, палеваго цвѣта **горлинка египетская**. Родомъ изъ пустынной части Африки она покрашена подъ цвѣтъ песковъ этой пустыни.

Въ образованіи породъ домашнихъ голубей ни горлинка, ни клинтухъ, ни другой болѣе крупный дикій голубь **вяхирь** (*C. palumbus*), рѣже содержащійся въ Саду, участія не принимали. Вѣроятнѣйшимъ родоначальникомъ домашнихъ голубей считается обыкновенный полудикій сизый голубь, нашъ **сизарь** (*C. livia*), встрѣчающійся повсемѣстно.

Глава 45. Голуби почтовые

Разнообразие пород домашних голубей является особо замечательным еще и потому, что в разведении их далеко не всегда имются в виду практические выгоды. Голубеводство было и осталось до сих пор занятие по преимуществу любительское, дело спорта. Еще в глубокой древности занятие это процветало на Востоке, и отсюда же проникли к нам главнейшие породы голубей. Повидимому, столь же древне и искусство пользоваться голубями для почтовых сообщений — это широко распространенное когда-то и единственное их практическое применение, ныне, в век беспроволочного телеграфа, много потерявшее в своем значении.

Практически задачей дрессировки голубей и привлечению их к несению почтовой службы предназначена небольшая башня, расположенная на горе, направо от дорожки, поднимающейся к слоновнику. На верхней части этой башни помещается ряд клеток с самодействующими дверями для принятия почтовых голубей, пускаемых с другого места, часто отдаленного на сотни верст. Самые голуби, невзрачные по виду, сизые, как наши «сизари», высокие и стройные, помимо выносливости и быстроты полета, отличаются необычайной способностью запоминать места и направления.

Глава 46. Слонь (*)

Elephas indicus

Рисунок 46.1. Слонь индійскій, самка

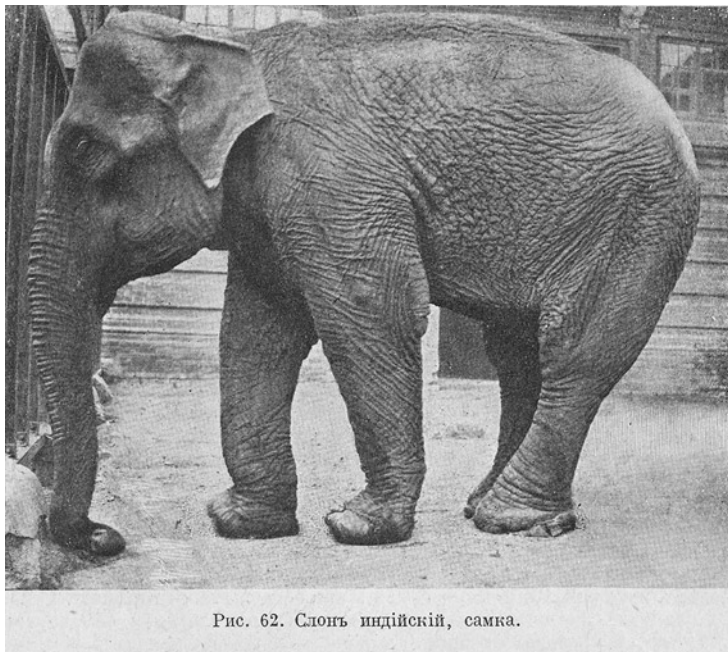
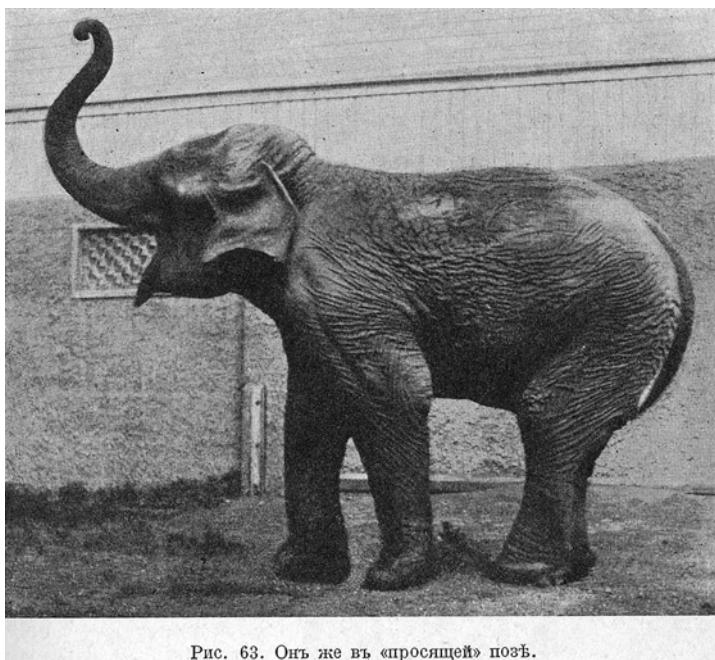

Рисунок 46.2. Онъ же въ «просящей» позѣ

Если о полезности домашнихъ голубей можно говорить только весьма условно, несмотря на безконечное разнообразіе породъ и совершенство прирученія, то обратное приходится сказать о самомъ крупномъ и, быть можетъ, наименѣ одомашненномъ животномъ, о **слонѣ**. Однако напередъ о внѣшности слона. Въ ней всего прежде обращаютъ на себя вниманіе: размѣры, хоботъ и тяжеловѣсность самого животного. Всѣ три особенности эти связаны между собою. Мощные размѣры тѣла (взрослые самцы порою достигаютъ высоты 5 аршинъ) нуждаются и въ соответствующей толщинѣ конечностей: слоновьи ноги, какъ четыре

сваи, или тумбы, подпирають тѣло. Въ состояніи покоя ноги у слона не согнуты ни въ пяткѣ, ни въ колѣнѣ. Эта прямизна усиливаетъ крѣпость ихъ. Естественно, что при короткой шеѣ слонъ не могъ бы доставать земли своею головою, если бы не удлиненіе ея передняго конца, которое и образуетъ хоботъ. Хоботъ — это непомѣрно удлинненный носъ и, какъ у человѣческаго носа, на вершинѣ хобота лежатъ отверстія ноздрей, служащія для проведенія воздуха. Но и помимо этого послѣдняго слоны способны, опуская хоботъ въ воду, втягивая воздухъ, забирать во внутрь хобота значительныя порціи воды, которую затѣмъ препровождаютъ себѣ въ ротъ или, купаясь, выливаютъ на себя. На нижнемъ и свободномъ окончаніи хобота имѣется два пальцевидныхъ выступа, подвижныхъ и чувствительныхъ. То сокращая, то вытягивая ихъ, слоны способны схватывать самые тонкіе предметы, превращая хоботъ въ совершенное орудіе хватанія; посредствомъ хобота слоны захваты-ваютъ также пищу, поднося ее ко рту. И тотъ же хоботъ служитъ для обмахиванія себя вѣтвями въ цѣляхъ доставленія прохлады или отгонянія мухъ. Освобожденію отъ мухъ содѣйствуетъ и частое похлопываніе ушами, независимо отъ главной роли ихъ — улавливанія звука. Чувство слуха, впрочемъ, лишь умѣренно развито у слона. Еще слабѣе зрѣніе — достаточно взглянуть на маленькіе и подслѣповатые глаза. Напротивъ, чувство обонянія высоко совершенно соотвѣтственно необычному развитію отдѣла носа. Кромѣ рѣдкихъ волосковъ на кончикѣ хвоста вся остальная кожа лишена волосъ. Такая безволосость возмѣщается неимовѣрной толщиной кожи, превосходно защищающей слона отъ пораненія среди колючихъ зарослей, въ которыхъ эти великаны вынуждены пробиваться при своихъ лѣсныхъ скитаніяхъ. Проламываніе сквозь густыя чащи облегчается и бивнями — большими мощными зубами (верхними рѣзцами), выступающими у слоновъ подъ верхней губой и по бокамъ отъ хобота. Самки индійскаго слона обычно лишены бивней.

Давно извѣстный въ прирученномъ состояніи индійскій слонъ (слонъ африканской рѣже попадаетъ въ неволѣ) на своей родинѣ — незамѣнимое животное, которымъ пользуются для передвиженія тяжестей, какъ напр., сплавленія лѣса, перевозки пушекъ и т. п. Выполненіе разнообразнѣйшихъ работъ въ высокой мѣрѣ облегчается интеллигентностью животнаго. Это одно изъ самыхъ умныхъ и понятливыхъ созданій. Тѣмъ не менѣе, едва ли можно говорить о полномъ и дѣйствительномъ его одомашненіи: въ Европѣ, какъ и въ Индіи, слоны за правило не размножаются въ неволѣ.

Глава 47. Страусы

С. африканский (Struthio camelus), С. американский (Rhea americana), С. австралийский (Dromaeus Novaе Hollandiae)

Рисунок 47.1. Страусъ африканскій, самка

Рис. 64. Страусъ африканскій, самка.

Переходъ отъ самаго большаго современнаго четвероногаго къ крупнѣйшимъ современнымъ птицамъ — страусовымъ, глубоко поучителенъ. Такъ всего прежде съ точки зрѣнія вопросовъ акклиматизаціи. Тысячелѣтнія попытки сдѣлать изъ слона вполнѣ домашнее животное разбились о природныя препятствія — неразмножаемость слона въ неволѣ. Страусовыя птицы въ нѣсколько десятилѣтій сдѣлались вполнѣ домашними животными.

Въ срединѣ прошлаго столѣтія въ различныхъ мѣстностяхъ Европы, напримѣръ на югѣ Франціи, были основаны особыя питомники, въ которыхъ страусовыя птицы безъ труда разводятся въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ паръ. Эта успѣшность прирученія страусовъ, къ сожалѣнію, не оправдывается серьезностью той цѣли, для которой производится: два раза въ годъ у страусовъ выстригаютъ перья для продажи на украшеніе дамскихъ шляпъ. Для той же цѣли для отдѣлки головныхъ уборовъ, страусовыя перья цѣнятся и африканскими туземцами. Попробуемъ поэтому иначе подойти къ оцѣнкѣ даннаго животнаго, не съ матеріальной, а съ идейной стороны.

Рисунок 47.2. Страусь американскій, Нанду (самка у гнѣзда)

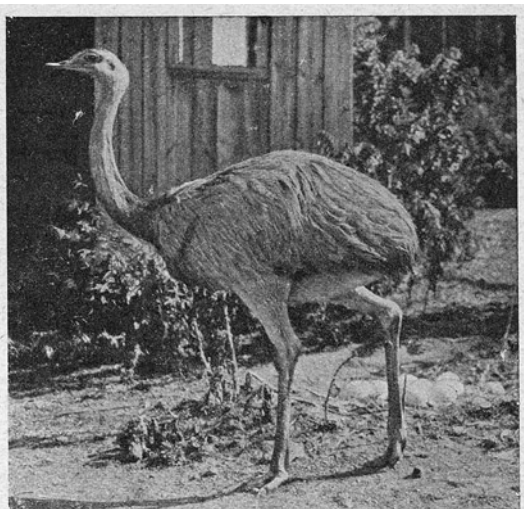

Рис. 65. Страусь американскій, Нанду (самка у гнѣзда).

Страусь — замѣчательный примѣръ того, какъ необычное развитіе однѣхъ частей животнаго сопровождается недоразвитіемъ другихъ. Всѣ страусы — не летающія птицы. Ихъ короткія, мало-замѣтныя снаружи крылья совершенно непригодны для летанія въ виду размѣровъ и тяжеловѣсности ихъ обладателя. Тѣмъ замѣчательнѣе крѣпость ногъ, массивность бедеръ и короткость, и мясистость пальцевъ. На бѣгу страусь опирается по преимуществу на внутренніе пальцы; этотъ бѣгъ на пальцахъ, вслѣдствіе уменьшеннаго тренія ногъ о землю, дѣлается легкимъ и неутомимымъ. Неумѣніе страусовъ двигаться по воздуху возмѣщено необычайной быстротою бѣга по открытой мѣстности. За обитаніе въ послѣдней говоритъ длина ихъ шеи, позволяющая птицѣ подбирать на ровномъ мѣстѣ пищу или, вытянувши шею, озираться далекія окрестности. Обитатели открытыхъ мѣстъ нуждаются въ хорошемъ зрѣніи — отсюда выразительные, крупные глаза, отсюда же и стадность страусовъ при естественныхъ условіяхъ и ихъ общительность въ неволѣ. И большіе двупалые (изъ Африки) и меньшіе — американскіе, трехпалые, съ окраской аспиднаго цвѣта (такъ называемые **Нанду**) обыкновенно держатся совмѣстно.

Эта общительность въ поведеніяхъ сказывается и на манерѣ гнѣздованія страусовъ, многократно наблюдавагося у насъ въ саду. Такъ напр., гнѣздо (Рис. 47.2, Рис. 47.3) нанду — пологая простая ямка, вырытая въ почвѣ и ничѣмъ не высланная извнутри. Число яицъ, сносимыхъ нѣсколькими самками въ одно гнѣздо, порою достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ, но высиживаетъ ихъ лишь самецъ (Рис. 47.3), предупреждая этимъ ссоры и соревнованія самокъ изъ-за обладанія гнѣздомъ.

Рисунок 47.3. Высиживающій самецъ Нанду

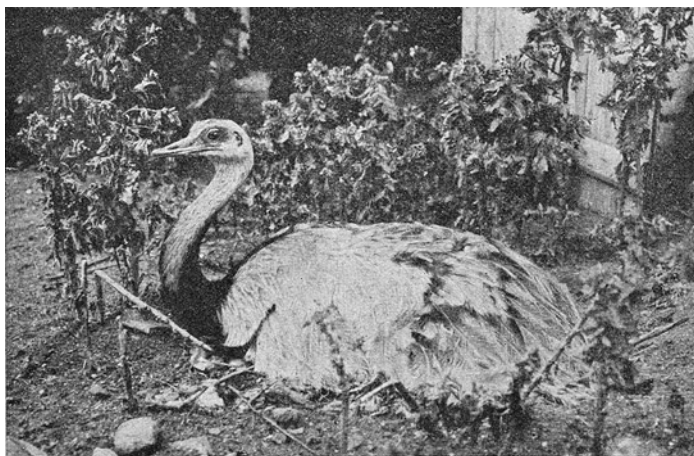

Рис. 66. Высиживающій самецъ Нанду.

Менѣ общителенъ, самостоятельнѣ австралийскій страусъ **эму** (*Dromaeus novaehollandiae*), горбатый, съ болѣ курчавымъ опереніемъ, маленькой головкой на сравнительно короткой, мало оперенной шеѣ. Уроженецъ мало населенныхъ мѣстностей Австраліи — онъ держится тамъ небольшими семьями, и пойманный легко свыкается съ неволей, оставаясь молчаливымъ, любопытнымъ и довѣрчивымъ созданіемъ (Рис. 47.4).

Рисунок 47.4. Австралийскіе страусы, Эму (самец и самка)

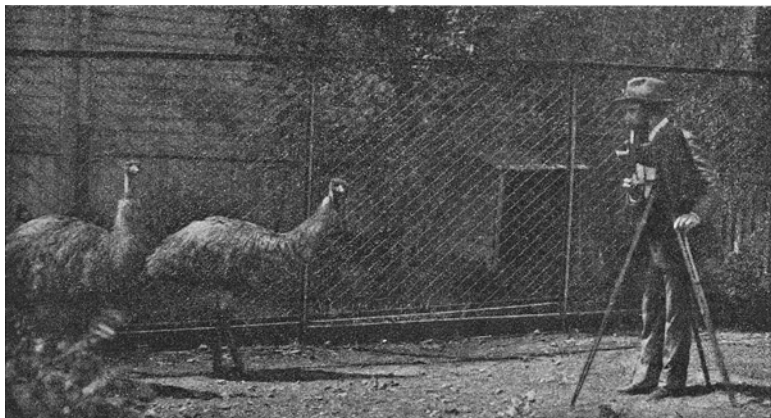

Рис. 67. Австралийскіе страусы, Эму (самец и самка).

Глава 48. Казуаръ

Casuarius westermanni

Рисунок 48.1. Казуаръ

Рис. 68. Казуаръ.

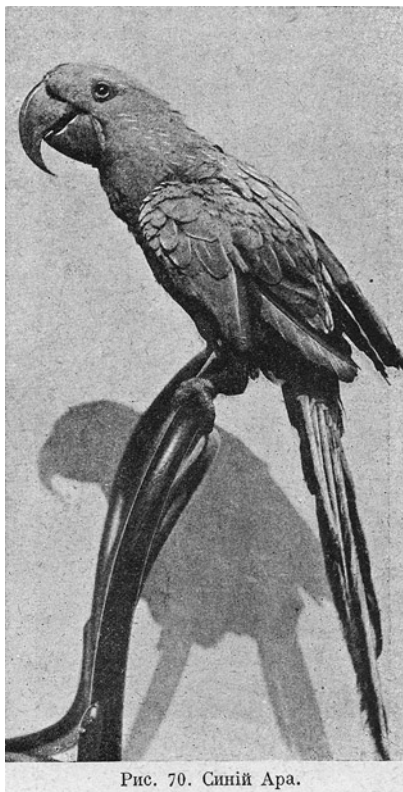
Ещё менѣе общительны самые странные изъ страусовъ, **Казуары**, обитатели густого лѣса, черные, одѣтые густымъ покровомъ изъ блестящихъ волосообразныхъ перьевъ, съ роговою каскою на головѣ. Этимъ массивнымъ шлемомъ казуары, вытянувши шею, пролагаютъ себе путь сквозь заросли лѣсной чащи. Подобно прочимъ страусамъ казуаръ летать не можетъ. вмѣсто крупныхъ перьевъ, составляющихъ у прочихъ птицъ орудіе летанія, у казуара по бокамъ отъ тѣла выступаютъ только роговые стержни. Сильный коготь внутренняго пальца ногъ - могучее орудіе защиты. Гладкая поверхность перьевъ, облегающихъ все тѣло, облегчаетъ стокъ воды во время ливней, столь обычныхъ для болотистой и влажной его родины — Гвинеи. Тѣмная окраска и волосовидность перьевъ позволяютъ казуару прибѣгать къ довольно любопытному приему рыболовства. Птица входитъ въ воду, опускается на пятки, выставивъ наружу голову, и нѣкоторое время неподвижно остается подъ водою, растопыривъ перья и разставивъ крылья. Въ этомъ видѣ перяной покровъ его походитъ на сплетенія водяныхъ растений. Мелкіе рыбешки забиваются подъ перья птицы, принимая ихъ за водоросли. Тогда, притягивая перья къ тѣлу, казуаръ выходитъ изъ воды, бѣжитъ на сушу и вытряхиваетъ пойманную имъ добычу.

Глава 49. Попугаи

Рисунок 49.1. Голова попугая «Ара»

Рисунок 49.2. Синий Ара

Отъ страусовъ, обитателей пустыни или степи, переходимъ къ жителямъ тропическаго лѣса — попугаямъ. Трудно подыскать болѣе рѣзкое различіе, чѣмъ то, которое мы видимъ при сравненіи первыхъ и вторыхъ. У страусовъ все направлено въ размѣры въ соотвѣтствіи съ безбрежностью пустыни. Самая безцвѣтность и безмолвіе ея какъ-будто отразились на невзрачномъ опереніи и молчаливости животнаго. Неумолкаемые, рѣжущіе ухо крики попугаевъ соотвѣтствуютъ ихъ яркой, рѣжущей глаза окраскѣ, словно отразившей на себѣ богатство красокъ и цвѣтовъ тропическаго лѣса. Уже самая крикливость попугаевъ говоритъ намъ объ общительности этихъ птицъ: и точно, стаями, порою состоящими изъ птицъ различныхъ видовъ, попугаи собираются на водопоѣ или на кормежкѣ. Вспугнутые, разлетаясь, птицы разбиваются по видамъ. Существуетъ мнѣніе, будто пестрыя отмѣтины и пятна въ опереніи, то красныя, то желтыя, то синія, смотря по виду попугаевъ, помогаютъ родичамъ того же вида, узнавать другъ друга на лету.

Это ученіе о «*распознавательной окраскѣ*» птицъ не представляется безспорнымъ. Всякому извѣстно, что въ лѣсу распознаваніе, нахожденіе другъ друга производится по голосу, а не по виду. Между тѣмъ, и обликъ, и повадки попугая выдають лѣснаго обитателя и лазуна. Въ ногѣ два пальца, цѣпкіе, подвижные, обращены впередъ, другіе два — назадъ. У попугая лапа, какъ щипцы, охватываетъ вѣтви дерева, а вслѣдствіе подвижности суставовъ можетъ принимать различнѣйшія положенія (Рис. 49.3): лапкой попугай подноситъ къ клюву пищу, лапкой же почесываетъ голову и клювъ. Послѣдній замѣчательнъ по выступанію и загнутоści верхней половины.

Эта верхняя часть клюва въ основаніи своемъ подвижно сочленяется со лбомъ. При опусканіи нижней челюсти и верхняя часть клюва, малоподвижная у прочихъ птицъ, у попугаевъ явственно приподнимается. Взятая вмѣстѣ обѣ челюсти словно зубцы кусачекъ сходятся и раздвигаются. Клювъ попугая — это его третья лапа, съ помощью которой птица превосходно лазаешь среди вѣтвей, попеременно схватывая ихъ то клювомъ, то ногами. Превосходные гимнасты попугаи большей частью также хорошо летаютъ, но беспомощны на ровномъ мѣстѣ: приспособленные, какъ орудіе хватанья, лапы попугая для хожденія еще менѣе пригодны, чѣмъ конечности у хищной птицы.

Но рассмотрим ближе разных попугаев. Вот крупнейшие из них, известные под именем **Ара** (название, заимствованное от их крика), с длинными хвостами и великолѣпной окраской оперенья: то однообразно синяго (*Sittace hia cynthina*, Рис. 49.2), то ярко желтаго и голубого или краснаго съ зеленымъ (*S. chlogoptera*, Рис. 49.1). Колоссальный клювъ — опасное орудіе защиты, служить для вскрыванія плодовъ. Немного далѣе, короткохвостые и бѣлые съ хохлами желтаго и огненнаго цвѣта — это **какаду** (*Cacatua galerita*), ихъ родина — Австралія. Хохлы, обычно въ состояніи покоя сложенные на затылкѣ наподобіе косицъ (Рис. 49.3), при возбужденномъ состояніи птицы распускаются (Рис. 49.4) и принимаютъ видъ великолѣпной огненной короны.

Рисунок 49.3. Бѣлый какаду въ спокойномъ настроеніи

Рис. 71. Бѣлый какаду въ спокойномъ настроеніи.

Рисунок 49.4. Онъ же въ возбужденномъ состояніи

Рис. 72. Онъ же въ возбужденномъ состояніи.

Въ мирномъ настроеніи какаду — доверчивыя (Рис. 49.5) и занятныя созданія, въ отличіе отъ *араръ* легко перенимающія голосъ человѣка, научаясь повторять отдѣльныя слова. Какъ вообще духовное развитіе животнаго есть часто отраженіе такового окружающихъ людей, такъ и односторонность «рѣчи» попугаевъ объясняется односторонностью бесѣдъ, которыя ведутся съ ними окружающими лицами. Самыми лучшими «говорунами» издавна считаютъ **сѣрыхъ попугаевъ** изъ центральной Африки, затѣмъ **зеленыхъ амазонскихъ** изъ тропической Америки, великолѣпіемъ окраски уступающихъ другимъ, какъ на примѣръ, **многоцвѣстистымъ попугаямъ**, «лори», у которыхъ яркое до-нельзя опереніе сочетается съ гораздо меньшею духовной одаренностью.

Рисунок 49.5. Бѣлый какаду въ довѣрчивомъ, спокойномъ настроеніи

Рис. 73. Бѣлый какаду въ довѣрчивомъ, покойномъ настроеніи.

Глава 50. Тропическіе вьюрки, ткачики и мелкія породы попугаевъ

Обратное соотношеніе между великолѣпіемъ окраски и развитіемъ голосовыхъ талантовъ у животныхъ подтверждается и на знакомствѣ съ мелкими тропическими пташками, принадлежащими къ той самой группѣ «зябликовыхъ» птицъ, куда относятся и многіе пѣвцы нашего лѣса. Въ самомъ дѣлѣ, что за рѣзкое несходство между яркостью, богатствомъ оперенія всѣхъ этихъ чужеземныхъ **амадинокъ, ткачиковъ**, подобно яркимъ огонькамъ мелькающихъ по клѣткамъ, и однообразіемъ, и скудостью ихъ голоса! Не даромъ такъ томительно, такъ удручающе отсутствіе въ тропическомъ лѣсу столь оживляющаго пѣнія птицъ. Въ извѣстной мѣрѣ эту музыкальную бездарность обитателей тропическаго лѣса можно объяснить предположеніемъ, что при замѣтности окраски этихъ птицъ звучное пѣніе еще больше привлекало бы вниманіе враговъ. Такому объясненію противорѣчить яркость и крикливость попугаевъ. Но возможно, что послѣднихъ выручаютъ крупные размѣры и могучій клювъ или общительность, содѣйствующая совмѣстной оборонѣ отъ врага. Напротивъ, мелкимъ попугаямъ (напр. **волнистымъ**, называемымъ невѣрно «неразлучниками»), свойственна по преимуществу зеленая окраска, хорошо скрывающая ихъ въ не опадающей листвѣ тропическаго лѣса.

Глава 51. Лани

Dama vulgaris

Рисунок 51.1. Лани, самки съ молодыми

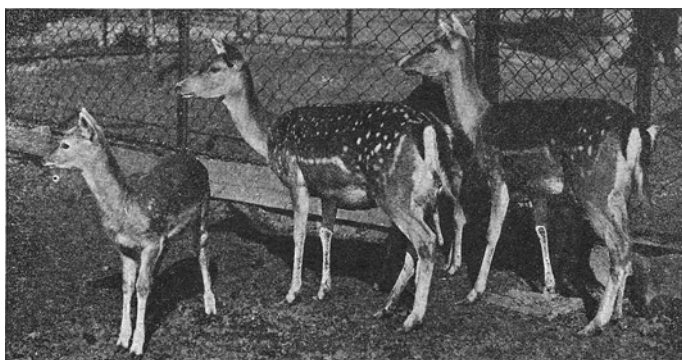

Рис. 74. Лани, самки съ молодыми.

Рисунок 51.2. Лань, самецъ альбиносъ

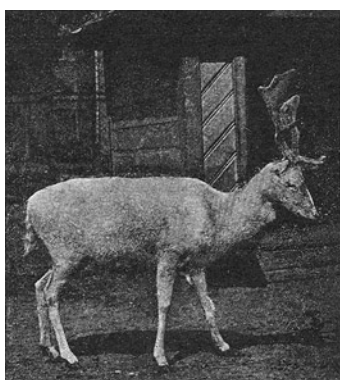

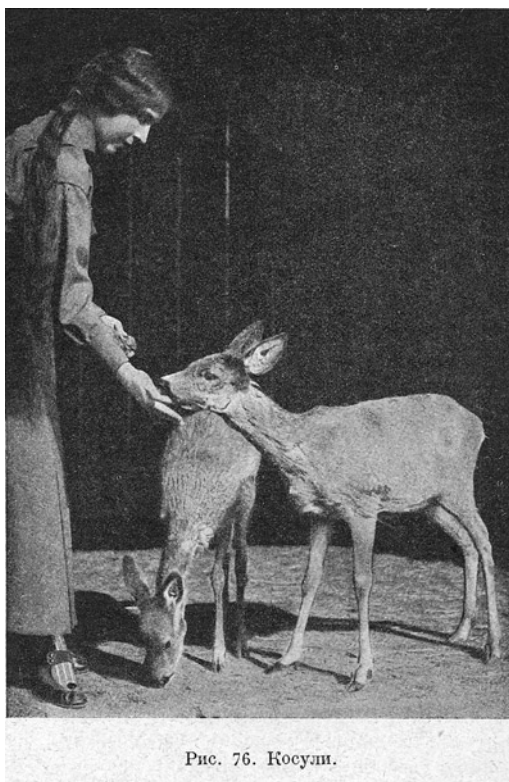
Рис. 75. Лань самецъ альбиносъ.

«Красива, но глупа» — таковъ нелестный отзывъ, данный въ свое время лани, открывающей собой коллекцію оленей нашего зоологического сада. И нельзя не согласиться съ справедливостью такого взгляда. Стройныя, съ изящными лопатовидными рогами (только у самцовъ) и яркою окраской лани въ отношеніи духовномъ мало одаренныя созданія. Подходя къ животнымъ поражаешься сначала красотой ихъ блестящихъ темныхъ глазъ. Немного ближе — и животныя бросаются отъ насъ, высоко вскидывая тонкими ногами. Отбѣжавъ немного, поворачиваются головою къ намъ (Рис. 51.1), и снова тотъ же взглядъ, смѣсь боязливости и любопытства, и опять знакомое, словно заученное вскидываніе ногъ. Такое поведение животнаго отчасти можно объяснить вліяніемъ человѣка. Какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ (кромѣ самой южной ея части), лани неизвѣстны въ дикомъ состояніи. Это животное, которое для прихоти и украшенія разводится въ охотничьихъ угодьяхъ или въ паркахъ подъ охраной человѣка. Здѣсь, избавленныя отъ враговъ и обеспеченныя кормомъ (съ наступленіемъ зимы животнымъ дѣлаютъ навѣсы и заботятся о правильномъ прикормѣ) лани потеряли чуткость и смысленность своихъ дикихъ родичей. Не сдѣлавшись домашними, привыкшія къ поодачкамъ, чередуемымъ съ облавами — онѣ и стали современными пугливыми и тупоумными созданіями. Какъ въ отношеніи духовномъ, такъ и въ отношеніи тѣлесномъ, именно окраски, можно указать слѣды начавшагося ихъ одомашненія. Обычная окраска лани ярко ржавчатая съ бѣлыми пестринами нерѣдко уступаетъ мѣсто болѣе однообразной темной или совершенно бѣлой (Рис. 51.2). Первое является послѣдствіемъ чрезмѣрнаго развитія красящаго вещества волосъ, второе — его полного недоразвитая. Такія бѣлыя животныя извѣстны подъ названіемъ **альбиносовъ**. Рѣдкій у животныхъ, обитающихъ на волѣ, этотъ альбинизмъ часто наблюдается въ условіяхъ одомашненія.

Глава 52. Косуля

Capreolus caprea

Рисунок 52.1. Косуля

Подобно лани, и косулю надо отнести къ животнымъ, называемымъ оленями. Ихъ главное отличіе отъ остальныхъ копытныхъ заключается въ рогахъ. Послѣдніе, за единичнымъ исключеніемъ, имѣются лишь у самцовъ, отсутствуя у самокъ. Не въ примѣръ всѣмъ прочимъ травояднымъ, обладающимъ рогами, у оленей головное ихъ вооруженіе состоитъ изъ вещества, напоминающаго кость. Другая ихъ особенность — непостоянство формы ихъ роговъ въ зависимости отъ временъ года и отъ возраста. Въ сложившемся готовомъ состояніи рога оленей существуютъ лишь немного мѣсяцевъ. Такъ у косули отъ начала лѣта до середины осени. Затѣмъ рога спадаютъ, и животное становится безрогимъ. Лишь съ начала января взамѣнъ утерянныхъ роговъ косуля получаетъ новые. Эти послѣдніе при появленіи своемъ одѣты волосистой кожей, мягкой и чувствительной настолько, что саможивотное оберегаетъ ихъ отъ поврежденія. Постепенно, вслѣдствіе простановки доставленія питанія, рога отвердѣваютъ, оставаясь все еще одѣтыми густою шерстью. Лишь въ послѣдствіи животное освобождается отъ этой шерсти на рогахъ путемъ усиленнаго трети о дерева. Обращаясь къ самому животному, достаточно отмѣтить, что косули въ дикомъ состояніи весьма обыкновенны, какъ на Западѣ, такъ и у насъ въ Россіи и въ особенности на Уралѣ. Многочисленныя и въ Сибири мѣстныя косули отличаются отъ нашихъ болѣе большимъ ростомъ и замѣтно болѣе вѣтвистыми рогами. Несравненный слухъ и обоняніе животныхъ соотвѣтствуютъ большимъ ушамъ и влажному большому носу. Слабость зрѣнія указываетъ, что косули — обитатели лѣсовъ. Какъ и большинство лѣсныхъ животныхъ, онѣ вынуждены довѣряться обонянію и слуху болѣе, чѣмъ зрѣнію, безсильному предотвратить возможную опасность въ окружающей чащѣ. Во взросломъ состояніи однообразно сѣрыя зимой и рыжеватая въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, косули въ молодости, явственно пятнисты. Полагаютъ, что пятнистость эта помогаетъ молодымъ животнымъ лучше укрываться въ испещренной тѣневыми пятнами листьѣ.

Глава 53. Лось

Alces machlis

Рисунок 53.1. Лось самец со сброшенными рогами

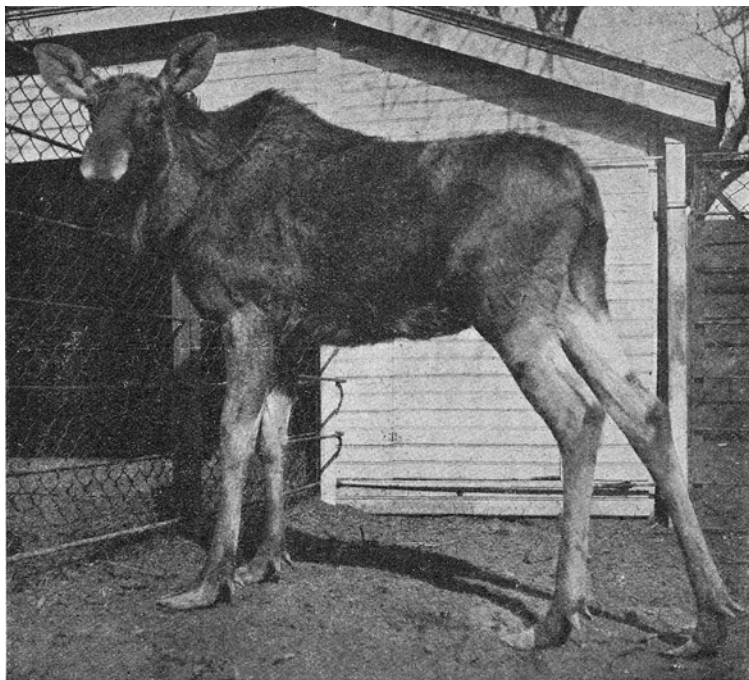

Рис. 77. Лось самец со сброшенными рогами.

Самый крупный из оленевых. От собственно оленей отличается коротким тѣломъ, длинными ногами, своеобразно вытянутой мордой, плоскими, широкими рогами, наподобіе лопатъ, съ отростками и вырѣзками по краямъ. Однако, несмотря на мощностъ этого вооруженія, защищается животное не столько имъ (рога отсутствуютъ у самокъ и спадаютъ ежегодно у самцовъ, см. Рис. 53.1) сколько при посредствѣ ногъ, способныхъ при ляганіи наносить опасные удары. Это непомѣрное развитіе ногъ основано на удлиненіи концевыхъ отдѣловъ ихъ, стопы и кисти. Та и другая у лосей заканчивается не пятью, а четырьмя неравномѣрно развитыми пальцами. Два внутренніе пальца (3-й и 4-й) крѣпче и длиннѣе, чѣмъ сидящіе съ боковъ болѣе слабые (2-й и 5-й). При стояніи на твердой почвѣ эти боковые пальцы не касаются земли. Не то при бѣгѣ по болотистымъ мѣстамъ, служащимъ мѣстопробываніемъ лосей. Здѣсь при ступаніи по топкой, вязкой или по рассыпчатой и рыхлой почвѣ оба среднихъ пальца погружаются въ трясину или мохъ настолько, что и боковые пальцы опираются о землю и задерживаютъ дальнѣйшее проваливаніе ногъ. Препятствіемъ для погруженія животного является и то, что всѣ четыре пальца при ходьбѣ широко раздвигаются, натягивая перепонку, крѣпкую и растяжимую, сидящую при основаніи пальцевъ. Дѣйствуя подобно лыжамъ при ходьбѣ по топямъ, ноги лоса менѣе пригодны для движенія по снѣгу. По причинѣ узости копытъ лось вязнетъ при ходьбѣ по свѣже выпавшему снѣгу. Тѣмъ ловчѣе дѣйствуютъ копыта лоса въ качествѣ весла: при плаваньи животное работаетъ ногами, ударяя ими по водѣ, широко разставляя пальцы, вызывая натяженіе соединяющей ихъ складки кожи, дѣйствующей подобно плавательной перепонкѣ. Лось отлично плаваетъ и хорошо ныряетъ. Приводились случаи, когда эти животныя безъ видимаго принужденія переплывали Волгу. Также установлено, что лоси часто и охотно забираются по шею въ воду рѣкъ или озеръ, ища спасенія отъ мухъ или въ исканіи водяныхъ растений. Случается, что топкость берега не позволяетъ лосю перейти его обычнымъ способомъ. Замѣчено, что въ этихъ случаяхъ животное распластывается на брюхѣ и, поджавши заднія конечности и вытянувъ переднія, скользитъ черезъ непроходимыя трясины. Но и при ходьбѣ по сушѣ высота лосиныхъ ногъ незамѣнима для переступанія черезъ упавшіе стволы деревьевъ, на которые онѣ походятъ и окраской: длинныя, бѣлесоватыя, прямыя ноги лоса на извѣстномъ разстояніи сливаются съ бѣлесоватыми стволами молодыхъ осинъ или березъ, корой и листьями которыхъ лось по преимуществу питается. Срываніе травы на ровномъ мѣстѣ затруднительно для лоса вслѣдствіе огромной высоты въ плечахъ, короткой шеи и большого носа. Соотвѣтственно развитію

послѣдняго лось чуетъ на далекомъ разстояніи. Превосходно также чувство слуха, какъ на то указываютъ длинныя и подвижныя уши; нѣсколько слабѣе зрѣніе, какъ то обычно у лѣсныхъ животныхъ. Замкнутые, необщительные, никогда не собирающіеся въ большія стаи лоси сохранились на Руси съ той незапамятной поры, когда на мѣстѣ нынѣшней Москвы тянулись безпредѣльные, безлюдные болота и лѣса. По мѣрѣ осушенія болотъ, распашки лѣса и увеличенія населенія тѣснѣе и тѣснѣе становилась площадь прежняго распространенія этихъ лѣсныхъ отшельниковъ. Тѣснимые культурой, полагаясь на свое чутье и выносливость ногъ, они кочуютъ съ мѣста на другое, появляясь часто тамъ, гдѣ ихъ дотолѣ никогда не знали. Загнанные и запуганные эти обитатели лѣсныхъ трущобъ случайно появляются вблизи людскихъ жилищъ и городовъ. Неоднократно лоси забѣгали прежде и на улицы Москвы и, оглушенные столичнымъ шумомъ и движеніемъ, безславно погибали здѣсь, застрявши по садовымъ изгородямъ и заборамъ. Непригодные къ одомашненію, бродячіе и необщительные лоси — превосходный образецъ трагическаго столкновенія культуры съ первобытнымъ вымирающимъ животнымъ міромъ.

Рисунок 53.2. Лось молодая самка

Рис. 78. Лось молодая самка.

Глава 54. Сѣверный олень

Rangifer tarandus

Рисунок 54.1. Сѣверный олень

Единственный изъ всѣхъ оленей ставшій одомашненнымъ животнымъ и тѣмъ самымъ избѣжавшій опасности уничтоженія, въ отличіе отъ вымирающаго лося. Подобно лосю **сѣверный олень** не отличается изяществомъ. Въ особенности неуклюжа голова съ широкой, угловатой мордой. Широкія, глубоко расщепленныя копыта съ небольшими боковыми пальцами напоминаютъ таковыя лося по способности далеко раздвигаться на ходу и издавать особый трескъ (послѣдній объясняютъ внутреннимъ движеніемъ суставовъ). Менѣе тяжелый, съ болѣе широкими копытами сѣверный олень легко удерживается и на снѣгу тамъ, гдѣ тяжелый лось проваливается сквозь него. Эта способность сѣверныхъ оленей двигаться не прогружая и по снѣгу, и по моховымъ болотамъ дѣлаетъ возможнымъ обитаніе ихъ въ тундрѣ, представляющей зимою снѣжную пустыню, а въ теченіе немногихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ — болотистую степь. Но и помимо собственно передвиженія, широкія копыта позволяютъ пользоваться ими какъ лопатами, для вырыванія моха изъ-подъ снѣга. Разгребаніе послѣдняго обычно производится передними копытами, а не рогами, какъ то думали, основываясь на раскидистой ихъ формѣ и на томъ, что развиваются они, какъ у самцовъ, такъ и у самокъ. О присутствіи подъ снѣгомъ корма сѣверный олень отлично узнаетъ чутьемъ и никогда не шаритъ понапрасну тамъ, гдѣ его нѣтъ. Такому совершенству обонянія соотвѣтствуетъ хорошее развитіе ноздрей, покрытыхъ шерстью для защиты противъ холода при доставаніи корма изъ-подъ снѣга (у животныхъ въ болѣе тепломъ климатѣ, у ланей и косуль, поверхность носа голая и влажная). Защитой противъ холода является и остальная шерсть животнаго — густая, рыхлая, оберегающая отъ полярной стужи и своей окраской, то коричневато-бурой, то бѣлесоватой, совпадающая съ цвѣтомъ тундръ, каменистыхъ грядъ и мшистыхъ валуновъ. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, какъ на Уралѣ и въ Сибири, сѣверный олень спускается далеко къ югу, выбирая мѣстожительствомъ вершины горъ или густые кочковатые лѣса. Лѣтъ 20 съ небольшимъ тому назадъ олень этотъ встрѣчался кое-гдѣ въ Нижегородской, Ярославской и Владимірской губерніяхъ, указывая на первоначально болѣе широкое распространеніе этого животнаго, водившагося нѣкогда почти по всей Европѣ. Въ это отдаленнѣйшее время сѣверный олень являлся лишь предметомъ для охоты, облегчавшейся его необычайной стадностью. Эта привычка собираться въ многочисленныя табуны содѣйствовала также ихъ одомашненію, облегчавши самую поимку, какъ и приобщеніе къ животнымъ, ранѣе прирученнымъ. Это прирученіе, впрочемъ, и теперь еще весьма несовершенно. Помимо болѣе разнообразной масти одомашненный олень существенно не отличается отъ дикаго ни по строенію, ни по духовнымъ качествамъ. Это пугливое и непривѣтливое существо, цѣнимое лишь за тѣлесныя достоинства. Неприхотливый въ отношеніи климата и пищи, обитая въ мѣстностяхъ, гдѣ невозможно содержаніе овецъ,

рогатаго скота и лошади, успѣшно замѣняя ихъ въ домашнемъ обиходѣ жителей полярныхъ странъ обоихъ полушарій, сѣверный олень — хорошій образецъ начальной, первобытной формы прирученія животнаго, еще не подчиненнаго **духовной** власти чловѣка.

Глава 55. Манчжурскій олень

Cervus dybowskii

Рисунок 55.1. Манчжурскіе олени, самка съ молодымъ

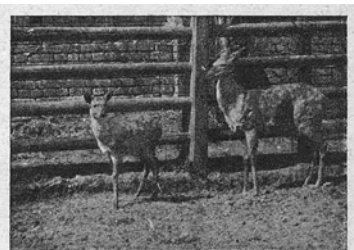

Рис. 80. Манчжурскіе олени, самка съ молодымъ.

Въ отличіе отъ лосей, косуль и ланей настоящіе олени замѣчательны какъ бѣльшею длиною и стройностью своихъ роговъ, такъ и количествомъ отростковъ. Впрочемъ, у оленей, обитающихъ на югѣ Азіи, число отростковъ съ каждой стороны роговъ не превышаетъ трехъ. Сюда относятся индійскіе олени, то усыпанные пятнами, подобно **аксису**, то болѣе одноцвѣтные, какъ напр. **свиной олень**, водящійся въ болотистыхъ мѣстахъ на югѣ Азіи. Въ восточной Азіи, какъ напр. у насъ въ Приморской области, индійскіе олени замѣняются другими, у которыхъ съ каждой стороны роговъ имѣется четыре или пять отростковъ. Это — пестрые **манчжурскіе олени**, легкія и стройныя животныя, съ красивой шерстью. Лѣтомъ масть этихъ оленей ярко ржавчатая съ бѣлыми пестринами, но съ наступленіемъ зимы животныя линяютъ, происходитъ смѣна волоса, замѣна лѣтней шерсти болѣе густой и темной зимней, съ слабо выступающими пятнами. Это примѣръ *сезоннаго измѣненія* окраски у млекопитающихъ. Важнѣе указать, что пестрая, пятнистая окраска свойственна по преимуществу лишь тѣмъ оленямъ, у которыхъ въ совершенно взросломъ состояніи число отростковъ на рогахъ сравнительно невелико, не больше четырехъ или пяти. И въ этомъ смыслѣ трехвѣтвистые рога индійскаго оленя или четырехвѣтвистые манчжурскаго замѣтно отличаются отъ головныхъ вооруженій слѣдующихъ, болѣе крупныхъ представителей оленевыхъ съ ихъ болѣе одноцвѣтной мастью.

Глава 56. Олень мараль

Cervus canadensis

Рисунок 56.1. Олень самецъ мѣсяць спустя послѣ потери роговъ

Рис. 81. Олень самецъ мѣсяць спустя послѣ потери роговъ.

Рисунок 56.2. Онъ же съ возобновленными рогами

Рис.82. Онъ же съ возобновляющимися рогами.

Рисунок 56.3. Олень-самецъ съ возобновленными рогами еще мягкими, одѣтыми короткой шерстью

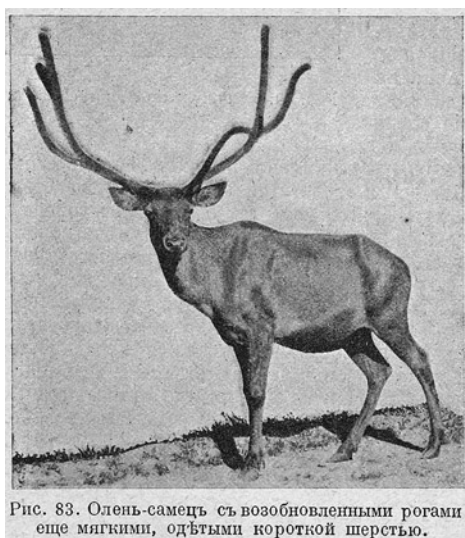

Рис. 83. Олень-самецъ съ возобновленными рогами еще мягкими, одѣтыми короткой шерстью.

Минова туркестанскаго оленя, по строенію роговъ (съ 5-ю отростками) отчасти примыкающаго къ предыдущему, остановимся на самомъ крупномъ изъ водящихся въ Россіи представителей оленей собственно, такъ называемомъ **маралѣ**. Это — обитатели тайги, т.е. гористаго сплошнаго лѣса, покрывающаго южную

возвышенную часть Сибири. По Алтаю и Саянскому хребту олени эти и понынѣ очень многочисленны, и здѣсь же около ста лѣтъ тому назадъ было положено начало своеобразнѣйшему промыслу — «мараловодству»: разведенію оленей въ цѣляхъ болѣе постояннаго и правильнаго добыванія роговъ. Послѣдніе, въ то время какъ они еще покрыты шерстью (Рис. 56.3) и не отвердѣли, почитаются целебными въ китайской медицинѣ. Въ высушенномъ видѣ подъ названіемъ «пантовъ» рога мараловъ находили себѣ издавна поэтому хорошій сбытъ. Повторяющееся изъ года въ годъ срѣзаніе роговъ, одѣтыхъ кожей и богатыхъ и сосудами, и нервами, обыкновенно производится глубоко первобытнымъ способомъ, простой столярною пилой, и причиняетъ звѣрю самыя жестокия страданія: — хорошій образецъ себялюбиваго и черстваго использованія животныхъ человѣкомъ ради грубоматеріальныхъ и корыстныхъ цѣлей. Обратимся же поэтому къ другой, идейной сторонѣ знакомства съ этими великолѣпными и гордыми животными. И въ самомъ дѣлѣ: рога оленя всего прежде интересны въ отношеніи научномъ, наводя на размышленіе о значеніи ихъ для самого животнаго. У стараго самца марала вѣсь роговъ нерѣдко достигаетъ пуда, а порой и болѣе. Нельзя не изумляться той огромной тяжести, которую животное несетъ на головѣ, и той необычайной легкости, съ которою увѣнчанный своей тяжелой и вѣтвистою короной олень пронесется среди непроходимой гущи дѣвственной тайги. Но разсмотрѣніе этого вопроса лучше отнести подъ слѣдующій заголовокъ.

Глава 57. Кавказский олень

Cervus maral

Рисунок 57.1. Олень самец ревущий

Рис. 84. Олень самец ревущий.

Рисунок 57.2. Молодой годовалый олень

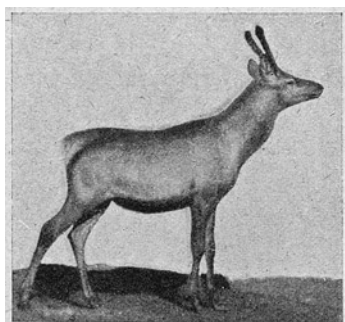

Рис. 85. Молодой годовалый олень.

Рисунок 57.3. Олень с рогами затвердевшими, освобожденными от шерсти

Рис. 86. Олень с рогами затвердевшими, освобожденными от шерсти.

У распространенного на Западъ и на Кавказъ **благородного оленя** общее число отростковъ съ каждой стороны доходить до двѣнадцати и болѣе, вершина же роговъ у взрослого оленя образуетъ крону, наподобіе вѣтвистой чаши (Рис. 57.1). Каково бы ни было строеніе роговъ у взрослого оленя, требуется много лѣтъ для окончательнаго ихъ образованія. Рождаются самцы оленей съ небольшимъ вихромъ на мѣстѣ будущихъ роговъ. Только къ концу перваго года появляются рога въ видѣ простыхъ, не развѣтвленныхъ спиць (Рис. 57.2); это основа будущихъ роговъ. Однако уже черезъ 2-3 мѣсяца рога эти спадаютъ, чтобы черезъ нѣкоторое время замѣниться новыми. Эти послѣдніе являются уже о двухъ отросткахъ, представляя

форму вилки. Через три-четыре месяца животное опять теряет их и начинается образование новых, трехветвистых; эти трехветвистые рога обыкновенно свойственны трехгодовалому оленю, как и вообще при правильном развитии число отростков ежегодно увеличивается на один. Вот почему возможно до известной степени судить о возрасте оленя по числу отростков на его рогах. Из сказанного явствует, что в деле обороны от волков и прочих хищников обилие отростков на рогах оленей не существенно. К тому же большую часть года, с января по август, за все время, в продолжение которого формируются новые рога, самцы оленей совершенно беззащитны. Принято поэтому считать, что головное украшение оленей связано с ожесточенной борьбой, которую самцы оленей ежегодно осенью ведут между собой за обладание местом вожака в оленьем табуне. В этих отчаянных боях, перед которыми самцы оленей оглушительным протяжным ревом (Рис. 56.3) вызывают своего соперника, боях, которые приводят часто к смерти одного из двух борцов, ветвистые рога необходимы для защиты глаз и головы, парируя, улавливая встречные удары.

Глава 58. Муфлонъ

Ovis musimon

Рисунок 58.1. Муфлонъ

Рис. 87. Муфлонъ.

Знакомить насъ съ другой группою копытныхъ, глубоко-отличныхъ отъ оленей по строенію роговъ. Согласно предыдущему «рога» оленевыхъ въ действительности вовсе не рога; это продукты разрастанія и окостенѣнія кожи собственно, не содержащей рогового вещества. Совсѣмъ иначе образованы рога у большинства другихъ животныхъ, надѣленныхъ ими, **козловъ, барановъ и быковъ**. Растущіе въ теченіе всей жизни, не смѣняющіеся и не вѣтвистые рога послѣднихъ состоятъ изъ рогового вещества и въ формѣ полыхъ роговыхъ чехловъ посажены на костяные выросты, идущіе отъ черепа. Отсюда и названіе такихъ животныхъ «полурогіе». Муфлоны — настоящіе бараны, стадные, какъ наши овцы, и съ рогами, скрученными наподобіе спирали и за правило имѣющимися только у самцовъ. Красиво-разрисованные, низкіе въ ногахъ и коренастые муфлоны приурочены къ немногимъ островамъ на Средиземномъ морѣ (Кипру, Корсикѣ, Сардиніи), встрѣчаясь высоко въ горахъ, въ мало-доступныхъ мѣстностяхъ. И тѣмъ не менѣе, подобно большинству животныхъ Средиземья, этого давнишняго источника культуры Запада, муфлоны не могли не сдѣлаться предметомъ прирученія. Пойманныя смолоду эти животныя легко свыкаются с неволей. Эта легкость прирученія и возможность получения плодовитыхъ помѣсей (Рис. 58.2) при скрещиваніи овецъ съ муфлонами и заставляетъ насъ разсматривать послѣднихъ, какъ родоначальниковъ домашняго барана. Вмѣстѣ съ многими домашними животными домашня овца — животное со смѣшаннымъ происхожденіемъ. Въ образованіи ея, помимо корсиканскаго муфлона, принимали видное участіе и дикіе бараны Азіи (так наз. **аркалы**, рѣдкіе въ зоологическихъ садахъ) и африканскій **гривистый баранъ**.

Рисунок 58.2. Помѣсь муфлона и овцы. (Самка съ ягненкомъ отъ самца муфлона). (1916)

Рис. 88. Помѣсь муфлона и овцы. (Самка съ ягненкомъ отъ самца муфлона). (1916).

Глава 59. Безоаровый козель

Capra aegagrus

Типичный обитатель горъ, изъ Закавказья. Въроятный прародитель нашего домашняго козла, съ пучкомъ волосъ на подбородкѣ, съ сжатыми съ боковъ и полукругомъ загибающимися назадъ рогами. У самки только небольшіе серповидно-загнутые рожки. Сходное строеніе роговъ и сходная окраска, ржаво-сѣрая съ продольной темной полосой на спинѣ, нерѣдко наблюдается и у домашняго козла. Какъ это, такъ и легкость прирученія и широкое распространеніе «**бородатого козла**» заставляетъ думать, что его-то именно и приручили когда-то первобытный человѣкъ.

Рисунок 59.1. Безоаровая коза

Рис. 89. Безоаровая коза.

Глава 60. Козерогъ

Capra sibirica

Рисунок 60.1. Сибирскій козерогъ

Рис. 90. Сибирскій козерогъ.

Дикі козлы, распространены въ горахъ Европы, сѣверо-восточной Африки и Азии представлены у насъ *сибирскимъ козерогомъ*. Это — стройное и коренастое животное, съ короткой шерстью, крѣпкими ногами, острыми, глубоко раздвоенными копытами и загибающимися къ спинѣ рогами. Небольшіе серповидные у молодыхъ самцовъ рога эти, усаженные спереди особыми буграми, достигаютъ съ возрастомъ огромнаго развитія. Сидящіе на нихъ черезъ правильные промежутки вздутія, или узлы содѣйствуютъ сохранности роговъ. При поединкахъ козероговъ эти утолщенія принимаютъ на себя удары, наносимые соперникомъ. Они же служатъ для смягченія ударовъ при паденіи на землю въ ТОТЪ моментъ, когда, спасаясь отъ опасности, козель, сорвавшійся случайно или соскочившій произвольно съ крутизны, въ избѣжаніе поломки ногъ старается упасть на голову и на рога. Послѣдніе играютъ роль двухъ эластическихъ рессоръ, смягчающихъ паденіе животного послѣ воздушнаго прыжка.

Глава 61. Кавказскій туръ

Capra caucasica

Рисунок 61.1. Кавказскій туръ

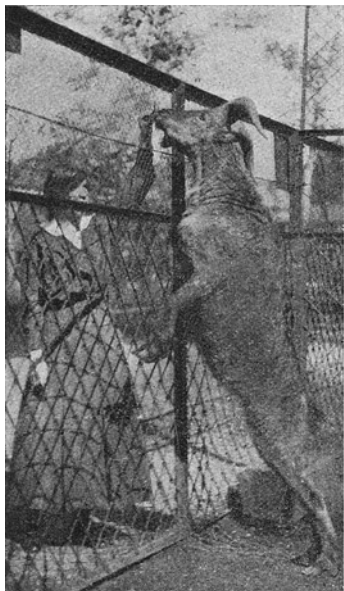

Рис. 91. Кавказскій туръ.

Рисунок 61.2. Туръ-самка и дѣтенышъ, рожденный въ Саду (1916)

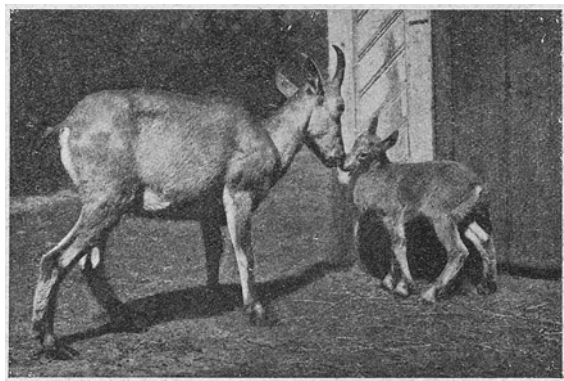

Рис. 92. Туръ-самка и дѣтенышъ, рожденный въ Саду. (1916).

Кавказскій туръ, котораго не должно смѣшивать съ животнымъ, приводящимся подъ этимъ именемъ въ былинах¹, представляетъ нѣчто среднее между бараномъ и козломъ. Онъ обитаетъ высочайшіе, мало-доступные хребты Кавказа. Стадное животное, обычно избѣгающее лѣса и держащееся по ущельямъ и по травянистымъ склонамъ горъ. Пугливые и осторожные туры — неподражаемые лазуны, способные взбираться по отвѣснымъ кручамъ, перескакивать глубокіе обрывы. Къ сожалѣнію, заключенные на ровномъ мѣстѣ тѣснаго загона, эти обитатели высокихъ горъ не могутъ проявить своей природной ловкости и быстроты движеній. Лишь обычная манера ихъ при приближеніи зрителя приподниматься на дыбы (Рис. 61.1), почти отвѣсно упираясь задними ногами въ землю, а передними въ рѣшетку (поза, свойственная изъ копытныхъ лишь баранамъ и козламъ), свидѣтельствуеетъ объ акробатическихъ способностяхъ и о пристрастіи ихъ къ лазанью. При этой позѣ легче можно разсмотрѣть и своеобразное строеніе туриныхъ ногъ, глубоко расщепленныхъ на своемъ концѣ. Подобно большей части парнопалыхъ, и туры ступаютъ

¹Подъ словомъ «туръ» славяне разумѣли вымершаго дикаго быка.

на два пальца (третій и четвертый), которые совмѣстно съ меньшими боковыми пальцами (вторымъ и пятымъ), содѣйствуютъ цѣплянію за расщелины и выступы утесовъ. Прочному ступанію по утесамъ помогаетъ и строеніе копытъ, широкихъ и глубоко выемчатыхъ снизу, плотно прилегающихъ къ неровной каменистой почвѣ, какъ сливается съ ея невзрачнымъ тономъ буроватая, землисто-сѣрая окраска самого животнаго.

Глава 62. Гривистый баранъ

Ovis tragelaphus

Рисунок 62.1. Гривистый баранъ

Рис. 93. Гривистый баранъ, самецъ.

Рисунок 62.2. Гривистый баранъ, самка и дѣтенышъ, рожденный въ Саду (1916)

Рис. 94. Гривистый баранъ, самка и дѣтенышъ, рожденный въ Саду (1916).

При взглядѣ на песочно-ржавчатую масть животного легко понять, что родина его не темныя кавказскія ущелья, дающія убѣжище землисто-сѣрымъ турамъ, а песчанистые, ярко освѣщенные утесы болѣе южныхъ горъ. Въ горахъ Атласа, каменистыми грядами уходящаго далеко въ красновато-желтые пески пустыни, *гривистый баранъ* на фонѣ желтоватаго утеса словно исчезаетъ съ поля зрѣнія: такъ совершенно цвѣтъ животного походить на окраску окружающей среды. Это примѣръ защитной, «покровительственной» окраски у животного, полезной для него. Но и другія свойства этого животного возможно объяснить со стороны полезности для обладателя. Возьмемъ хотя бы самую замѣтную особенность, опредѣляющую самое названіе гривистыхъ барановъ: длинныя густыя космы жесткихъ и расчученныхъ волосъ, почти скрывающихъ переднюю часть тѣла и переднія конечности. Когда животное стоитъ не двигаясь, эти густыя космы, сглаживая очертанія тѣла, дополняютъ пользу, приносимую окраской. И повидимому та же грива призвана служить защитой отъ ночного холода въ горахъ и защищать переднюю часть тѣла при бояхъ самцовъ между собой.

Глава 63. Украинский рогатый скот

Рисунок 63.1. Бык сѣрый степной породы

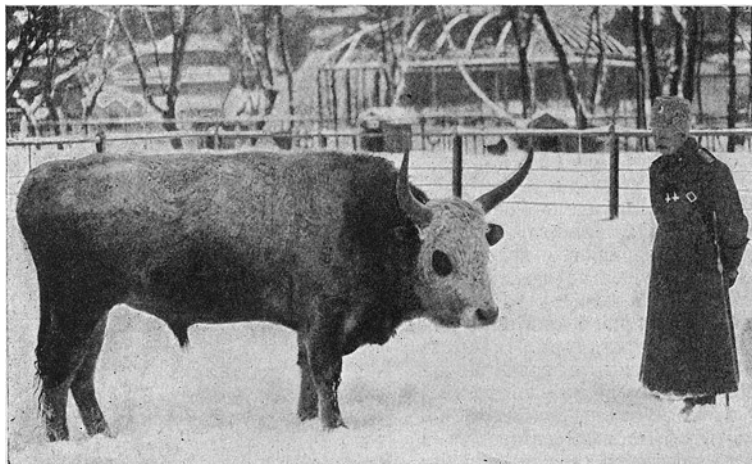

Рис. 95. Бык сѣрый степной породы.

Хороший представитель третьей группы полорогих, именно *быковъ*. Отъ предыдущихъ двухъ (барановъ и козловъ) быки замѣтно отличаются болѣе крупнымъ ростомъ, болѣею длиною хвоста, разставленными широко рогами и недоразвитіемъ волосъ на влажной и широкой мордѣ. Существующій во множествѣ породъ рогатый скотъ должно разсматривать какъ болѣе древнихъ одомашненныхъ животныхъ, нежели овецъ и козъ. Неудивительно, что происхождение перваго гораздо болѣе запутанно и спорно, чѣмъ происхождение вторыхъ. За вѣроятнаго родоначальника домашняго рогатаго скота въ Европѣ принимаютъ дикаго быка, который лѣтъ 400 — 500 тому назадъ еще водился, какъ на Западѣ, такъ и у насъ въ Россіи. Подъ названіемъ «тура» онъ упоминается и русскими былинами. Огромный, темной масти съ удлиненной головой и длинными, и высоко сидящими рогами этотъ *первобытный быкъ* (*Vos primigenius*) въ доисторическое время былъ подвергнутъ прирученію народами Востока, какъ о томъ свидѣлствуютъ древне-греческія изображенія ловли этого животнаго. Путями, издавна служившими распространеніемъ греческой культуры, первобытный быкъ, какъ прирученное животное, проникъ на югъ теперешней Россіи, положивъ — какъ думаютъ — начало мѣстному рогатому скоту. Этотъ послѣдній, нашъ степной украинскій рогатый скотъ, считается прямымъ и наименѣе измѣнившимся потомкомъ вымершаго тура, передавшаго ему громадный ростъ и колоссальные рога, и мощное сложеніе. Исчезла темная окраска, заменившаяся беловато-серой мастью у его потомка. Впрочемъ, представляясь наименее постояннымъ признакомъ, окраска у животныхъ, подвергаемыхъ одомашненію, изменяется обыкновенно легче и быстрее, чѣмъ другіе признаки.

Существуетъ множество другихъ породъ, болѣе цѣнныхъ съ точки зренія хозяйственной. Съ научной стороны эти улучшенныя, т.-е. измѣненныя согласно вкусамъ и потребностямъ заводчиковъ, породы, менее интересны по запутанности ихъ происхожденія.

Глава 64. Зебу

Bos indicus

Рисунок 64.1. Быкъ индiйскiй, Зебу

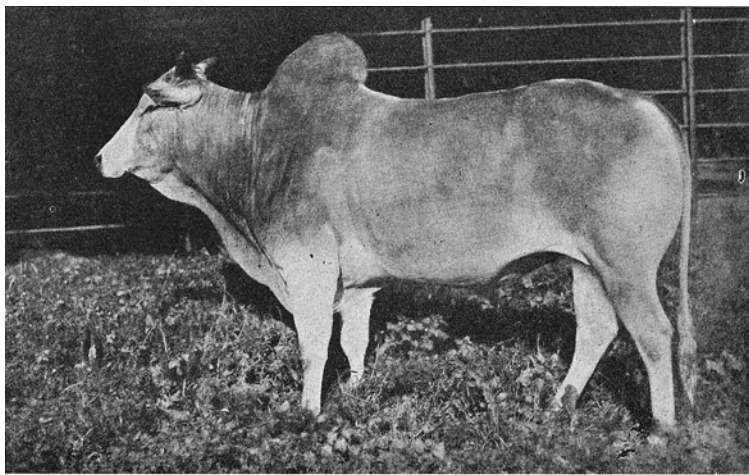

Рис. 96. Быкъ индiйскiй, Зебу.

Рисунок 64.2. Помѣсь зебу и яка (самка съ теленкомъ, рожденнымъ отъ зебу) (1916)

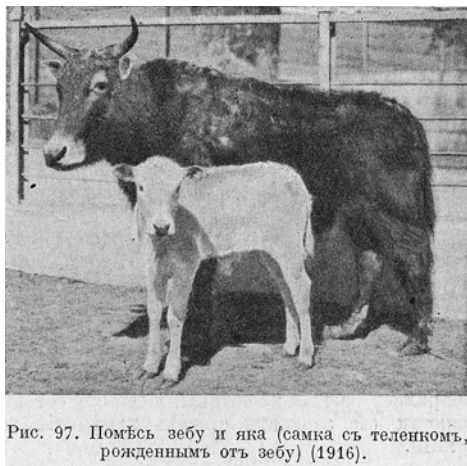

Рис. 97. Помѣсь зебу и яка (самка съ теленкомъ, рожденнымъ отъ зебу) (1916).

Представитель южно-азиатскаго рогатаго скота, съ короткой головой, висячими ушами, небольшими рожками, отвислой кожей на груди, горбообразнымъ возвышенiемъ на загривкѣ (основаннымъ на жировомъ перерожденiи мускуловъ), стройными ногами и бѣлесовато-пепельной окраской. Широко распространенный у себя на родинѣ этотъ *индiйскiй быкъ* является хорошимъ упряжнымъ и верховымъ животнымъ, выносливостью и быстротою бѣга мало уступающимъ обыкновенной лошади. Существующий во множествѣ породъ индiйскiй зебу неизвѣстенъ въ дикомъ состоянiи и, повидимому, представляетъ изъ себя лишь одомашненную форму, съ давнихъ поръ полученную черезъ прирученiе другого южно-азиатскаго быка (такъ называемаго *бантенга*, родоначальника и нѣкоторыхъ европейскихъ расъ рогатаго скота).

Двойственность происхожденiя европейскаго домашняго рогатаго скота (отъ вымершаго *тура* и *бантенга*) подтверждается и плодовитымъ скрещиванiемъ (Рис. 64.2) индiйскаго быка съ другими представителями семейства, въ частности съ *тибетскимъ якомъ*, къ разсмотрѣнiю котораго мы переходимъ.

Глава 65. Якъ

Poephagus grunniens

Рисунок 65.1. Якъ въ лѣтней шерсти

Рис. 98. Якъ въ лѣтней шерсти.

Безспорно, самый своеобразный изъ быковъ, словно одѣтый черною попоной, окаймленной длинной и густою бахромой волосъ, скрывающихъ и лошадиный хвостъ, и низкое приземистое тѣло, и короткія прямыя ноги. Якъ — типичный обитатель высочайшихъ горъ, и вся его наружность говоритъ объ этомъ. Непомѣрно развитая шерсть, особенно на брюхѣ, защищаетъ яка отъ заносовъ снѣжной бури и отъ холода, когда животному для отдыха приходится ложиться на снѣгу. Круто приподнятыя и широко раздвоенныя копыта дѣлаютъ походку яка твердой и увѣренной въ горахъ: якъ никогда не оступается, взбирается ли онъ по крутизнамъ или спускается по каменистымъ склонамъ горъ; въ горахъ же якъ зимою изъ-подъ снѣга вырываетъ скудную растительность, свое единственное пропитаніе. Съ незапамятныхъ временъ якъ въ качествѣ домашняго животнаго извѣстенъ обитателямъ Тибета и другимъ народамъ Средней Азіи. Какъ верховое и какъ вьючное животное, единственно способное дышать разрѣженнымъ, холоднымъ воздухомъ высокиихъ горъ, домашній якъ поддерживаетъ сообщеніе тибетцевъ съ окружающими странами. Отъ дикаго сородича онъ отличается ворчащимъ, хрюкающимъ голосомъ (на волъ дикій якъ совсѣмъ не проявляетъ голоса), менѣе крупнымъ ростомъ, болѣе густою шерстью и весьма разнообразной мастью. Точное разграниченіе дикихъ и домашнихъ яковъ, впрочемъ, затруднительно, въ виду несовершенства прирученія послѣднихъ, въ полудикомъ состояніи пасущихся почти безъ всякаго присмотра. Производится ли и понынѣ ловля дикихъ яковъ — неизвѣстно. Но во всякомъ случаѣ примѣръ этотъ показываетъ намъ, какъ применительно къ условіямъ передвиженія и климата въ различныхъ странахъ разными народами для сходной цѣли избирались разныя животныя, и что отъ совершенства прирученія, а не отъ давности его зависите степень измененія животнаго въ домашнемъ состояніи.

Глава 66. Буйволъ

Bos bubalus

Рисунок 66.1. Южно-Европейскій буйволъ

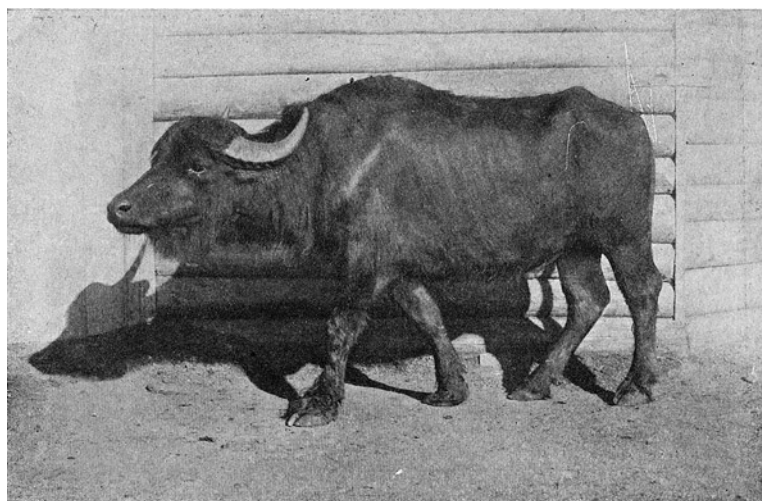

Рис. 99. Южно-европейскій буйволъ.

Интересенъ при сопоставленіи съ другими представителями крупнаго рогатаго скота, въ особенности по сравненію съ якомъ. И дѣйствительно, насколько у послѣдняго и внѣшность, и повадки связаны съ сухими снѣжными горами, настолько же у буйвола строеніе и нравъ указываютъ на обитателей болотистой равнины. Всего прежде эта разница замѣтна на особенностяхъ ихъ волосяныхъ покрововъ. вмѣсто длинныхъ, стелющихся по землѣ волосъ, присущихъ яку, шкура буйвола являетъ противоположную крайность: сильное недоразвитіе волосъ, граничащее съ полной голызной. Такая безволосость кожи возмѣщается ея необычайной толщиной, отлично защищающей животное отъ пораненій и порѣзовъ сучьями и камышами, какъ и отъ укусовъ насѣкомыхъ, столь обычныхъ надъ болотами. Большую часть времени животныя проводятъ, погрузившись въ воду, выставляя на поверхность маленькіе злобные глаза, большой и влажный носъ и подвижныя уши, обрамленныя снаружи своеобразной бахромой волосъ. Медлительныя, неуклюжія на сушѣ, ловкія и выносливыя въ водѣ эти животныя безъ видимой усталости переплываютъ рѣки и морскіе рукава, гребя широкими веслообразными копытами. Привязанность животнаго къ водѣ опредѣляетъ современное его распространеніе. Въ дикомъ состояніи индійскій буйволъ кое-гдѣ встрѣчается среди болотистыхъ непроходимыхъ дебрей южной Азіи и прилежащихъ острововъ, но прирученный съ незапамятныхъ временъ онъ, какъ домашнее животное, разводится далеко за предѣлами своей первоначальной родины: въ Китаѣ, Персіи, Египтѣ, южно-европейскихъ странахъ и у насъ въ Крыму и на Кавказѣ. Сохранивъ свое пристрастіе къ водѣ и невзыскательность въ питаніи, свойственныя дикому родоначальнику, домашній буйволъ сильно измѣнился въ отношеніи нрава: изъ задорнаго и смѣлаго животнаго, не отступающаго даже передъ тигромъ, онъ превратился въ тупоумное, безвольное и безобидное созданіе.

Глава 67. Верблюды одногорбый и двугорбый

Camelus dromedarius, C. bactrianus

Рисунок 67.1. Двугорбый верблюдъ въ лѣтней шерсти

Рис. 100. Двугорбый верблюдъ въ лѣтней шерсти.

Рисунок 67.2. Онъ же въ зимней шерсти

Рис. 101. Онъ же въ зимней шерсти.

Въ такой же мѣрѣ, какъ приземистый лохматый и сутулый якъ неотдѣлимъ отъ жизни въ разрѣженномъ воздухѣ высокихъ снѣжныхъ горъ — **верблюды** связаны съ пустыней. Только ею можно объяснить строение и повадки ихъ. Цвѣтъ шерсти желтовато-бурый — совпадаетъ съ цвѣтомъ глинисто-песчаной почвы. Незыскательность верблюда выражается въ способности его подолгу оставаться безъ воды, какъ и въ страсти его къ репейникамъ и жесткимъ, и солонцеватымъ травамъ и кустарникамъ пустыни. Толстая широкая подошва ногъ, несущихъ по два пальца въ формѣ двухъ мозолистыхъ подушекъ съ небольшими ногтевидными копытцами, даютъ возможность двигаться по раскаленному песку пустыни, не проваливаясь сквозь него, а твердые мозоли на колѣняхъ и груди — лежать при отдыхѣ на голой каменистой почвѣ.

Вышина верблюдовъ позволяетъ имъ своими зоркими глазами съ легкостью охватывать далекий горизонтъ пустыни. Сильно выступающія ноздри говорятъ о совершенствѣ обонянія; оно необходимо для того, чтобы въ безводной степи и пустынѣ чуютъ издали присутствие воды. Способность замыкать отверстие ноздрей предохраняетъ ихъ отъ пыли и песка, вздымаемыхъ пустыннымъ вихремъ. Изъ двухъ верблюдовъ — двугорбаго (Рис. 67.1, Рис. 67.2) и одногорбаго (Рис. 67.3, Рис. 67.4) — въ природномъ, дикомъ состоянii

известен только первый, именно в центральной Азии. Он отличается от своего домашнего собрата большею духовной одаренностью, но пойманный, легко ручнѣя, превращается въ упрямое, тупое, неприязливое существо въ которомъ недостатки нрава окупаются одними лишь тѣлесными достоинствами.

Рисунок 67.3. Одногорбый верблюд и верблюжонок-альбиносъ, родившійся въ Саду (1916)

Рис. 102. Одногорбый верблюдъ и верблюжонокъ - альбиносъ, родившійся въ Саду. (1916).

Рисунок 67.4. Одногорбые верблюды

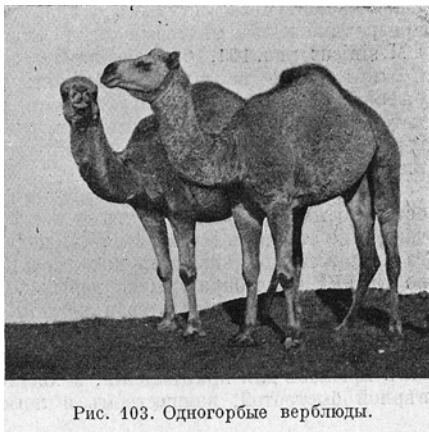

Рис. 103. Одногорбые верблюды.

Получивши издавна прозвание «корабля пустыни» (подходящее и потому, что у неопытнаго ѣздока колыхающійся бѣгъ верблюда вызываетъ приступы морской болѣзни), одомашненный верблюдъ сдѣлалъ возможнымъ жизнь и передвиженіе людей въ мѣстахъ, иначе недоступныхъ человѣческой культурѣ, которую, какъ справедливо было сказано, въ этихъ безлюдныхъ мѣстностяхъ верблюды носятъ на своемъ горбѣ. Этотъ послѣдній представляетъ изъ себя скопленіе жира, отлагаемаго при хорошемъ кормѣ и расходуемаго при голоданіи. Замѣчательно, что и у одногорбаго верблюда въ ранней молодости горбъ двойной, впоследствии срастающійся въ одинъ. Какъ это, такъ и неизвѣстность одногорбаго верблюда въ дикомъ состояніи, и легкость скрещиванія обоихъ (Рис. 67.3) заставляеть думать, что верблюды одногорбые возникли при условіяхъ одомашненія подобно множеству другихъ породъ. Различныя по складу и строенію породы эти раздѣляютъ буровато-желтую окраску (если не считать верблюдовъ **альбиносовъ** съ бѣлой шерстью, Рис. 67.3), взбаломшный нравъ и малую понятливость.

Верблюды — рѣдкій образецъ животнаго, которое несмотря на долгую и непосредственную близость къ человѣку мало развилось въ духовномъ отношеніи. Возможно, что отчасти это объясняется односторонне-механическимъ использованием животнаго и грубымъ обращеніемъ. Но отчасти объясненіе приходится искать и въ недостаточной духовной одаренности ихъ дикихъ родичей. Эта послѣдняя является настолько же помѣхой для тѣснѣйшаго сближенія животнаго и человѣка, какъ препятствуетъ тому же и не въ мѣру сильное развитіе умственныхъ способностей.

Глава 68. Обезьяны

Н. Н. Ладыгиной-Котсѣ

Рисунок 68.1. Молодые макаки

Рис. 104. Молодые макаки.

Группа обезьянъ обычно привлекаетъ къ себѣ совершенно исключительное вниманіе зрителей. Ни въ какомъ другомъ помѣщеніи для животныхъ, кромѣ обезьянника, не наблюдается такого большого скопленія посѣтителей, не обнаруживается такого живого интереса къ животнымъ, такого длительного ихъ наблюденія.

Человѣкообразность обезьянъ, ихъ подвижность, стремленіе къ общенію съ посѣтителями, ярко выраженныя чувства и выразительность ихъ проявленія во внѣ — вотъ тѣ основныя свойства обезьянъ, которыя сознательно или безсознательно прежде всего учитываются посѣтителями. Эти черты приковываютъ вниманіе зрителя и заставляютъ предпочитать эту группу животныхъ всѣмъ остальнымъ и болѣе рѣдкимъ, и болѣе необычнымъ по виду, и болѣе красивымъ. Эти послѣднія при поверхностномъ наблюденіи кажутся скоро однообразными и безжизненными и утомляютъ зрителя; совсѣмъ не то у обезьянъ.

Каждога прежде всего поражаемъ, человѣкообразность ихъ: присутствіе болѣе или менѣе выраженнаго лица, вмѣсто морды, и рукъ, вмѣсто лапъ. Въ этомъ отношеніи среди обычнаго состава нашего зоологическаго сада группа молодыхъ **макаковъ** (Рис. 68.1) даетъ наибольшій матеріалъ для наблюденія. Миниатюрная головка, отсутствіе сильно выступающихъ впередъ челюстей, надбровныхъ выступовъ и громадныхъ клыковъ (свойственныхъ старымъ самцамъ, Рис. 68.7), большіе, выразительные, прозрачные глаза, тѣлесный или розоватый цвѣтъ лица (у *Macacus rhesus* и *M. sinicus*, Рис. 68.1, Рис. 68.6) позволяютъ говорить скорѣе о лицѣ, чѣмъ о мордѣ. Соотвѣтственно настроенію обезьяны это лицо чрезвычайно мѣняется; выраженіе лица отбѣняется позами, жестами, движеніями животнаго, которые порой такъ напоминаютъ человѣческіе, что становятся понятными самому непосвященному зрителю уже потому, что онъ уподобляетъ ихъ своимъ.

Но и самая подвижность животнаго привлекаетъ вниманіе. Обезьяны, особенно макаки, рѣдко сидятъ на мѣстѣ и остаются спокойными. То они качаются на стволахъ деревьевъ, то на подвѣшенныхъ качеляхъ, то на рукахъ, то на ногахъ, прицѣплясь къ потолку и повисая внизъ головой, то бѣгаютъ по клѣткѣ, то взбираются на деревья, чтобы, стремглавъ спрыгнуть оттуда внизъ — снова начать свои метанія. Въ этихъ своихъ движеніяхъ они какъ нельзя лучше выдаютъ свой **древесный** образъ жизни на волѣ (въ Азіи), когда, пользуясь четырьмя своими сильными конечностями, въ качествѣ крюковъ для прицѣпленія, и хвостомъ, въ качествѣ руля, съ неимоверной быстротой, изяществомъ и легкостью носятся они среди вѣтвей.

Рисунок 68.2. Макаки в роли наблюдателей

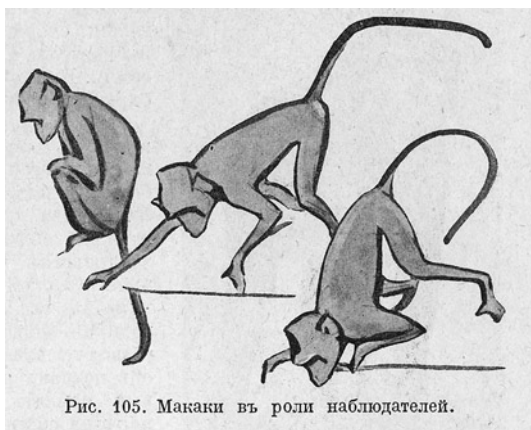

Рис. 105. Макаки в роли наблюдателей.

Рисунок 68.3. Ссорящиеся макаки

Рис. 106. Ссорящиеся макаки.

Наблюдение молодых макаков в неволе в сожительстве нескольких штук особенно интересно тем, что дает возможность получить как бы сколок с их *стадной* жизни на воле. Их живость, их рвимость обнаруживаются здесь с особенной силой уже вследствие задорности молодых обезьян. Да и действительно, какой великий соблазн сидящей на полу клетки обезьян видеть спускающийся сверху хвост сотоварища и не дернуть за него, не повиснуть на нем, как на веревке. Какой искусь обезьян, свисшей вниз головой с качелей и барахтающей в воздухе руками, не ухватить, не щипнуть проходящего мимо собрата, — а этому, в свою очередь, не погнаться за обидчицей и не отплатить тем же. И он преследует упорно, бегая назад и вперед по клетке, взбираясь на деревья, перепрыгивая оттуда на полки, оттуда срываясь вниз по следам за прыгнувшей жертвой. Вот он настигает ее, тогда широко раскрывает рот и набрасывается. Жертва, не находя больше спасения, отчаянно визжит, пригибается к земле передней частью тела, как бы защищая ее от укуса, и только оскаленный рот да направленные вперед руки готовы отражать нападение (Рис. 68.3). Иногда это действует отрезвляюще на преследователя, в последний момент он отказывается от своих притязаний — и дело не доходит до драки. Чаще, впрочем, этот маневр не в силах удержать — они схватываются и впадают друг в друга зубами. Эта расхлывшаяся пара в своих безудержных метаниях по клетке попутно задвигает и других сотоварищей — эти последние не остаются в долгу и отвечают тем же; завязывается новая драка, в которой несколько участников, сцепившись в клубок, с пронзительным визгом катаются по полу, кусая друг друга и уже не разбирая истинного виновника. Для обитателей той же клетки дерущиеся являются центром внимания, только большие остаются безучастными к зрелищу, большинство же мгновенно бросается вперед (Рис. 68.2), живо следит за происходящим и готово в каждый момент принять активное участие.

Эти игры-драки в сообществе обезьян происходят чуть не на каждом шагу и из-за каждой вещи и являются тем оселком, на котором испытывается сила и ловкость. На воле ими завоевывается право «вожака» — право «на власть и на любовь» в своем стаде, численностью в несколько десятков штук. Это право оспаривается жестокой борьбой самцов между собой, достигается силой и ловкостью и достается победителю, обычно самому отважному самцу. На его обязанности лежит также охрана и защита стада.

Рисунок 68.4. Китайский макакъ

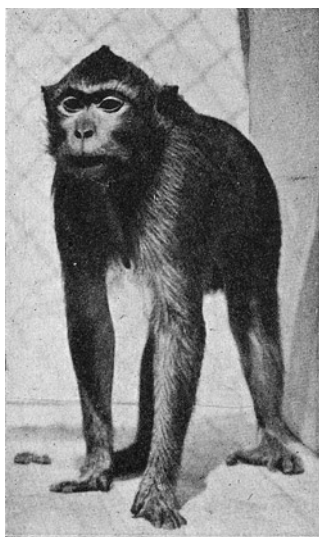

Рис. 107. Китайский макакъ.

Рисунок 68.5. Макакъ въ злобѣ

Рис. 108. Макакъ въ злобѣ.

Но и въ неволѣ, и среди молодых макаковъ «право сильного» обнаруживается во всей своей отталкивающей простотѣ. Сильные являются деспотами всего сообщества. Они бросаются въ глаза тотчасъ же: обычно они всего ближе сидятъ къ рѣшеткѣ, выжидая подачекъ, и если пытаются обойти ихъ и давать болѣе дальнимъ, то все же это ни къ чему не приводитъ — послѣдніе изъ боязни даже не рѣшаются взять кусокъ. Впрочемъ, иногда они поддаются соблазну и, улучивъ удобный моментъ, схватываютъ подачку — но тогда обычные угнетатели широко раскрываютъ рты, (Рис. 68.5) смотрятъ на нихъ въ упоръ, какъ бы угрожая, а потомъ набрасываются и вырываютъ взятое, противъ чего первые даже мало протестуютъ — такъ къ этому привыкли. Всякое же противодѣйствіе со стороны угнетаемыхъ ведетъ къ такому яростному нападенію на нихъ, что они тотчасъ же спѣшатъ сдаться. И такъ во всемъ: понравится ли одному изъ деспотовъ занятое мѣсто, увидитъ ли онъ поднятымъ брошенный имъ ранѣе кусокъ, онъ спѣшитъ оспаривать, и при первомъ же его приближеніи всѣ болѣе слабые бросаются отъ него вразсыпную и готовы поступиться всѣмъ, что имѣютъ. Иногда эти преслѣдованія принимаютъ такой ожесточенный характеръ, что слабѣйшихъ приходится отсаживать въ другія клѣтки изъ боязни, что они будутъ загнаны и забиты до смерти. Впрочемъ, это привилегированное положеніе однихъ и подчиненное другихъ и ихъ взаимная вражда и отчужденность иногда сглаживаются. Это бываетъ въ случаѣ ихъ совмѣстныхъ нападений на находящагося внѣ клѣтки обидчика: тогда общая опасность объединяетъ ихъ, и всѣ по мѣрѣ силъ пытаются ее отворотить — одни, хрипя и скаля зубы, другіе, готовясь броситься впередъ, ловя моментъ, чтобы схватить обидчика возможно вѣрнѣе. Объединеніе бываетъ и болѣе мирное. Это въ случаѣ ихъ полного утомленія отъ непрерывной суеты, обычно подъ вечеръ, когда они собираются въ кучу, чтобы отдохнуть и согрѣться. И недавніе враги и друзья крѣпко, крѣпко прижимаются одинъ къ другому (Рис. 68.6), сплетаются руками и хвостами такъ тѣсно, что трудно распознать, кому изъ нихъ принадлежитъ какая-либо часть тѣла, и сидятъ такъ тихо и мирно, что съ трудомъ удастся ихъ представить въ недавнихъ схваткахъ. Но это наблюдается только у молодыхъ. Старые самцы (Рис. 68.7) не примиримы и въ неволѣ. Такъ они никогда не уживаются въ одной клѣткѣ (и у насъ въ Саду всегда разсажены порознь), но даже и разгороженные при видѣ другъ друга злобно хрипятъ и пытаются всячески устранить внѣшнее препятствіе, чтобы вступить въ поединокъ.

Рисунок 68.6. Макаки въ мирномъ настроеніи

Рис. 109. Макаки въ мирномъ настроеніи.

Рисунок 68.7. Макакъ, старый самецъ, въ злобѣ

Рис. 110. Макакъ, старый самецъ, въ злобѣ.

По сравненію съ макаками **мартышки** — болѣе тонкаго тѣлосложенія, съ болѣе стройными конечностями, часто пестро раскрашенныя. Наиболѣе частымъ обитателемъ Сада является зеленая мартышка (*Cercopithecus sabaеus*, изъ Африки, Рис. 68.8) съ зеленовато-сѣрымъ цвѣтомъ шерсти и бѣлыми или желтыми баками и бровями, окаймляющими лицо. Подъ вліяніемъ неволи или въ силу личныхъ уклоненій только у насъ въ Саду онѣ являются довольно мало подвижными созданьями. Но если онѣ сравнительно спокойны, то все же рѣдко бездѣтельны. То онѣ перебираютъ у себя и другъ у друга въ шерсти (Рис. 68.9), съ сосредоточеннымъ вниманьемъ выискивая настоящихъ или мнимыхъ насѣкомыхъ, то пересыпаютъ опилки, приглядываясь къ каждому случайно попавшему камешку и палочкѣ (Рис. 68.8), то съ живѣйшимъ интересомъ слѣдятъ за происходящимъ внѣ клѣтки и стремятся къ общенію съ посѣтителемъ. Правда, это желаніе общенія часто связано съ желаніемъ получить подачку. Данный обезьянѣ кусокъ быстро исчезаетъ въ ея рукахъ, и она уже тянется за другимъ. Другой — и тотъ постигаетъ та же скорая участь, и рука снова протянута впередъ, въ знакъ просьбы. Скоро обнаруживается, что обезьяна не заглатываетъ, а закладываетъ куски, закладываетъ про запасъ въ «защечные мѣшки». Такимъ образомъ, въ данный моментъ онъ стремится наилучше использовать посѣтителя, а, когда нѣтъ надежды на новое полученіе, уже на досугѣ занимается съѣданьемъ подачки. Эта послѣдняя особенность принятія пищи вполне доступна объясненію. На волѣ мартышки, какъ и макаки, въ цѣляхъ добыванія пищи совершаютъ большими стадами набѣги на сосѣднія поля и плантаціи. При опустошеніи ихъ, стремясь захватить съ собой возможно больше и неизбежно оспаривая другъ у друга добычу, онѣ, конечно, нуждаются въ надежномъ складочномъ мѣстѣ. Таковымъ и являются «защечные мѣшки», обширные карманы по бокамъ отъ щекъ, неприступные для врага уже потому, что загорожены зубами.

Рисунок 68.8. Зеленая мартышка

Рис. 111. Зеленая мартышка.

Рисунок 68.9. Зеленые мартышки

Рис. 112.
Зеленые
мартышки.

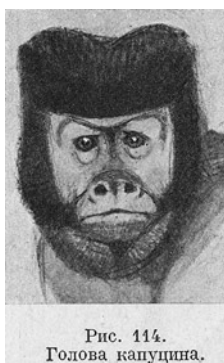
Капуцинъ принадлежит къ группѣ *широконосыхъ* обезьянъ (свойственныхъ исключительно Америкѣ), получившихъ свое названіе вслѣдствіе широко разставленныхъ ноздрей. Капуцинъ (Рис. 68.10) — миниатюрная обезьянка съ шерстью рыжеватаго цвѣта, съ шапочкой изъ темныхъ удлиненныхъ волосъ на головѣ, съ небольшою бородкой и длиннымъ пушистымъ цѣпкимъ хвостомъ. Во время сна капуцинъ окутываетъ имъ свое тѣло для согрѣванія; при ходьбѣ во избѣжаніе волоченія онъ свертываетъ хвостъ клубкомъ; при передвиженіи на деревьяхъ онъ то зацѣпляется имъ какъ крюкомъ, то заматывается какъ веревкой.

Рисунок 68.10. Обезьяна-капуцинъ въ "просящей" позѣ

Рис. 113. Обезьяна-капуцинъ въ «просящей» позѣ.

Рисунок 68.11. Голова капуцина

Рис. 114.
Голова капуцина.

Капуцинъ — суетливая и беспокойная обезьянка, и это обнаруживается въ особенности съ приходомъ посѣтителей. Приносящихъ что-либо съѣстное она тотчасъ же замѣчаетъ изъ толпы, не спускаетъ съ нихъ глазъ, какъ бы ожидая къ себѣ вниманія, а обойденная безпокойно озирается по сторонамъ, привстаетъ на заднія ноги, вся вытягивается, присматриваясь, взбирается на самый верхъ клѣтки, откуда заглядываетъ внутрь обезьянника, какъ бы выискивая новаго дающаго; она особенно волнуется и неистовствуетъ, когда видитъ одѣленнымъ лакомствомъ кого-либо изъ своихъ сотоварищей: тогда капуцинъ то мечется по клѣткѣ и въ волненіи производитъ рядъ беспорядочныхъ движеній, то раздражается пронзительнымъ крикомъ и визгомъ, то бьетъ руками по полу, стѣнамъ и рѣшеткѣ, протягиваетъ по самое плечо обѣ руки за сѣтку (Рис. 68.10) и издаетъ пискливый, протяжный, жалобный звукъ. Обезьянка не успокоивается до тѣхъ поръ, пока къ ней не подойдутъ и не дадутъ что-либо. Но не одно съѣдобное привлекаетъ вниманіе

капуцина; подобно другим обезьянам иногда онъ совершенно равнодушенъ къ подачкѣ и въ то же время полонъ живѣйшаго интереса къ вещамъ совсѣмъ несъѣдобнымъ.

Впрочемъ, это чаще наблюдается у другой цѣпкохвостой обезьяны — **Паукообразной** (Ateles).

Эта обезьяна (Рис. 68.12) имѣетъ слабо развитое тѣло, длинныя тонкія конечности и еще болѣе длинный и тонкій хвостъ, который какъ бы увеличиваетъ ихъ число. Въ противоположность капуцину у паукообразной хвостъ лишень шерсти на своемъ концѣ и является поэтому болѣе гибкимъ и чувствительнымъ. Хвостъ служить ей не только для передвиженія, но и какъ органъ осязанія и хватанія предметовъ (Рис. 68.13). Послѣдняя его особенность тѣмъ болѣе полезна, что переднія конечности лишены перваго пальца, ихъ хватательная роль ограничена, всѣ пальцы дѣйствуютъ какъ одно цѣлое, наподобіе крюковъ при зацѣпленіи за вѣтви. Это особенно замѣтно при передвиженіи обезьянъ среди деревьевъ, представляющихъ ихъ обычное мѣстообитаніе. Паукообразныя не только превосходно лазаютъ, но, раскачиваясь, переносятся съ изумительной легкостью съ дерева на дерево, ловко и увѣренно отыскивая точку опоры конечностями и хвостомъ и въ совершенствѣ избѣгая препятствій. Зато на ровномъ мѣстѣ онѣ довольно неуклюжи: при ходьбѣ на четверенькахъ длинный хвостъ имѣетъ скорѣе мѣшаетъ, и онѣ закидываютъ его высоко наверхъ, но и тогда ихъ походка весьма неуверенна. Движенія этой обезьяны имѣютъ еще особенность — они эластичны, медлительны и безшумны и вполне гармонируютъ съ ея меланхоличнымъ характеромъ. И дѣйствительно, даже находясь въ сообществѣ, паукообразныя мало возбудимы, ихъ общеніе носитъ мирный характеръ, и даже ѣда не является поводомъ къ возникновенію ссоръ и дракъ.

Рисунок 68.12. Цѣпкохвостая обезьяна

Рис. 115. Цѣпкохвостая обезьяна.

Рисунок 68.13. Цѣпкохвостая обезьяна

Рис. 116. Цѣпкохвостая обезьяна.

Вмѣстѣ съ этой незлобивостью обнаруживается и ихъ большая привязчивость къ людямъ, которыхъ онѣ часто видятъ, которые прикармливаютъ ихъ; даже болѣе того, онѣ приходятъ въ смятеніе, когда чужія лица прикасаются къ знакомому имъ человѣку. Тогда обезьяны широко раскрываютъ рты, раздражаются скрипучимъ, пронзительнымъ звукомъ, перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто и долго не успокаиваются. Эта привязчивость идетъ рука объ руку съ общительностью животнаго. Съ приближеніемъ зрителя къ рѣшеткѣ обезьяны не отходятъ отъ нея и становятся особенно внимательны при показываніи имъ какого-либо предмета (Рис. 68.12). Онѣ смотрятъ и не наглядятъ на него, непременно хотятъ дотронуться, ощупать его руками и во что бы то ни стало желаютъ имъ овладѣть. Даже убѣдившись въ несъѣдобности предмета, онѣ тѣмъ не менѣе обнаруживаютъ къ нему интересъ, и это ясно говоритъ за то, что въ этихъ случаяхъ ими скорѣе всего руководитъ любопытство. Все находящееся въ клѣткѣ слишкомъ хорошо имъ извѣстно, слишкомъ утомило ихъ своимъ однообразіемъ, и онѣ живо пользуются всякой возможностью заняться чѣмъ-либо новымъ. Это желаніе новизны порой бываетъ чрезвычайно сильно: при удаленіи показываемой вещи обе-

зьяна крѣпко ухватывается за нее руками и напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы не выпустить изъ рукъ желанный предметъ. Въ случаѣ же удачнаго овладѣванія имъ обезьяна надолго занята его изслѣдованіемъ, принохиваясь, присматриваясь къ нему, пробуя на зубы, перекладывая съ мѣста на мѣсто. Правда, со свойственнымъ ей нраву непостоянствомъ обезьяна нѣсколько разъ отрывается отъ предмета, отвлекается въ стороны — но все же ясно, что въ самой клѣткѣ это новое является центромъ ея вниманія, и она занята имъ до тѣхъ поръ, пока не разрушитъ окончательно. Это любопытство, это желаніе новизны основано на главномъ свойствѣ обезьянъ — ихъ стремленіи къ дѣятельности. И въ неволѣ, среди скудной обстановки своего заключенія, онѣ всячески пытаются найти себѣ занятія.

Рисунок 68.14. Павіанъ въ спокойномъ настроеніи

Рис. 117. Павіанъ въ спокойномъ настроеніи.

Рисунок 68.15. Голова павіана

Рис. 118.
Голова павіана.

Къ сожалѣнію, сами посѣтители иногда придаютъ этому общенію совершенно иной характеръ: оно выливается порой въ невозможную грубую форму дразненія животнаго, издѣвательства надъ нимъ. На обезьянъ замахиваются, ихъ дергаютъ за руки, просовываютъ палки и зонты сквозь петли сѣтки, задѣвая животное, и даже лица болѣе культурныя не могутъ отказать себѣ въ удовольствіи подразнить ихъ хотя подачкой. И это въ отношеніи животнаго, наиболѣе интеллигентнаго изъ всѣхъ остальныхъ, наиболѣе чуткаго ко всякаго рода воздѣйствію. Неудивительно поэтому, что прямымъ отвѣтомъ на такое частое дразненіе является необузданно злобный характеръ обезьянъ.

Рѣдкая обезьяна не кусается, рѣдкая при неосторожномъ, порывистомъ жестѣ не бросается разъяренной на сѣтку по направленію къ мнимому обидчику, угрожая оскаленными зубами. У обезьянъ, посаженныхъ въ клѣтку по нѣсколько, эта злоба изливается на своихъ сотоварищей: обычно болѣе сильныя нападаютъ на болѣе слабыхъ, самцы преслѣдуютъ самокъ и кусаютъ ихъ — въ результатѣ безконечныя погони и преслѣдованія, драки и возня, злобное рычаніе однихъ, визгъ и крикъ другихъ.

Такое озвѣрѣніе особенно свойственно группѣ павіановъ. **Павіаны** открываютъ собой новый типъ обезьянъ, именно «собакоголовыхъ». Это названіе какъ нельзя лучше опредѣляетъ ихъ внѣшній видъ. Старые самцы достигаютъ величины большой собаки, имѣютъ мощныя конечности, довольно длинный хвостъ, яркія сѣдалищныя мозоли и большіе защечные мѣшки. Большая тяжелая голова павіановъ (Рис. 68.15) съ низкимъ лбомъ, сильно выступающими челюстями и мощными зубами также напоминаетъ собой собачью морду. Въ нашемъ саду представителемъ павіановъ является бабуинъ (*Супосерphalus babuin* изъ Африки). Бабуины больше наземныя, чѣмъ древесныя созданія. Они обитаютъ на скалахъ и горахъ, доходя порой до снѣжной линіи. Густота шерсти хорошо защищаетъ ихъ отъ холода, а цвѣтъ ея, зеленовато-сѣро-бурый, хорошо скрываетъ ихъ на фонѣ сѣроватыхъ скалъ. Бабуины въ совершенствѣ лазаютъ по кручамъ и утесамъ, обнаруживая силу, грубость и порывистость въ своихъ движеніяхъ; это замѣтно даже и при наблюденіи ихъ въ неволѣ: ходятъ ли они по полу, тяжело ступая ногами, вспрыгиваютъ-ли однимъ взмахомъ на полку, бросаются-ли оттуда шумно внизъ. Вслѣдствіе своей тяжести легкость и безшумность движенія обезьяны они утратили безслѣдно, такъ же какъ и рѣзвость, и суетливость. Они часто сидятъ въ одной и той же неподвижной позѣ, сосредоточенно, спокойно глядя предъ собой (Рис. 68.14).

Рисунок 68.16. Павіанъ въ ярости

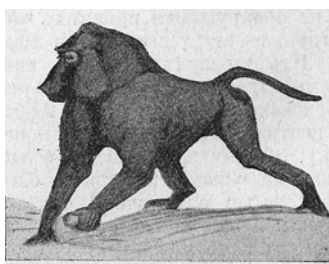

Рис. 119. Павіанъ въ ярости.

Но это ихъ настроеніе мало устойчиво въ силу ихъ чрезвычайной возбудимости: малѣйшаго повода достаточно, чтобы ихъ разсердить. Злобно возбужденный самецъ мгновенно преобразается и становится особенно выразителенъ (Рис. 68.16). Волосы на его головѣ и плечахъ поднимаются дыбомъ и отдѣляются отъ остального туловища въ видѣ могучей гривы, которая сразу придаетъ животному болѣе внушительный и угрожающій видъ. Павіанъ порывисто встаетъ и, не спуская глазъ съ нарушителя покоя, схватываетъ первый попавшійся предметъ и, размахивая взадъ и впередъ рукой, какъ бы цѣлясь, бросаетъ его въ направленіи обидчика. Въ случаѣ большого озлобленія павіанъ скачетъ и мечется по клѣткѣ, весь взъерошившись, высоко поднимая и откинувъ хвостъ, широко раскрывъ пасть. Въ моментъ же наибольшей ярости съ хриплымъ звукомъ онъ бросается всей тяжестью тѣла на рѣшетку и съ ожесточеніемъ рветъ ее зубами.

Если самецъ помѣщается въ одной клѣткѣ съ самкой, то его злоба цѣликомъ обрушивается на нее. Въ узкихъ предѣлахъ клѣтки онъ настигаетъ ее мгновенно, нападаетъ на нее, и съ злобнымъ хрипѣньемъ и криками они впадаютъ другъ въ друга зубами. Этотъ крикъ беспокоитъ обитателей другихъ клѣтокъ, обезьяны волнуются и то здѣсь, то тамъ слышатся отвѣтныя взвизгиванія и ворчанія. Въ обезьянникѣ поднимается невообразимый шумъ и гвалтъ, который еще больше возбуждаетъ животныхъ и заставляетъ ихъ нападать другъ на друга безъ причины и безъ цѣли.

Итакъ, воссоздавая въ одно цѣлое духовный обликъ, свойственный типу обезьянъ вообще — можно сказать, что это созданіе общительное, столь же подвижное духовно, какъ и физически, легко возбудимое, скоро успокаивающееся, непостоянное въ стремленіяхъ, безудержное въ чувствованіяхъ, которыя часто представлены бурными аффектами. Злоба, страхъ и печаль — вотъ основной фонъ ихъ душевной жизни въ неволѣ, и только въ видѣ исключенія приходится подмѣчать проявленіе нѣжныхъ и радостныхъ чувствъ. Въ жизни на волѣ и въ сообществѣ онѣ имѣютъ, конечно, больше радостныхъ переживаній, — но здѣсь, въ скудныхъ условіяхъ заключенія ихъ радости невелики, и въ силу этого ихъ природная рѣзвость и веселость сильно подавлена, а эгоистическія чувствованія развиты чрезмѣрно. Двѣ черты особенно возвышаютъ ихъ надъ всѣми другими животными — это ихъ чрезвычайное любопытство и стремленіе къ дѣятельности; любопытство, которое часто необъяснимо никакими корыстными мотивами, и стремленіе къ дѣятельности, которое въ самыхъ скудныхъ условіяхъ существованія находитъ пищу и даетъ имъ матеріалъ для умственной переработки.

Нужно ли говорить, что эти особенности психическаго склада обезьяны дѣлаютъ перенесеніе неволи для нея болѣе тягостнымъ, чѣмъ для всякаго другого существа?

Нужно ли напоминать, что отъ вдумчиваго человѣчнаго отношенія посѣтителей много зависитъ смягчить или еще болѣе ухудшить ихъ скорбную участь.

Также не требуетъ доказательствъ, что еще болѣе чуткія по своей физической и духовной организаціи высшія, или «**человѣкообразныя**», обезьяны только въ исключительныхъ случаяхъ долгое время переносятъ неволю. Достоверно извѣстно, что болѣе молодая свыкаются съ неволей лучше и живутъ тѣмъ дольше, чѣмъ ближе удастся вступить въ общеніе и близость съ человѣкомъ, тогда какъ взрослыя погибаютъ въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ при самомъ заботливомъ уходѣ. Онѣ отказываются отъ пищи, становятся ко всему безучастными, впадаютъ въ состояніе полного унынія и, не обнаруживая никакихъ заболѣваній, хирѣютъ день ото дня. — «Онѣ погибаютъ отъ тоски» — какъ принято выражаться.

Рисунок 68.17. Молодой шимпанзе

Рис. 120. Молодой шимпанзе.

Изъ высшихъ обезьянъ наиболѣе частымъ обитателемъ зоологическихъ садовъ является **шимпанзе**, не разъ содержавшійся и въ нашемъ Московскомъ Саду. Житель Африки, водящійся въ тропическихъ лѣсахъ ея центральной части, по пропорціямъ тѣла наиболѣе подходящій къ человѣку, лишенный хвоста, съ большой округлой головой, большими выступающими ушами и черной блестящей шерстью. Этими особенностями онъ безъ труда отличимъ отъ другихъ высшихъ обезьянъ, африканскаго **гориллы** и азіатскихъ **оранга** и **гиббона**. По сравненію съ этими послѣдними онъ наиболѣе человѣкообразенъ и по своему лицу (см. Рис. 68.17). Какъ и у большинства другихъ обезьянъ, первый палецъ на ногахъ шимпанзе противопоставляется остальнымъ, и нога, не менѣе чѣмъ рука, приспособлена для хватанія. Шимпанзе имѣетъ также чрезвычайно выразительную мимику. Въ зоологическихъ садахъ, даже въ хорошихъ условіяхъ содержанія (какъ въ Антверпенѣ, Берлинѣ и Лондонѣ), по своимъ психическимъ свойствамъ онъ сравнительно мало отличается отъ другихъ обезьянъ: его чувствованія подавлены, ихъ проявленія во внѣ мало выразительны, и онъ является довольно инертнымъ существомъ. Совсѣмъ не то приходится сказать о шимпанзе, содержащихся у частныхъ лицъ (между прочимъ, и у пищущей эти строки), гдѣ они находятся въ непрестанномъ общеніи съ людьми, въ непрестанномъ столкновеніи съ многообразными внѣшними впечатлѣніями. Съ перваго же взгляда они поражаютъ необычайною пластичностью психики, многообразіемъ и выразительностью своей мимики чрезвычайно, бьющей черезъ край жизнерадостью. Ихъ рѣзвость, ихъ задорность тѣмъ неудержимѣе, чѣмъ многочисленнѣй и шумливѣй общество, въ которомъ они находятся. Какую живѣйшую радость выражаетъ тогда все ихъ существо! Ихъ ротъ ослабливается въ улыбку, они производятъ рядъ безцѣльныхъ движеній, ударяютъ на ходу руками, сбрасываютъ вещи, зацѣпляютъ ихъ и везутъ за собой; они перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто и отъ одного человѣка къ другому, дергая за платье и всячески стараясь обратить на себя вниманье и вызвать на игру. И они готовы играть и возиться безъ конца и становятся печальными, когда не слѣдуетъ отвѣта на ихъ зазыванія. Но если общеніе составляетъ ихъ главную потребность и радость, то одиночество повергаетъ ихъ въ сильную печаль. Въ первый моментъ они раздражаются ревомъ, напоминающимъ больше всего сильный дѣтскій плачь, а потомъ, когда

затиhaють, цѣлыми часами сидятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и почти не обнаруживаютъ интереса къ окружающему.

Не менѣе чѣмъ стремленіе къ общенію выражено у нихъ стремленіе къ привязанности. Теряя почему-либо привязанность одного лица, они немедленно желаютъ пріобрѣсти другого покровителя. Этому послѣдняго они явно выдѣляютъ изъ всѣхъ лицъ, ихъ окружающихъ: они больше радуются его приходу, впадаютъ въ отчаяніе при самомъ легкомъ наказаніи со стороны его и не успокаиваются до тѣхъ поръ, пока не будутъ имъ обласканы; въ свою очередь они всячески пытаются выказать ласку при мнимомъ огорченіи этого лица и ожесточенно, яростно нападаютъ на его мнимыхъ обидчиковъ, правда, до тѣхъ поръ, пока это явно не угрожаетъ опасностью имъ самимъ.

И вообще эгоистическія чувствованія шимпанзе развиты сильно: все, что направлено къ удовлетворенію желаній, связанныхъ съ его физическимъ благосостояніемъ, вызываетъ его полное вниманіе и участіе. И онъ упрямъ и непреклоненъ въ этихъ своихъ требованіяхъ и сильно озлобляется въ случаѣ невыполненія ихъ.

Зато онъ непостояненъ въ своихъ болѣе безкорыстныхъ стремленіяхъ, и каждое его желаніе и игру можно отвлечь въ любой моментъ и направить въ любую сторону. Все новое возбуждаетъ его любопытство, вызываетъ его живѣйшій интересъ, но оно скоро становится для него старымъ и замѣняется другимъ и другимъ. Въ этой безконечной смѣнѣ занятій шимпанзе изощряется какъ ни одно другое животное, причемъ въ большинствѣ случаевъ явно сказывается его наклонность къ подражанію. Такъ онъ способенъ подражать очень многимъ несложнымъ дѣйствіямъ, производимымъ передъ нимъ.

Пищуцей эти строки принципъ подражанія былъ положенъ въ основу метода изученія познавательныхъ способностей шимпанзе. Въ срокъ около полутора года удалось съ достовѣрностью установить способность его къ различенію большого количества цвѣтовъ, сочетаній цвѣтовъ, различеніе рисунка, различеніе плоскихъ и выпуклыхъ формъ (послѣднихъ также съ помощью одного осязанія), различеніе всевозможныхъ величины объемовъ, площадей, длины, ширины и толщины¹ и мн. др.

¹Опыты многократно были демонстрированы московскимъ зоологамъ и психологамъ. Опыты еще далеко не закончены; о конечныхъ выводахъ изъ нихъ говорить еще нѣсколько преждевременно: болѣе подробно они будутъ изложены въ готовящейся выйти обширной монографіи.

Глава 69. Лемуры или полу-обезьяны

Рисунок 69.1. Лемуры

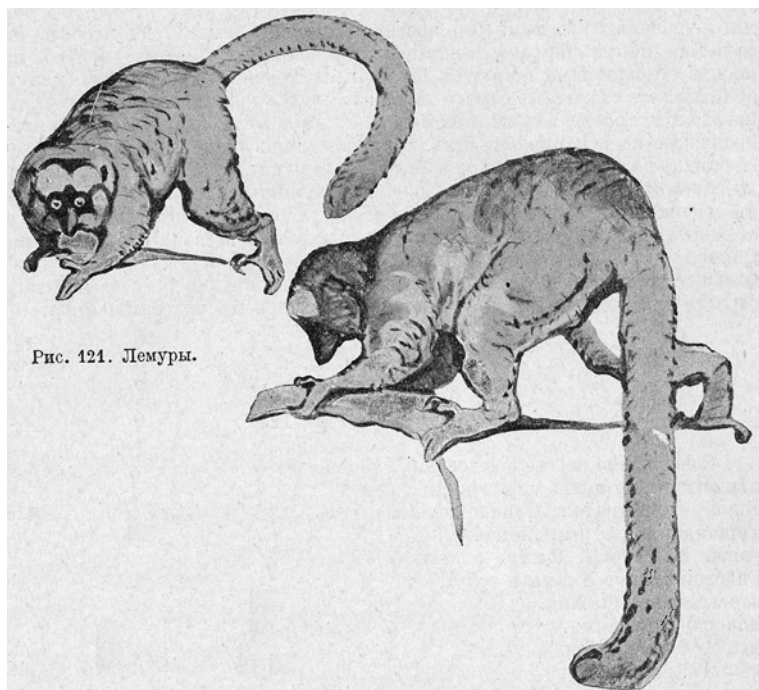
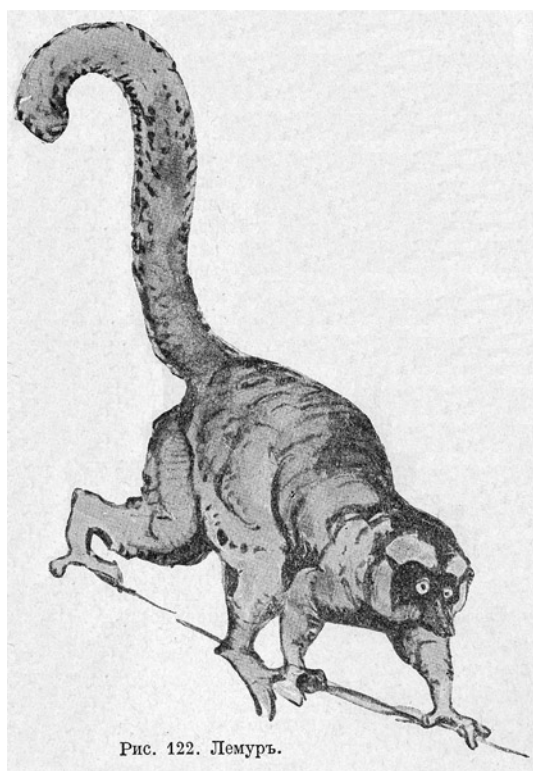

Рисунок 69.2. Лемуръ

Съ перваго же взгляда отличаются отъ обезьянъ своимъ гораздо болѣе звѣрообразнымъ видомъ: въ частности болѣе узкой заостренной мордочкой. Въ отличие отъ большей части обезьянъ — лемуры суть живот-

ныя ночныя, какъ то явствуетъ изъ выпуклости и размѣровъ глазъ: то и другое связано съ возможностью захватывать какъ можно больше свѣтовыхъ лучей и по заходѣ солнца. Большинство лемуровъ — обитатели Мадагаскара, не въ примѣръ другимъ тропическимъ животнымъ отличаются густой и мягкой шерстью. Этотъ мѣхъ даетъ защиту имъ отъ холода, нерѣдко свойственнаго африканской ночи, особенно въ возвышенной и горной мѣстности. О скрытности повадокъ говорятъ безшумныя и легкія движенія лемуровъ въ клѣткѣ. Также тихо и беззвучно пробираются они въ ночной тиши среди вѣтвей и скалъ своей далекой родины, высматривая сонныхъ птичекъ, разоряя гнѣзда, схватывая насѣкомыхъ или ихъ личинокъ, разыскивая сочные плоды и поѣдая ихъ со всеми признаками искренняго удовольствія, какъ это явствуетъ изъ наблюденія въ неволѣ. Раздобывши послѣ долгаго выклянчиванія лакомый кусокъ, лемуръ подпоситъ его пальцами ко рту съ довольнымъ хрюканьемъ, чавкая, смакуя и облизываясь съ видомъ самага заядлаго чревоугодника. Однако, несмотря на все пристрастіе ихъ къ лакомствамъ, лемуры никогда не ссорятся изъ-за подачекъ, не оспариваютъ ихъ, стараясь лишь наперерывъ другъ другу возможно дальше вытянуть изъ-за рѣшетки руки, тонкія и мягкія, съ широко-растопыренными пальцами. И вообще спокойныя и мирныя между собой и въ отношеніи посѣтителей лемуры раздѣляютъ положительныя свойства обезьянъ, не обнаруживая многихъ недостатковъ свойственныхъ послѣднимъ. Однако, въ отношеніи умственныхъ способностей лемуры явно уступаютъ большей части обезьянъ, не обнаруживая ихъ понятливости, любопытства, страсти къ подражанію и умѣнья примѣняться къ обстоятельствамъ.

Глава 70. Броненосецъ

Dasyurus

Рисунок 70.1. Броненосецъ

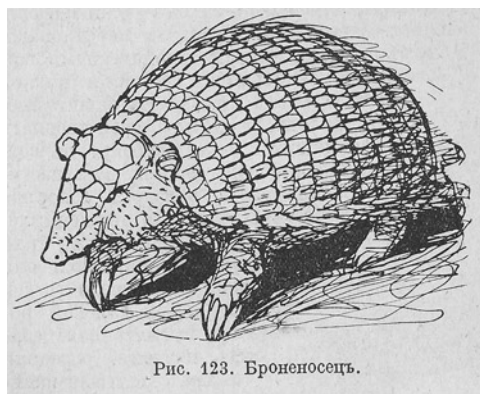

Рис. 123. Броненосецъ.

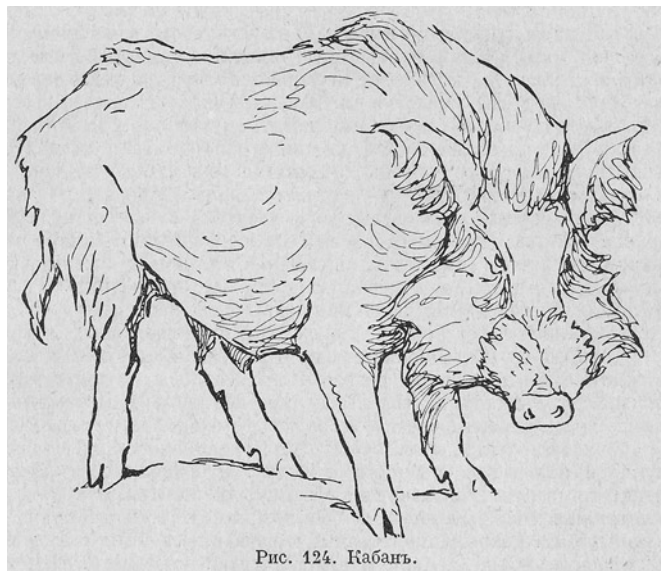
Совершенно необычное создание, словно закованное въ броню изъ ороговѣвшихъ костяныхъ пластинокъ, покрывающихъ не только тѣло, но и голову животного. Отлично защищая отъ укусовъ змѣй, четвероногихъ хищниковъ, эта непроницаемая скользкая и твердая покрывка помогаетъ также броненосцу быстро и легко закапываться въ твердую, сухую почву дѣйствіемъ короткихъ и усаженныхъ могучими когтями ногъ и крѣпкаго заостреннаго рыльца. Та же броня позволяетъ обладателю ея справляться хорошо со змѣями, перерѣзая ихъ зазубренными острыми краями панцыря, а при поимкѣ мелкой и увертливой добычи накрывать ее всѣмъ тѣломъ, словно опрокинутой корзиной.

Обитатели сухихъ открытыхъ мѣстностей Южной Америки, ночные по своимъ повадкамъ, днемъ скрывающіеся въ подземныхъ норахъ броненосцы, несмотря на скрытный образъ жизни и защиту, доставляемую броней — вымирающія существа. Безспорно, что главнѣйшая тому причина — малое развитіе ихъ умственныхъ способностей. Всѣ броненосцы — тупоумныя созданія, не приучающіеся въ неволѣ даже узнавать своего сторожа. Хорошій образецъ того, какъ грубое и одностороннее приспособленіе къ механической защитѣ или оборонѣ отъ враговъ несовмѣстимо съ болѣе высокимъ умственнымъ развитіемъ, и какъ оно бессильно возмѣститъ въ борьбѣ за жизнь отсутствіе духовной одаренности.

Глава 71. Кабанъ

Sus scropha

Рисунок 71.1. Кабанъ

Показываетъ намъ, какъ изученіе дикаго животнаго способно уяснить строеніе и повадки у его домашнихъ родичей, не исключая наиболѣе обыденныхъ. Казалось бы, что всякому достаточно извѣстны неприглядная наружность и повадки нашей одомашненной свиньи. А между тѣмъ общеизвѣстность этого животнаго весьма односторонняя, побуждая большинство людей разсматривать свинью лишь какъ источникъ пищевого матеріала. И однако же, какъ разведеніемъ свиней для матеріальныхъ выгодъ трудно объяснить или осмыслить жизнь и призваніе людей, такъ и строеніе даннаго животнаго можно осмыслить и понять, руководясь идейною, научною, а не только лишь практическою точкой зрѣнія. Научно объяснить или понять животное — значитъ связать строеніе его съ условіями жизни. Эта тѣсная зависимость животнаго отъ окружающей среды всего нагляднѣе и проще выражается въ строеніи зубовъ и ногъ, опредѣляющихъ родъ пищи и передвиженія. Начнемъ съ конечностей. Короткія и крѣпкія онѣ оканчиваются посредствомъ четырехъ глубоко расщепленныхъ пальцевъ, изъ которыхъ внутренніе два и толще, и длиннѣ боковыхъ. Такое расщепленіе ногъ и выступаніе двухъ среднихъ пальцевъ позволяетъ кабану свободно двигаться по топямъ и трясинамъ. Погружаясь въ топкую болотистую почву, пальцы ногъ широко раздвигаются и принимаютъ видъ распорокъ, затрудняющихъ дальнѣйшее проваливаніе сквозь нее. При подниманіи ноги четыре пальца сводятся, сближаются и, сложенные, безъ труда вытягиваются изъ трясины тамъ, гдѣ цѣлое копыто лошади увязло бы по самое колѣно. Той же цѣли, именно переступанію въ болотистой и топкой мѣстности, содѣйствуетъ и жесткій, гладкій волосъ на ногахъ. Торчащій книзу, въ сторону копыта, волосъ облегчаетъ скатываніе, стеканіе воды и грязи при поднятіи ноги. Излюбленное мѣстообитаніе животнаго — болотистыя, тонкія трущобы, сплошь покрытыя кустарникомъ и камышами; пребываніе въ нихъ замѣтно сказывается и на остальномъ волосяномъ покровѣ кабана: короткій, рѣдкій, плотно прилегающій щетинистый и гладкій волосъ, одѣвающий все тѣло кабана, не спутывается въ грязи, легко освобождаясь отъ послѣдней послѣ усыханія ея. И та же гладкость волоса и его грубость дѣлаютъ возможнымъ продираніе сквозь густыя заросли вѣтвей и камыша безъ пораненія кожи. Толстая и плотно прилегающая къ тѣлу кожа кабана являетъ въ свою очередь хорошую защиту отъ укуловъ и порѣзовъ сучьями и камышами при стремительномъ движеніи по заросли. Для пробиванія дороги сквозь нее какъ нельзя лучше приспособлено и туловище кабана: приземистое, коренастое, замѣтно сжатое съ боковъ, мало пригодное для рѣзкихъ поворотовъ при движеніи впередъ оно способно развивать огромнѣйшую силу. Не расходясь въ бока, эта послѣдняя черезъ короткую и жилистую шею непосредственно передается головѣ животнаго. Расширенная сзади, суженная спереди кабанья голова имѣетъ форму клина, облегчающаго раздвиганіе вѣтвей и камыша, когда животное протискивается сквозь чащу. Жизнь и движенія въ лѣсныхъ трущобахъ дѣлаютъ безцѣльнымъ совершенство зрѣнія: отсюда мало развитые и подслѣповатые «свинные» глазки и отсюда же хорошее развитіе чувства обонянія и слуха, какъ о томъ свидѣлствуютъ уши, подвижныя и стоячія, и

ноздри на вершинѣ хоботка, кончающагося округлымъ и лишеннымъ шерсти «пяточкомъ». Обоняніемъ кабань находить себѣ пищу, погружая влажный носъ въ болотистую почву, взрытую и развороченную рыломъ. Разрыванію земли и корчеванію корней содѣйствуютъ такъ называемые бивни — верхніе и нижніе клыки животнаго. Направленные кверху и назадъ (особенно у стараго самца) клыки эти подобно остро отточеннымъ и изогнутымъ клинкамъ являются къ тому же и орудіемъ защиты. Съ силой ударяя ими кверху и въ бока, животное способно наносить опаснѣйшія раны. Соотвѣтственно такому назначенію клыковъ затылокъ, шея и загривокъ кабана необычайно развиты: здѣсь залегаютъ мышцы, приводящія въ движеніе голову.

Мы видимъ такимъ образомъ какъ отъ особенностей пищи и передвиженія зависитъ все строеніе животнаго. Такимъ же образомъ не трудно было бы понять и многіе другіе признаки животнаго, связавши ихъ съ условіями жизни: и окраску тѣла, темную, невзрачную, подъ цвѣтъ земли и грязевыхъ болотъ, среди которыхъ, зарываясь, кабаны проводятъ большую часть дня, — мощное развитіе подъ кожей жирового слоя, защищающаго тѣло отъ потери теплоты и облегчающаго вѣсь въ водѣ, — и тонкій небольшой подвижный хвостъ, служащій средствомъ для отгонянія мухъ отъ прилежащей мало волосистой части тѣла, — и направленіе волосъ на внутренней ушной поверхности, препятствующихъ залѣзанію въ уши насѣкомыхъ.

Интереснѣе отмѣтить свойства кабана, содѣйствовавшія его одомашненію, превратившія его въ родоначальника обыкновенной одомашненной свиньи. Сюда относятся: всеядность, крайняя неприхотливость въ пищѣ и разнообразіе ея (растительнаго и животнаго происхожденія до падали включительно), плодовитость, стадность, легкость прирученія настолько совершенная, что дикій поросенокъ, пойманный, по истеченіи нѣсколькихъ часовъ свыкается съ неволей, слѣдуетъ за человѣкомъ, обнаруживая рѣдкую привязчивость. Какъ это, такъ и относительная легкость дрессировки (были случаи, когда обученные кабаны съ успѣхомъ выполняли роль охотничьихъ собакъ и защищали своего хозяина) свидѣтельствуетъ о значительной духовной одаренности животнаго, въ отличіе отъ тупоумія и лѣни одомашненной свиньи. Эта послѣдняя является хорошимъ образцомъ тѣлеснаго и умственнаго вырожденія животнаго въ виду односторонняго использованія его.

Глава 72. Дикая монгольская лошадь

Equus Przewalskii

Рисунок 72.1. Лошадь Пржевальского

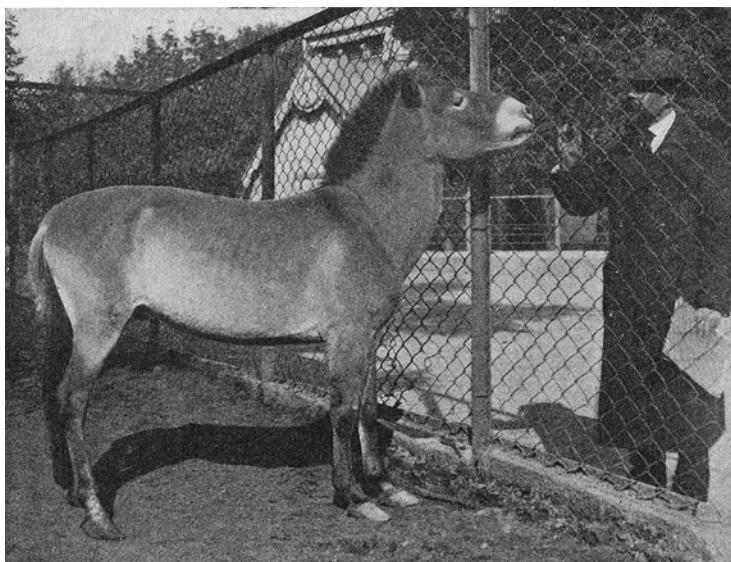

Рис. 125. Лошадь Пржевальского.

Рисунок 72.2. Помесь джунгарской лошади и пони

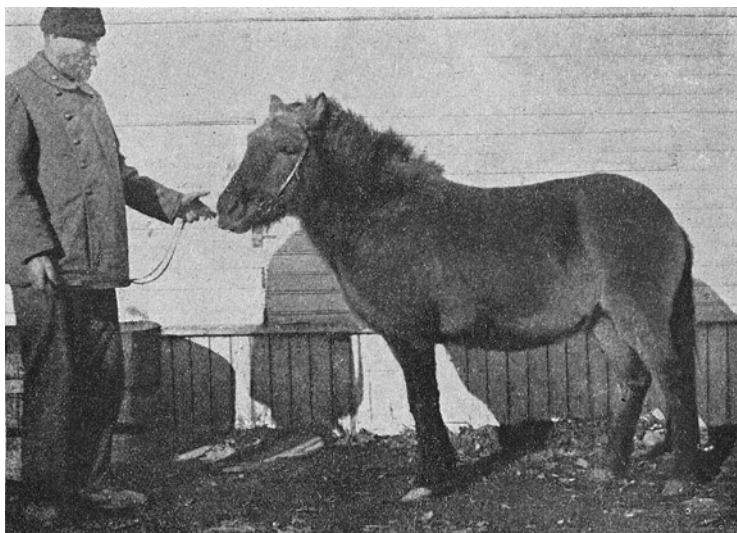

Рис. 126. Помесь джунгарской лошади и пони.

Рисунок 72.3. Обыкновенная лошадь "западного" типа и шотландский пони

Рис. 127. Обыкновенная лошадь «западного» типа и шотландский пони.

Если одомашненный верблюд сдѣлалъ возможнымъ жизнь въ пустынь и прикосновение ея къ культурѣ, то одомашненіе лошади въ такой же мѣрѣ повліяло и на всю культуру человѣчества. Объ этомъ говорятъ угасшія культуры тѣхъ народностей, которымъ лошадь оставалась неизвѣстной, какъ и невозможность мысленно вообразить себѣ исторію цивилизации Европы безъ участія этого общеизвѣстнаго животнаго. Естественно спросить, откуда, отъ какого дикаго родоначальника ведетъ оно свое происхождение?

Въ стоящей передъ нами **дикой лошади** мы вправѣ видѣть одного изъ непосредственныхъ родоначальниковъ домашней лошади. Открытое лѣтъ тридцать съ небольшимъ тому назадъ изслѣдователемъ Центральной Азіи, покойнымъ Пржевальскимъ, и названное его именемъ это животное встрѣчается и нынѣ небольшими табунами въ низменныхъ пескахъ Джунгаріи. Сама окраска дикой лошади — песчано-глинистая — ясно говоритъ, что передъ нами обитатели пустынь. О томъ же говоритъ и все строеніе животнаго. Приземистое, коренастое, оно свидѣлствуетъ о необычайной выносливости. Послѣдняя необходима для совершенія долгихъ переходовъ по безводной мѣстности въ исканіи травы и водопою. Крѣпкія копыта, цѣльныя, нерасщепленныя, равно пригодны для ступанія по твердой почвѣ солонцевой степи и усыпанной камнями пустынь. Въ низменныхъ мѣстахъ этой послѣдней, лошади способны выбивать копытами большія ямы, собирающія воду. Отправляясь на кормежку или къ водопою — преимущественно ночью — онѣ движутся гуськомъ, напоминая этимъ, такъ же какъ и звонкимъ ржаньемъ, фырканиемъ и храпомъ, нашу одомашненную лошадь.

Изъ внѣшнихъ чувствъ у дикой лошади всего слабѣе зрѣніе (какъ наименѣе полезное въ виду ночныхъ ея повадокъ), и лишь вблизи животное способно ясно различать предметы. Также мало совершенно обоняніе, и только слухъ развитъ необычайно, будучи способенъ различать малѣйшій шорохъ, раздающійся въ ночной тиши. Извѣстно, что такое же неравномѣрное развитіе чувствъ присуще и домашней лошади: насторожившись ночью, лошади, не поводя ноздрями и не видя, двигаютъ, «прядутъ ушами», настораживая слухъ. Изъ внѣшнихъ признаковъ, свидѣлствующихъ о близости джунгарской лошади съ домашней, можно указать присутствіе на внутренней поверхности и заднихъ, и переднихъ ногъ особыхъ роговыхъ мозолей (называемыхъ «кастанчиками»), короткость ушей и удлинненіе волосъ въ хвостѣ, при основаніи своемъ покрытомъ, правда, болѣе короткой шерстью. Слабому развитію лошадиного хвоста соответствуетъ и слабость гривы: жесткая, короткая, стоячая она у дикой лошади не образуетъ чолки — пряди длинныхъ, выступающихъ между ушами и спадающихъ по лбу волосъ.

Значеніе джунгарской дикой лошади какъ прародителя домашней подтверждается ихъ совершенной плодовитостью при скрещиваніи. Такъ, передъ нами помѣси (Рис. 72.2) джунгарской лошади и пони — небольшой породы лошади, величиною, складомъ и стоячей гривой подходящей всего болѣе на первую. Есть основаніе предполагать, что разводимая на Западѣ, особенно въ Шотландіи, эта порода малорослыхъ лошадей ведетъ свое начало отъ джунгарской лошади, измѣнившейся съ теченіемъ времени отчасти подъ вліяніемъ перемѣны климата и пищи, частью вслѣдствіе того, что въ рядѣ поколѣній для приплода преднамѣренно брались самыя мелкія животныя. Въ итогѣ получились миниатюрныя лошадки, хорошо извѣстныя подъ именемъ **шотландскихъ пони** (Рис. 72.3), по размѣрамъ уступающія почти наполовину лошадямъ болѣе крупныхъ расъ. Среди послѣднихъ нѣкоторыя, какъ напр. арабская и большинство другихъ,

ей близких лошадей, по стройности сложения и вогнутости профиля объединяются под именем пород «восточных». Их родоначальником считают лошадь Пржевальского. Других, более крупных и тяжелых, напр. арденских и бельгийских лошадей — относят к «западному» типу. Он заметно отличается и формой головы, и более выпуклой, округлой мордой (Рис. 72.3 левая фигура). За родоначальника домашних лошадей этого западного типа принимают вымершую лошадь, в диком состоянии водившую прежде в Западной Европе, как о том свидетельствуют находимые в земле скелетные остатки. О существовании дикой *европейской* лошади свидетельствуют также показания историков и летописцев и особенно рисунки на кости и камне, высеченные рукой доисторического человека. Как большинство других, ближайших к человеку спутников его культуры, лошадь получила в следствие повторного одомашнения не одной, а нескольких родоначальных диких форм и всего чаще представляет из себя смешение признаков различных предков. Этим объясняется разнообразие теперешних пород.

Подобно большей части одомашненных животных, лошади, оставленные на свободе, быстро и легко дичают, принимая часто пепельно-соловую окраску, свойственную может быть когда-то их родоначальнику. Безчисленными табунами населявшие когда-то степи, эти одичавшие вторично лошади, «тарпаны», вымерли, теснимые культурой больше, чем прямым преследованием человека. В еще большей степени исчезновение грозит монгольской лошади, и вымирание ее не смогут приостановить отдельные попытки акклиматизировать ее в Европе. И причины этому — отсутствие практического интереса в приручении ее. Является глубоко очевидным, что поднять хозяйственную ценность нашей деревенской лошади возможно более простым и рациональным способом, чем массовой поимкой диких лошадей и скрещиванием с ними одомашненных.

Глава 73. Голая лошадь

Рисунок 73.1. Голая лошадь

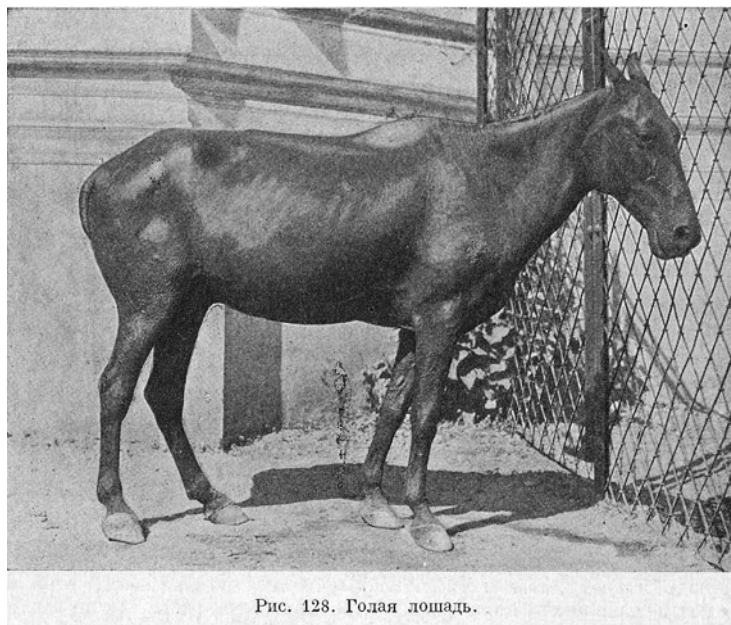

Рис. 128. Голая лошадь.

Представляет из себя не болѣе какъ случай «личной» (т.-е. наблюдаемой лишь изрѣдка и у отдѣльных особей) измѣнчивости волоса, точнѣе, полного его недоразвитія. Эта случайная уродливость доселѣ наблюдалась только въ южныхъ мѣстностяхъ (въ Афганистанѣ, на Канарскихъ островахъ). Перевезенныя въ холодный климатъ эти беззащитныя по отношенію къ нему животныя лишь при заботливомъ уходѣ выживали сколько-нибудь долго, погибая вслѣдствіе простуды. Эта чуткость къ холоду и непригодность къ упряжи — самое слабое давленіе сбруи вызываетъ пораненіе кожи — дѣлаютъ животное негоднымъ для ѣзды и для хозяйственнаго примѣненія вообще. Тѣмъ интереснѣе животное съ научной стороны, показывая цѣлесообразность роста и распредѣленія волосъ. И въ самомъ дѣлѣ, у обыкновенной лошади нормально развитая шерсть распредѣляется весьма осмысленно. Такъ, удлиненіе волосъ въ образованіи гривы и хвоста какъ бы направлено къ тому, чтобы обезопасить шею отъ укусовъ, наносимыхъ лошадьми другъ другу, или дѣйствовать, какъ опахало, чтобы отгонять докучныхъ насѣкомыхъ. Постоянная потребность и въ хвостѣ, и въ гривѣ объясняетъ то, что волоса въ нихъ замѣняются лишь исподволь и постепенно, не въ примѣръ короткой шерсти, одѣвающей все остальное тѣло и линяющей одновременно.

Тѣмъ любопытнѣе, что въ случаѣ недоразвитія волосъ, какъ у **афганской** лошади, ихъ роль отчасти выполняется сильнѣйшимъ отложеніемъ жирового вещества; оно такъ густо покрываетъ кожу, что прикосновеніе къ ней пальцемъ оставляетъ слѣдъ, какъ на просаленной бумагѣ. Этотъ жиръ дѣлаетъ кожу менѣе воспримчивой и къ холоду, и къ влагѣ, и къ укусамъ насѣкомыхъ. Замѣчательно и то, что осенью при наступленіи холодовъ, у голой лошади обычно появляются немногія шерстинки, исчезающія съ наступленіемъ весны: это — послѣдній бесполезный для животнаго остатокъ линьки, свойственной обыкновенной лошади.

Глава 74. Осель домашній

Equus asinus

Рисунок 74.1. Домашній осель

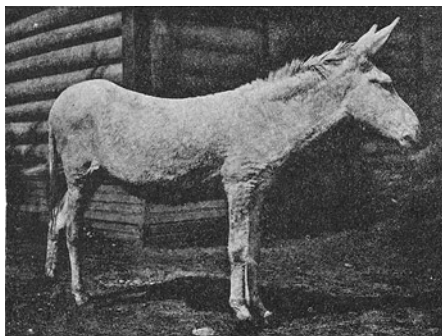

Рис. 129. Домашній осель.

Древнѣ лошади, но какъ и лошадь получился прирученіемъ не одного, а двухъ родоначальниковъ. О двойственномъ происхожденіи осла мы заключаемъ потому, что, какъ домашнее животное, осель встрѣчается въ двухъ типахъ. Всего больше распространены ослы приземистаго, низкаго тяжелаго строенія, сѣровой масти, съ темной полосой вдоль хребта и поперечной темной перевязью на плечахъ. Животное такого типа, вѣроятно, африканскаго происхожденія: ослы, водящіеся въ дикомъ состояніи въ сѣверо-восточной Африкѣ, имѣютъ сходное сложеніе, окраску и рисунокъ въ видѣ темнаго наплечнаго креста. Гораздо рѣже попадаются ослы другого типа: крупныя, высокія и стройныя, буланой или бѣлой масти, безъ слѣда крестообразнаго рисунка. Полагаютъ, что подобныя животныя произошли изъ Азіи, черезъ одомашненіе мѣстныхъ дикихъ представителей ословъ: **онагра** и **кулана**.

Глава 75. Дикіє ослы

Рисунок 75.1. Кулань

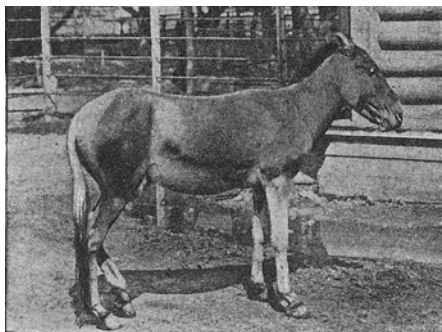

Рис. 130. Кулань.

Переходя къ послѣднимъ, много разъ подолгу содержавшимся въ Саду, мы ограничимся **куланомъ** (Рис. 75.1), широко распространеннымъ въ Закаспійской области и Туркестанѣ до Монголіи. Типичные обитатели привольной степи и пустыни, эти дикіє ослы не избѣгаютъ и гористыхъ мѣстъ. Порой встрѣчаясь вмѣстѣ съ дикой лошадейю, они соперничаютъ съ нею покровительственнымъ цвѣтомъ шерсти, быстрою бѣга и неприязательностью своей въ питаніи скудную травую, прорастающую въ пустынѣ. Эта невзыскательность питанія удержалась и домашними ослами, какъ и выносливость бѣга и увѣренная поступь при движеніи въ горахъ. Напротивъ, что касается духовныхъ качествъ дикаго осла, послѣднія весьма понизились въ условіяхъ одомашненія, превративши нашего домашняго осла въ тупое и упрямое созданіе. Наглядный образецъ того, какъ подъ вліяніемъ изнурительной работы и дурного обращенія животное настолько же духовно вырождается, насколько при заботливомъ уходѣ, выпавшемъ на долю лошади, духовно совершенствуется и растетъ.

Глава 76. Помеси осла и лошади

Лошакъ и мулъ

Рисунок 76.1. Лошакъ

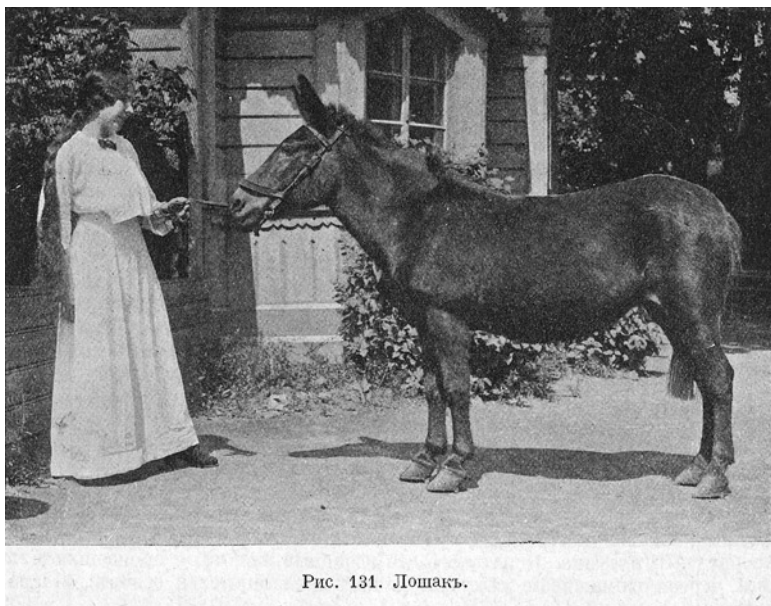
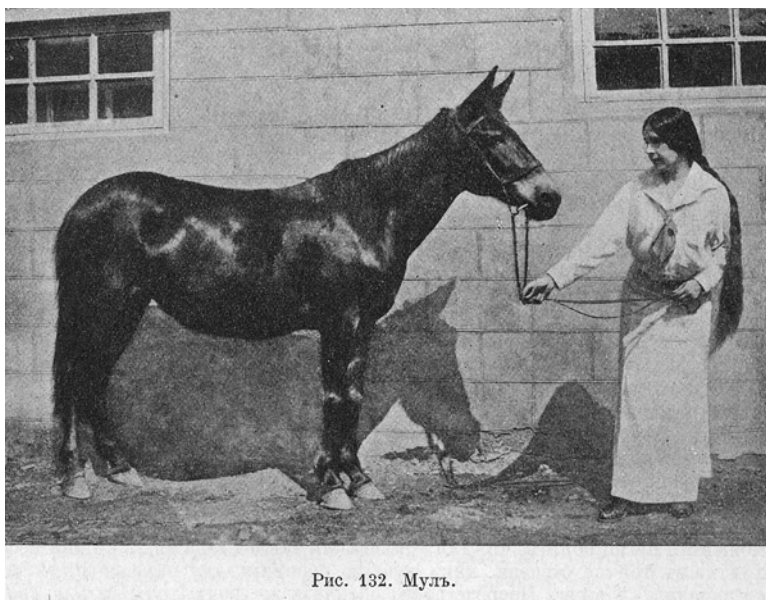

Рисунок 76.2. Мулъ

Природныя различія осла и лошади особенно наглядно сказываются въ строеніи и нравѣ помѣсей, или ублюдковъ, получаемыхъ отъ скрещиванія этихъ двухъ животныхъ. Интересно, что въ зависимости отъ ближайшаго происхожденія наружность этихъ помѣсей весьма неодинакова. Такъ, если матерью была ослица, то ублюдокъ называется **лошакъ** (Рис. 76.1); это — приземистое некрасивое животное, у котораго слабость ногъ, тяжеловѣсность тѣла, короткость торчащей кверху гривы, неуклюжесть головы и шеи и длина ушей — суть признаки, наслѣдованные отъ матери. Только немногія черты: округлость крупа, лошадиный хвостъ и лошадиный голось (ржанье) унаслѣдованы отъ отца. Это невыгодное сочетаніе тѣлесныхъ признаковъ осла и лошади усугубляется еще и тѣмъ, что и духовныя способности, непослушаніе и упрямство, видимо наслѣдуются съ материнской стороны и сильно обезцѣниваютъ лошаковъ, какъ выучныхъ

или верховых животных. Впрочем, при оценке умственных способностей животных, находящихся в столь долгом и ближайшем подчинении у человека, очень трудно подойти к определенному решению. Так много в каждом частном случае зависит от особенностей расы и от обращения с животными. Да и по существу вопрос о психике домашней лошади является и спорным, и запутанным. Возвращению, что своей понятливостью лошади обязаны тысячелетней дрессировке, можно противопоставить далеко не опровергнутые, но и не понятые ближе опыты над «мыслящими» лошадьми, ударами копыта, выстукивавшими ответы на вопросы и производившими сложнейшие арифметические действия¹.

Иное сочетание признаков дается скрещиванием осла и лошади, в котором матерью берется лошадь. Такую помесь называют **мулом** (Рис. 76.2). Как и в предыдущем случае, мул сложением и ростом, высотой в ногах, стройной шеей с ниспускающейся гривой и сухой, и легкой головой — походит больше на мать, чем на отца. Напротив, узкий слабообразованный крестец, ослиный хвост, ослиные копыта (узкие и сжатые с боков), ослиный голос и ослиный нрав — черты, полученные от отца.

В отличие от лошаков, малоценных из-за малого их роста и медлительности, мулы повсеместно и высоко ценятся из-за уверенности их движений по горам и невзыскательности в пище (признаки осла), и большей выносливости и силы (свойства лошади). Неодинаковость происхождения отражается и на общительности этих помесей: лошаки обыкновенно ищут общества осла, тогда как мулы предпочитают следовать за лошадей. Попутно можно указать на свойство лошака и мула выживать гораздо дольше, чем ослы и лошади. Образчиком такого долголетия может служить один из мулов нашего зоологического сада (Рис. 76.2). Несмотря на долготелее и многообразное призвание, как циркового, упряжного и лабораторного животного (для получения целебных сывороток), он пережил надолго большинство своих собратьев по конюшню.

¹ Желаящие ближе ознакомиться с этим недавно шумевшим и доселе не вполне разгаданным вопросом могут обратиться к нижеследующей брошюре: **Н. Н. Ладыгина-Котель**. У "мыслящих" лошадей. (Личные впечатления в беглом освещении истории вопроса) Москва 1914 г. и к статье того же автора в "Психологическом Обзоре" за 1917 г. № 3. «Проблема „Мыслящих животных“ и ее вероятная разгадка»

Глава 77. Волкъ

Canis lupus

Рисунок 77.1. Волкъ

Рис. 133. Волкъ.

Какъ ни стара исторія одомашненія рогатаго скота, осла и лошади, еще значительнѣе давность прирученія другого существа, самаго ранняго и вѣрнаго сподвижника культуры человѣка, именно **собаки**. И наперекоръ когда-то высказанному мнѣнію, будто бы происхождение собаки навсегда останется загадкой, нынѣ представляется возможнымъ указать главнѣйшихъ предковъ этого животнаго.

Рисунок 77.2. Овчарка

Рис. 134. Овчарка.

Рисунок 77.3. Лайка

Рис. 135. Лайка.

Однимъ изъ наиболѣе безспорныхъ прародителей собакъ является **обыкновенный волкъ**. Вотъ онъ стоитъ (Рис. 77.1), настороживши уши, устремивши вдаль свои раскосые глаза и втягивая воздухъ заостреннымъ носомъ. Какъ показываетъ удлиненность морды, чувство обонянія у волка сильно развито. Второе мѣсто занимаетъ слухъ — объ этомъ говорятъ высокія, стоячія и подвижныя уши. Относительно слабѣе зрѣніе, однако и оно не плохо, и объ этомъ косвенно мы можемъ заключить по тонкимъ жилистымъ ногамъ съ тупыми и короткими когтями и поджарымъ втянутымъ бокамъ. Такое сухощавое сложеніе тѣла связано съ манерою волковъ подолгу и неумоимо гнаться за добычей по открытой мѣстности, травя ея до полного изнеможенія. Легко понять, что для успѣшности такого гона сила зрѣнія необходима въ той же степени, какъ чувство обонянія для нахождения и выслѣживанія добычи. Посредствомъ обонянія же волкъ находитъ и свою излюбленную пищу — падаль. Но и въ отношеніи климата нашъ волкъ неприхотливое животное, водящееся одинаково въ снѣгахъ полярной тундры и въ безлѣсной степи солнечнаго юга. Вообще же волки не любители сплошнаго лѣса, всего менѣе зимой, когда въ лѣсной чащѣ имъ трудно отыскать себѣ добычу. Побуждаемые голодомъ, въ исканіи корма, волки вынуждены совершать большіе переходы, двигаясь широкимъ и размашистымъ «волчинымъ шагомъ», при которомъ обѣ ноги той же стороны ступаютъ неизмѣнно по тому же слѣду. Этотъ никогда почти неутоляемый «волчиный голодъ» дѣлаетъ и

то, что, забывая прирожденную пугливость, волки приближаются зимой къ жилью людей, врываются въ хлѣва, закуты, привлекаемые здѣсь не столько мелкими копытными животными, сколько ихъ стражами — собаками.

Это пристрастіе волковъ къ тасканію собакъ, какъ и вообще сильнѣйшая взаимная вражда обоихъ, не мѣшаетъ все же видѣть въ волкѣ одного изъ прародителей собаки. Это мнѣніе на первый взглядъ довольно плохо вяжется съ наружностью такихъ породъ какъ наши **южно-русскіе овчары** (Рис. 77.2), крупныя собаки бѣлой масти съ длинными висячими ушами, скрытыми, подобно остальному тѣлу, космами густой и длинной шерсти. Впрочемъ, уже среднеевропейскія овчарки стройностью сложенія, короткой шерстью и стоячими ушами въ высшей степени напоминаютъ волка. Еще болѣе волнообразны наши сѣверныя *лайки* (Рис. 77.3).

Болѣе существенны для уясненія вопроса о родствѣ собаки съ волкомъ наблюденія надъ нравомъ и поведеніемъ послѣдняго въ неволѣ, въ частности та легкость, съ каковою волки, пойманные даже старыми, свыкаются съ потерей свободы и съ общеніемъ людей. Достаточно взглянуть на нашу волчью пару поутру, когда, неутомленные еще докучливой толпою зрителей, они, завидѣвъ хорошо знакомаго имъ человѣка, издали впиваются въ него глазами и, охваченные нетерпѣніемъ, мечутся по клѣткѣ, возбужденно, радостно повизгивая и подвывая. Совершенно ясно, что наперекоръ ходячей фразѣ о «волчиной нелюдимости» — общительность, привязчивость, исканіе близости людей — черты, заложенные глубоко въ природѣ этого животнаго. Что же удивительнаго, если у давнишнихъ первобытныхъ обитателей Европы, какъ и у современныхъ дикарей различныхъ странъ, навязчивое отношеніе волка къ человѣку обратило на себя вниманіе послѣдняго не менѣе, чѣмъ природныя охотничьи способности и несравненное чутье, и быстрота, и сила бѣга волка. вмѣстѣ и въ сотрудничествѣ съ волкомъ первобытный человѣкъ, движимый чувствомъ голода, когда-то рыскалъ въ поискахъ добычи въ качествѣ охотника и звѣролова. Въ отношеніи духовномъ онъ, конечно, больше отличался отъ теперешняго европейца, чѣмъ облагороженная имъ собака отъ ея ближайшаго и нынѣ столь преслѣдуемаго его предка — волка, этого, быть можетъ, наиболѣе давнишняго слуги и спутника нашихъ далекихъ прародителей, свидѣтеля эпохи «буйной юности» въ исторіи культуры человѣчества.

Рисунок 77.4. Волкъ

Рис. 136. Волкъ.

Глава 78. Помѣси собаки и волка

Рисунок 78.1. Помѣси волка и собаки (внучатное потомство)

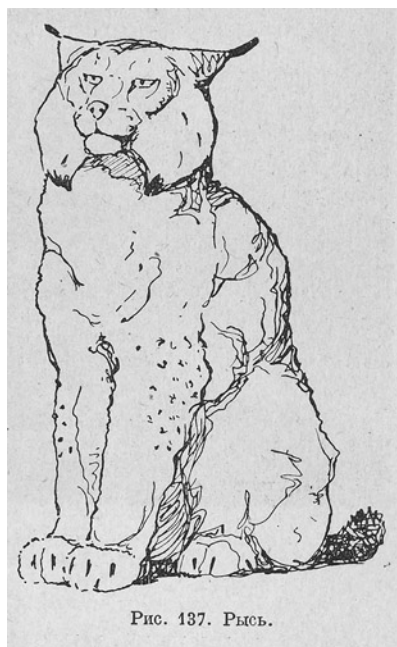
Рис. 136 bis. Помѣси волка и собаки (внучатное потомство).

О родствѣ волковъ съ домашними собаками и о значеніи первыхъ, какъ родоначальниковъ вторыхъ, намъ говоритъ не только частое образование помѣсей между обоими животными, но и способность этихъ помѣсей давать въ дальнѣйшемъ плодovitое потомство. Происходящія отъ скрещиванія волка и собаки помѣси, или ублюдки, всего чаще и сложениемъ, и мастью представляютъ нѣчто промежуточное, съ явственнымъ преобладаніемъ волчиныхъ признаковъ. Въ числѣ послѣднихъ можно указать: стоячія, прямыя уши, спущенный волчиный хвостъ и дикій безпокойный нравъ. Окраской шерсти эти помѣси обычно приближаются къ волкамъ; во многихъ случаяхъ такое сходство масти объяснимо тѣмъ, что всего чаще волки скрещиваются со схожей по окраскѣ лайкой. Интереснѣ наружность помѣсей **второго** поколѣнія, внучатнаго потомства волка и собаки. Передъ нами четверо такихъ, родившихся въ саду ублюдковъ (Рис. 77.4), въ возрастѣ примѣрно шести мѣсяцевъ. Родители ихъ — помѣси собаки съ волкомъ — оба съ явственнымъ преобладаніемъ волчиныхъ признаковъ, и въ частности съ стоячими волчиными ушами. При довольно сходной и однообразной волчьей масти этихъ четырехъ щенятъ, бросается въ глаза несходство и неоднородность склада: бѣлая волкообразность у однихъ и бѣлая собаковидность у другихъ. Достаточно сравнить сидящихъ на переднемъ планѣ двухъ щенятъ: заостренное рыло и направленные вверхъ уши праваго щенка и болѣе тупую мордочку и согнутыя по-собачьи уши лѣваго. Такая разнородность признаковъ — явленіе обычное среди ублюдковъ, или помѣсей, второго поколѣнія.

Глава 79. Рысь

Felis lynx

Рисунок 79.1. Рысь

Относимая къ разряду кошекъ, отличается отъ большинства типичныхъ представителей послѣднихъ болѣе короткимъ тѣломъ, длинными ногами, маленькимъ хвостомъ, бакообразнымъ удлинениемъ шерсти на щекахъ и кисточками на ушахъ. Мѣхъ рысѣй, мягкій и густой, указываетъ на обитаніе въ суровомъ климатѣ, а цвѣтъ его, блѣсовато-бурый съ темными разводами и пятнами, отлично согласуется съ окраскою коры деревьевъ, занесенной снѣгомъ и одѣтой мхомъ и лишаями. Рысь — почти единственная кошка, приспособившаяся для жизни и передвиженія на сѣверѣ. Длинные ноги говорятъ о томъ, что не въ примѣръ другимъ животнымъ изъ породы кошекъ — рысь можетъ долго и неумоимо двигаться на ровномъ мѣстѣ и по снѣгу. При движеніи по послѣднему ей помогаетъ ширина и опушенность лапъ. Подобно волку рыси, если ихъ соединилось нѣсколько, идутъ «гуськомъ», ступая неизмѣнно по слѣдамъ передняго животнаго; онѣ, однако, никогда не гонятся подолгу за добычей, норовя схватить ее немногими прыжками. Въ этомъ, какъ и въ мягкихъ и безшумныхъ, эластическихъ движеніяхъ, какъ и въ совершенствѣ зрѣнія и слуха и несовершенствѣ обонянія рыси, сказывается ея кошачій складъ и нравъ.

И въ остальныхъ своихъ повадкахъ рысь напоминаетъ нашу кошку: необщительностью въ отношеніи къ себѣ подобнымъ, непривязчивостью къ человѣку. Тѣмъ не менѣе, къ происхожденію домашнихъ кошекъ рыси не имѣли никакого отношенія, какъ не участвовали въ немъ и **дикій котъ** (*Felis catus*), распространенный широко въ Европѣ, но не часто наблюдаемый въ неволѣ.

За родоначальника домашнихъ кошекъ принято считать **буланую**, или **египетскую кошку** (*Felis maniculata*), широко распространенную отъ Палестины до середины Африки. Впервые прирученная въ эпоху фараоновъ кошка эта почиталась у Египтянъ за священное животное: ей воздвигались храмы, воздавались божескія почести. Что жъ удивительнаго, если это привилегированное положеніе кошки въ первые вѣка ея одомашненія сказалось на ея характерѣ, усилило врожденное ей своенравіе, упрямство, независимость и малую привязчивость — черты столь непохожія на преданность и безавѣтную привязчивость собаки.

Правда, прирученіе послѣдней протекло не въ атмосферѣ обожанія, а въ повседневной черновой работѣ и въ сотрудничествѣ съ человѣкомъ.

Глава 80. Бѣлый медвѣдь

Ursus maritimos

Рисунок 80.1. Бѣлые медвѣди

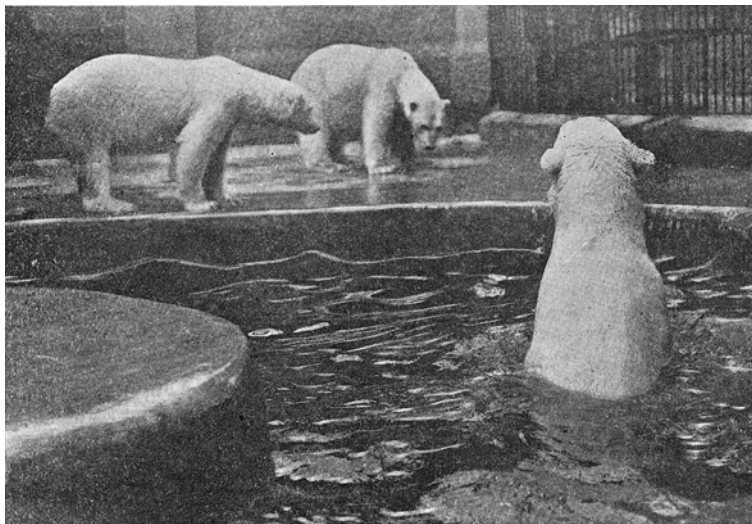

Рис. 138. Бѣлые медвѣди.

Рисунок 80.2. Бѣлый медвѣдь въ просящей позѣ

Рис. 139. Бѣлый медвѣдь въ «просящей» позѣ.

Рисунок 80.3. Бѣлые медвѣди

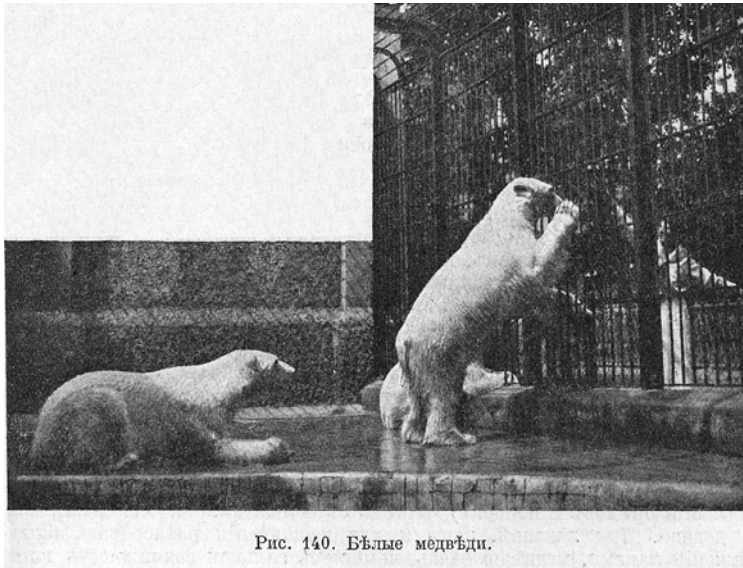

Рис. 140. Бѣлые медвѣди.

Опять хороши́й образецъ глубокой связи между внѣшностью животнаго и свойствомъ окружающей среды. Живя на крайнемъ сѣверѣ обоихъ полушарій, бѣлые медвѣди и наружностью, и нравомъ выдають себя, какъ обитатели полярныхъ странъ. За это говорятъ и длинная густая шерсть, отлично защищающая отъ полярной стужи, и окраска, придающая имъ сходство съ глыбой залежавшагося сѣнга, и лохматая подошва ногъ, препятствующія скольженію по льду. Широкіе, покрытые густою шерстью пальцы съ глубоко сидящими когтями дѣлають беззвучнымъ и увѣреннымъ ступаніе по льду, а при движеніи въ водѣ они отлично замѣняютъ весла. Этому попеременному движенію по льду и въ ледяной водѣ какъ нельзя лучше отвѣчаетъ все сложеніе животнаго: большая тяжесть задней половины тѣла и суженіе передней облегчаетъ бѣлому медвѣдю разсѣканіе воды, а при движеніи на сушѣ позволяетъ привставать на заднихъ лапахъ въ цѣляхъ озиранія по сторонамъ или влѣзанія по ледянымъ сугробамъ (поза — часто и охотно принимаемая этими животными и въ клѣткѣ, Рис. 80.2). Мощное сложеніе тѣла позволяетъ бѣлому медвѣдю дѣлать продолжительные переходы по безбрежнымъ ледянымъ полямъ; оно же объясняетъ то, что звѣря этого нерѣдко можно наблюдать плывущимъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега въ открытомъ морѣ. Этой замѣчательной способности держаться долго на водѣ помимо силы мускуловъ содѣйствуетъ и отложение подъ кожей жира, облегчающаго вѣсъ животнаго въ водѣ; жиръ этотъ въ качествѣ накопленнаго про запасъ питательнаго вещества идетъ на поддержаніе жизни бѣлыхъ медвѣдей во время голоданій, столь естественныхъ при тѣхъ случайностяхъ, которыми у нихъ сопровождается исканіе добычи.

Что касается послѣдней, то всего охотнѣе медвѣдь преслѣдуетъ тюленей, подстораживая появленіе ихъ у проруби или, ныряя, доставая ихъ изъ-подъ воды. Возможно, что при «скрадываніи» тюленей, при подхождѣ къ нимъ издали по снѣгу или льду окраска мѣха позволяетъ бѣлому медвѣдю незамѣтно подойти къ добычѣ, двигаясь ползкомъ и ловко пользуясь неровностями почвы. За отсутствіемъ тюленей бѣлые медвѣди ловятъ рыбу по полыньямъ и среди расщелинъ льдовъ. Еще охотнѣе медвѣдь разыскиваетъ падалъ, всевозможные отбросы и остатки, доставляемые моремъ.

Пригоняемые къ берегу и оставляемые здѣсь морскимъ приливомъ трупы отъ китовъ нерѣдко собирають цѣлые десятки бѣлыхъ медвѣдей, угрюмыхъ, замкнутыхъ и необщительныхъ по существу созданий, какъ угрюма, непривѣтлива и самая ихъ родина. Медлительные, флегматичные и повторяющіеся въ своихъ движеніяхъ бѣлые медвѣди, наблюдаемые въ клѣткѣ, скоро утомляютъ зрителей. Распластанные неподвижно на землѣ (Рис. 80.3) или подолгу и размѣренно переступающіе съ ноги на ногу, однообразно, словно въ тактъ, покачивая длинной шеей, они кажутся и скучными, и мало интересными созданиями. Не то въ естественныхъ условіяхъ. Медленно, беззвучно продвигаясь по безбрежнымъ ледянымъ полямъ, по серебрянымъ сѣвернымъ сіяніемъ, или лежа на пловучей льдинѣ, медленно несущейся во мракъ полярной ночи, эти властелины сѣвера являютъ полную гармонию съ окружающей природой и ея застывшей и замедленною жизнью.

Глава 81. Бурый медведь

Ursus arctos

Рисунок 81.1. Бурые медведи

Рис. 141. Бурые медведи.

Рисунок 81.2. Кавказский медведь в "просящей позе"

Рис. 142. Кавказский медведь в «просящей» позе.

Рисунок 81.3. Играющий медвежонок

Рис. 143.
Играющий медвежонок.

Отличается отъ предыдущаго не только цвѣтомъ шерсти, но и мѣстомъ обитанія, и складомъ, и повадками. Такъ, не въ примѣръ полярному медвѣдю, вынужденному питаться исключительно животной пищей (вслѣдствіе отсутствія на крайнемъ сѣверѣ растительнаго корма), **бурые медвѣди** и на волѣ суть животныя всеядныя. Смотри по обстоятельствамъ они питаются растительными веществами (клубнями, корнями, ягодами, зернами, плодами) или, при отсутствіи послѣднихъ, поздней осенью и раннею весной, животнымъ кормомъ, нападая на лосей, оленей и домашній скотъ или довольствуясь разыскиваньемъ падали. Чѣмъ сѣвернѣе мѣстообитаніе буроаго медвѣдя, чѣмъ короче лѣто, тѣмъ скорѣе и тѣмъ чаще вынужденъ медвѣдь переходить съ растительнаго на животный кормъ. Съ этой всеядностью медвѣдя согласуется строеніе коренныхъ зубовъ его, (которые гораздо шире и тупѣе, чѣмъ у настоящихъ хищниковъ) какъ и строеніе когтей, кривыхъ и крѣпкихъ, но обычно съ возрастомъ тупѣющихъ въ виду ступанія животнаго всей плоскостью подошвы и отсутствія на ней волосъ. Такое притупленіе когтей нисколько не мѣшаетъ бурому медвѣдю пользоваться ими для раскапыванія муравьиныхъ кучъ, для вырванія корней, для доставанія пчелиныхъ сотъ въ исканіи меда, для чего (какъ и при добываніи орѣховъ и плодовъ) медвѣдь съ большою ловкостью взбирается на дерево. При лазаньѣ, какъ и для выполненія разнообразнѣйшихъ движеній лапами, медвѣдю очень помогаетъ сильная подвижность кистевыхъ отдѣловъ лапъ. Это хорошо замѣтно и въ неволѣ на фигурѣ и движеніяхъ «просящаго» медвѣдя (Рис. 81.2). Сѣвши передъ самою рѣшеткой и просунувъ лапы черезъ жерди въ ожиданіи подачекъ, онъ весьма искусно пользуется лапами для схватыванія бросаемыхъ ему кусковъ. Другая поза, также часто принимаемая въ клѣткѣ, — привстаніе на заднія лапы (задняя фиг. на Рис. 81.1) — связана съ способностью медвѣдя — быстро и легко взбираться по стволамъ деревьевъ съ помощью своихъ подвижныхъ, сильныхъ и широкихъ лапъ. Въ естественныхъ условіяхъ медвѣди съ возрастомъ настолько тяжелѣютъ, что лишаются этой способности взбираться по отвѣснымъ невѣтвистымъ деревьямъ. Но та же возрастающая съ годами тяжеловѣсность тѣла помогаетъ бурому медвѣдю съ силою на всемъ скаку проламываться сквозь лѣсныя чащи, забираться въ самыя глухія, недоступныя лѣсныя дебри и тущобы, дѣлающія безплоднымъ всякое преслѣдованіе звѣря, избѣгающаго вообще встрѣчаться съ человѣкомъ. Главное значеніе въ предупрежденіи опасности играетъ обоняніе, необычайно острое у буроаго медвѣдя, какъ на то указываетъ относительная удлиненность морды. Обоняніемъ же звѣрь находитъ себѣ пищу, выслѣживая падалъ и растительный или животный кормъ. Значительно слабѣе слухъ и всего хуже зрѣніе, какъ о томъ свидѣлствуютъ маленькіе глазки. Слабое развитіе послѣднихъ говоритъ о томъ, что бурые медвѣди суть животныя по преимуществу ночныя. Теплая лохматая медвѣжья шуба говоритъ о жизни обладателя ея въ холодномъ климатѣ. Густой и теплый мѣхъ особенно необходимъ во время зимнихъ мѣсяцевъ, которые медвѣдь проводитъ въ спячкѣ (правда, часто прерываемой) въ берлогѣ, безъ ѣды и безъ движенія, расходуя запасы жира, накопившіеся съ осени. Зимой же въ берлогѣ у медвѣдицы рождаются медвѣжата, рѣзвые (Рис. 81.3), занятые въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ, но очень скоро превращающіеся въ угрюмыя и недовѣрчивыя существа, въ которыхъ необщительность и злобность съ возрастомъ все болѣе и болѣе вытѣсняють благодушіе и шаловливость дѣтства. И на волѣ, при естественныхъ условіяхъ, бурые медвѣди — необщительныя, замкнутыя, молчаливыя созданія, бродящія обыкновенно въ одиночку или небольшими семьями, обычно состоящими изъ самки, пары медвѣжатъ и полувзрослага медвѣдя болѣе ранняго приплода, называемаго «пѣстуномъ». Болѣе значительными сборищами встрѣчаютъ бурыхъ медвѣдей лишь въ сѣверо-восточной Азіи. Эти **камчатскіе медвѣди** (Рис. 81.1), и по внѣшности замѣтно отличаются отъ европейскихъ: большимъ ростомъ, большею тяжеловѣсностью: широкимъ лбомъ и нѣкоторыми другими признаками.

Большая общительность присуща и **кавказскому медвѣдю**, меньшему по росту, съ болѣе короткой шерстью свѣтло-чалаго оттѣнка. Обитая въ мѣстностяхъ, богатыхъ всякими плодовыми деревьями, кавказскіе медвѣди отличаются гораздо менѣе хищнымъ¹ нравомъ, чѣмъ ихъ сѣверные родичи; они подолгу наблюдаются на пастбищахъ, гдѣ питаются травою, часто среди дня и цѣлымъ обществомъ, нерѣдко и среди зимы, какъ въ Закавказьѣ и другихъ мѣстахъ съ болѣе мягкимъ климатомъ.

¹ Въ еще большей мѣрѣ плодородность и древесный образъ жизни свойственны живущему на Югѣ Азіи и въ Гималаяхъ *гималайскому медвѣдю* (*Ursus torquatus*). Отъ обыкновеннаго медвѣдя онъ замѣтно отличается и складомъ, и блестяще-черною окраской, и манерой предаваться зимней спячкѣ не въ берлогѣ, а въ дуплѣ, высоко надъ землею.

Глава 82. Енотъ

Procyon lotor

Рисунок 82.1. Енотъ

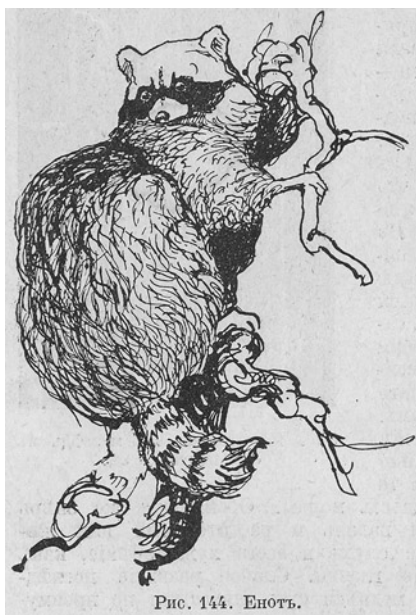

Рис. 144. Енотъ.

Умѣніе приспособляться къ обстоятельствамъ и совершенная всеядность больше, чѣмъ у медвѣдей. присуши ихъ болѣе мелкому и длиннохвостому собрату, именно **еноту**. Уроженецъ сѣверной Америки, звѣрекъ этотъ въ дѣйствительности рѣзко отличается отъ медвѣдей: пушистый, съ мягкими волнистыми движеніями, съ тоненькими лапками и узкимъ рыльцемъ, расширяющимся въ круглую и сплюснутую спереди головку. Круглые глаза животного окаймлены болѣе темнымъ, рѣзко выступающимъ рисункомъ шерсти на подобіе очковъ. Енотъ и въ отношеніи повадокъ своеобразное и занятное созданіе. Къ сожалѣнію, болѣею часть дня енотъ проводитъ спрятавшись въ дуплѣ, и только къ вечеру звѣрекъ обычно оживляется. Съ большою ловкостью енотъ взбирается по стѣнкамъ клѣтки и вѣтвямъ, равно успѣшно двигаясь и головою внизъ, и брюхомъ кверху. Менѣе легки движенія его на ровномъ мѣстѣ вслѣдствіе горбатости звѣрка и тонкости короткихъ лапъ. Тѣмъ замѣчательнѣе ихъ подвижность въ концевыхъ отдѣлахъ, ихъ способность схватывать самые тонкіе предметы. Помощью своихъ миниатюрныхъ «рукъ» енотъ беретъ даваемую пищу, поднося ее ко рту, стараясь напередъ ополоснуть ее въ водѣ, если имѣется тому возможность, и когда звѣрекъ не слишкомъ голоденъ. Эта непонятая до сихъ поръ манера енота ополаскивать различные предметы и дала названіе звѣрку: «полоскуна». Послѣдній, къ сожалѣнію, извѣстенъ также и своимъ пушистымъ мѣхомъ, а на родинѣ своими хищными набѣгами на птичники и замѣчательнымъ умѣньемъ при поимкѣ притворяться мертвымъ. Врядъ ли нужно говорить, что эта раздѣляемая многими животными способность столь же инстинктивна, какъ и «полосканіе» енота: были случаи, когда еноты-самки, содержимыя въ неволѣ, заполаскивали до смерти и своихъ дѣтенышей.

Глава 83. Барсукъ

Meles taxus

Рисунок 83.1. Барсукъ

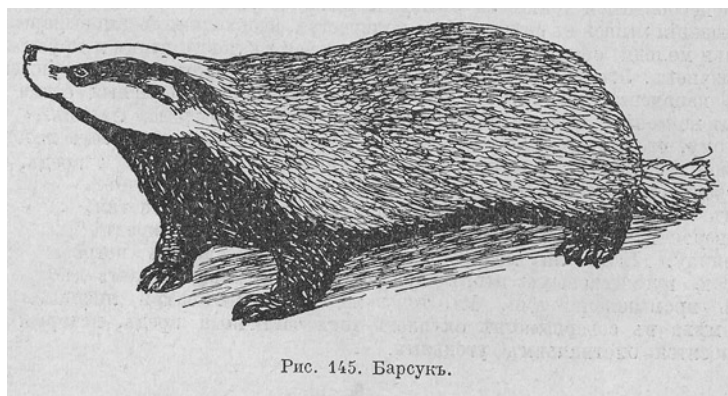

Рис. 145. Барсукъ.

Одно изъ тѣхъ животныхъ, наблюденіе котораго въ неволѣ мало говоритъ о замѣчательныхъ его повадкахъ подъ открытымъ небомъ. Большую часть дня барсукъ проводитъ свернувшись въ клубокъ, забившись въ самый темный уголь клѣтки. Только къ вечеру движенія его, дотолѣ сонныя и вялыя, становятся живѣе. Съ неуклюжей торопливостію, короткими трусящими шажками двигается барсукъ по клѣткѣ, безпрестанно поводя короткимъ заостреннымъ рыльцемъ и постукивая, и скребя когтями. Всѣ движенія животнаго направлены къ одной лишь цѣли, объясняются однимъ желаніемъ: найти лазейку, чтобы подкопаться и подрыться подъ нее. Барсукъ — врожденный землекопъ, и вся его фигура выдаетъ подземный образъ жизни. И дѣйствительно, приземистое тѣло, точно сдавленное сверху, суженное спереди, расширенное сзади, превосходно приспособлено для жизни въ норахъ. При рытѣ послѣднихъ барсуки очень искусно пользуются разными частями тѣла. Главная работа падаетъ на долю лапъ: передними, короткими и крѣпкими, барсукъ раскапываетъ почву, подгребая землю подъ себя. По мѣрѣ накопленія эта нарытая земля посредствомъ заднихъ лапъ откидывается далеко назадъ. Осыпавшуюся при работѣ землю роющій барсукъ выносить на своей спинѣ, широкой, плоской и играющей роль тачки при движеніи въ подземныхъ ходахъ. Какъ катящаяся въ шахтѣ тачка или вагонетка, тѣло барсука способно двигаться и кпереди, и кзади вслѣдствіе умѣнія животнаго легко и быстро пятиться. Способность эта въ высшей степени полезна при движеніи барсука по узкимъ ходамъ подземелья, затрудняющимъ повертываніе тѣла. Въ случаѣ необходимости, такъ напр., чтобы пробить себѣ отдушину для вентиляціи норы, барсукъ пускаетъ въ ходъ переднюю часть тѣла, пользуясь и головой, и шеей на подобіе тарана, или плуга, разрыхляя, разворачивая землю надъ собой и пробивая себѣ путь къ поверхности земли. Легко понять, что при такой работѣ сильно выступающіе уши и глава являлись бы помѣхой. И дѣйствительно, тѣ и другіе слабо развиты, какъ слабы соотвѣтственныя чувства зрѣнія и слуха барсука. Сильнѣе чувство обонянія, и это, какъ и темная окраска и въ особенности роющій, подземный образъ жизни, говоритъ о томъ, что барсуки — животныя ночныя. Какъ животное всеядное (питающееся орѣхами, кореньями и желудями, насѣкомыми и мелкими звѣрками), барсукъ къ началу осени нагуливаетъ много жира про запасъ, расходуя его во время зимней спячки, позволяющей ему спокойно переждать голодное и непривѣтливое время года, въ состояніи оцѣпенѣнія и сна.

Глава 84. Лиса

Canis vulpes

Рисунок 84.1. Обыкновенные лисицы

Рис. 146. Обыкновенныя лисицы.

Рисунок 84.2. Голубые песцы

Рис. 147. Голубые песцы.

Какъ и многія другія существа, считаемя хорошо извѣстными, **обыкновенная лисица** при ближайшемъ разсмотрѣннн обнаруживаетъ много новаго для тѣхъ, которые знакомы съ нею лишь на основаннн охотничьихъ разсказовъ, басенъ или дѣтскихъ книгъ. Вотъ почему необходимо нѣсколько подробнѣе остановиться на наружности лисицы.

Ея тѣло легкое, сухое и подвижное равно способно, изгибаясь, и стлаться по землѣ при скрадываннн добычи и вытягиваться при быстромъ бѣгѣ, на скаку. Въ обоихъ случаяхъ незамѣнимы лисьи ноги: тонкія и жилистыя, гибкія въ суставахъ. Какъ и большинство животныхъ, быстрыхъ на бѣгу, лисица бѣгаетъ на пальцахъ: этимъ объясняются мозолистыя, жесткія подошвы и короткіе тупые когти. Большая длина и сила заднихъ ногъ содѣйствуетъ не только быстротѣ передвиженнн по ровной почвѣ, но и совершеннн неожиданнхъ прыжковъ и поворотовъ, при которыхъ длинный хвостъ, работая какъ руль, способствуетъ поддержкѣ равновѣсія. И тотъ же хвостъ, пушистый, какъ и большая часть тѣла, служитъ одѣяломъ для лисы во время отдыха и сна. Свернувшись наподобіе клубка и запахнувшись спереди хвостомъ, лисица пользуется имъ какъ муфтой, погружая въ длинный мягкій волосъ наиболѣе зябнущія части: ноги и покрытое короткой шерстью узенькое рыльце. Присматриваясь къ головѣ животного, нетрудно уловить и здѣсь главнѣйшія особенности хищника. Сравнительно большія и поставленныя прямо уши говорятъ о превосходномъ слухѣ; сильно выступающее рыльце съ тонкимъ носомъ — о не менѣе совершенномъ обоняннн; живые, желтые и нѣсколько раскосые глаза съ щелеобразной формою зрачка (поставленнаго вертикально, какъ у кошекъ, но немного болѣе округлаго) — о зрѣннн, приспособленномъ и къ темнотѣ. И точно, большую часть дня лисица проводитъ въ логовѣ и только къ вечеру выходитъ на охоту. Вопреки ходячимъ мнѣннямъ, главную и наиболѣе постоянную ея добычу составляютъ мыши, къ схватываннн которыхъ превосходно приспособлены и тонкіе ея рѣзцы, и узенькое рыльце. Только трудность добываннн мышей въ снѣгу или въ количествѣ, необходимомъ для выкармливаннн молоди, обычно вынуждаетъ обратиться къ ловлѣ птицъ и крупнхъ грызуновъ. Эти послѣдніе, конечно, и въ другое время мало обеспечены отъ нападеннн лисицы, въ особенности старыя или больныя особи. И тѣмъ не менѣе, едва ли можно говорить серьезно о вредѣ лисицы, какъ потому, что истребленнн остальныхъ и больнхъ животныхъ есть необходимое условіе для поддержаннн здоровья остальныхъ, такъ и въ особенности потому, что большинство звѣрей и птицъ, объединяемыхъ подъ словомъ «дичь», (какъ напр. тетерева и куропатки, а среди четвероногихъ — кролики и зайцы) причиняютъ явный вредъ сельскому хозяину. Едва ли можно говорить серьезно и объ истребленннхъ лисою промысловыхъ птицъ при безразсудно-хищническомъ добываннн ихъ промышленниками. Къ тому же добываннн самой лисицы ради ея мѣха въ совершенствѣ окупаетъ тотъ частичный вредъ, который ей наносится охотничьимъ угодыямъ.

Коснувшись мѣха нашего животного — два слова о разнообразнн его окраски. Палевыя, желтоватыя, кирпично-красныя и серебристо-черныя лисицы могутъ наблюдаться въ той же мѣстности. Послѣднія, извѣстныя подъ названнемъ «**чернобурыхъ**», достигаютъ непомѣрной цѣнности (до 4000 рублей за штуку). — Это обстоятельство и навело на мысль объ искусственной разводкѣ чернобурыхъ лисъ и о скрещиваннн ихъ съ другими, менѣе рѣдкими породами для повышеннн цѣнности послѣднихъ. Къ сожалѣннн, предпринятыя въ этомъ дѣлѣ опыты не привели къ желаемому результату; «къ сожалѣннн» не потому, что не сбылась надежда на удешевленнн мотовскихъ мѣховъ, но потому, что скрещиваннн лисъ

различных мастей представляло бы немалое научное значение, отвѣтивъ на вопросъ объ истинной причинѣ измѣняемости окраски у животныхъ.

Невыясненной остается и причина неудавшагося прирученія лисицы. Вѣроятно, что главнѣйшей помѣхой въ дѣлѣ прирученія лисицъ была ихъ необщительность и скрытный, до извѣстной степени подземный, образъ жизни. Привыкшія въ естественныхъ условіяхъ — въ отличіе отъ волковъ — охотиться лишь въ одиночку или небольшими семьями лисицы и въ неволѣ никогда не привыкають къ обществу себѣ подобныхъ. Стоитъ лишь взглянуть на обитателей одной изъ нашихъ клѣтокъ: никакой взаимности и близости, напротивъ, полная и замкнутость, и отчужденность; каждая лисица занята сама собою и одинаково сторонится сосѣдокъ по несчастью и сторожа, и публики. Эта послѣдняя, обычно, впрочемъ не застаивается у помѣщенія съ лисицами, въ виду присущаго лисицамъ запаха, настолько ѣдкаго, что самый тщательный уходъ не въ силахъ устранить его.

При всемъ непостоянствѣ цвѣта мѣха у лисицъ послѣдній чѣмъ южнѣе, тѣмъ все болѣе теряетъ въ яркости, склоняясь къ цвѣту полынной и ковыльной степи. Такова окраска у **степной лисицы**. Еще лучше выражена она у **корсака** (*Canis corsac*), распространеннаго въ киргизской степи. Отъ лисы онъ отличается миниатюрнымъ ростомъ, большею общительностью, болѣе бродячимъ нравомъ.

И повадками, и нравомъ корсаки замѣтно приближаются къ **песцамъ** (*Canis lagopus*) — приземистымъ сутулымъ небольшимъ лисичкамъ съ круглой головой, короткимъ рыльцемъ и короткими ушами, съ мягкой и густою шерстью, приспособленной къ полярной стужѣ, и съ окраской то измѣнчивой смотря по времени (зимою — снѣжно-бѣлой, лѣтомъ — буроватой, цвѣта мшистаго болота), то постоянной — сѣровато-бурой, съ серебристымъ окончаніемъ волосъ. Животныя послѣдней масти издавна извѣстны подъ названіемъ «голубыхъ» песцовъ (Рис. 84.2); они встрѣчаются то тамъ, то здѣсь среди гораздо болѣе обычныхъ бѣлыхъ особей. Общительные и назойливые обитатели круго-полярныхъ странъ, драчливые и неуживчивые между собой песцы въ неволѣ раздѣляютъ тупоуміе и безпричинную пугливость корсаковъ. И вѣроятно, что въ обоихъ случаяхъ жизнь въ мало-населенныхъ мѣстностяхъ — пустынной тундрѣ и безлюдной степи — не даетъ возможности развиться той смысленности, которая такъ свойственна лисицѣ, окруженной постоянною опасностью и неустанными преслѣдованіями со стороны людей.

Глава 85. Россомаха

Gulo luscus

Рисунок 85.1. Россомаха

Рис. 148. Россомаха.

Интересна по сравненію съ тремя другими хищными животными, рассмотрѣнными передъ тѣмъ: лисицей, волкомъ и медвѣдемъ. Первая — активная и скрытная на волѣ, пойманная, дѣлается хмурой, безучастной ко всему; второй — общительный и беспокойный при естественныхъ условіяхъ, такимъ же остается въ клѣткѣ; третій — вынужденный въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ лежать въ берлогѣ, предоставленный себѣ — и въ заключеніи часами занимается собою, обсасывая лапу, лазая, играя чурбакомъ или съ собратьями по заключенію. Въ еще большей степени это умѣніе заняться наблюдается у росомахи. Но сначала объ ея наружности. Приземистая и горбатая, съ короткой шеей, маленькой барсучьей головой, густою шерстью, удлиненной на хвостѣ и космами спадающей съ боковъ, она по первому же взгляду узнается какъ типичный обитатель сѣвера и снѣга. О движеніи по снѣгу говорить и своеобразная ея походка, при которой лапы задней пары опираются на пальцы, а переднія на всю ступню: послѣднее даетъ возможность росомахѣ не проваливаться при ходѣ по снѣгу; первое содѣйствуетъ прыжкамъ съ утеса или дерева при нападеніи на проходящую добычу. Необщительная, беспокойная, бродячая на волѣ росомаха неустанно рыщетъ по безлюдной тундрѣ и тайгѣ, то забираясь въ непролазныя трущобы и заглядывая суетливо подъ коряги пней, то вспрыгивая на поваленные бурей, занесенные стволы деревьевъ. Мало взыскательная въ пищу она всюду умудряется найти ее, хватая отъ лягушекъ и мышей до сѣверныхъ оленей и лосей, утаскивая то запасы пищи, сложенные въ хижинахъ туземцевъ, то дичину, пойманную въ ихъ капканахъ. Недоѣденную часть добычи росомаха прячетъ, зарывая въ землю или снѣгъ и вырывая снова при повторномъ посѣщеніи. Такое прятанье и зарываніе пищи росомахи, какъ и живой, и суетливый нравъ ея, и постоянное ея вниманіе и занятость обычно наблюдаются и при содержаніи ея въ неволѣ. То, при вставая за рѣшеткой клѣтки, росомаха съ любопытствомъ наблюдаетъ за происходящимъ у сосѣда; то, прихрамывая, ковыляя, прыгаетъ по клѣткѣ; то, ворча и фыркая, волчкомъ кувыркается черезъ голову; то съ недоѣденнымъ кускомъ въ зубахъ старательно отыскиваетъ мѣсто для сокровища его. Эта завѣдомая бесполезность и безмысленность закапыванія пищи въ клѣткѣ всего лучше говорить за то, что и на волѣ зарываніе пищи не сознательное дѣйствіе, а инстинктивное, т.-е. слѣпое и врожденное, а не подсказанное знаніемъ и опытомъ.

Глава 86. Куница, соболь и хорекъ

Рисунок 86.1. Соболь

Интересны при взаимномъ ихъ сравненіи. Всѣ три звѣрка сродни другъ другу и по складу, и по нраву представляютъ много общаго. Но убѣдиться въ этомъ трудно: въ продолженіе дня всѣ три обыкновенно прячутся въ дуплѣ, лишь изрѣдка высовывая свою мордочку. Какъ эта скрытность, такъ и темный мѣхъ, и мягкія, безшумныя движенія говорятъ о томъ, что все это животныя ночныя. Только съ приближеніемъ сумерекъ звѣрки становятся живѣе. Теперь нетрудно уловить и свойственныя имъ отличія.

Хорекъ (*Putorius foetidus*) самый приземистый и коренастый, съ толстой шеей, длиннымъ туловищемъ, круглой головою. За исключеніемъ свѣтлыхъ пятенъ на губѣ и подбородкѣ тѣло, низкія конечности и слабо опушенный хвостъ одѣты желтовато-чернымъ, жестковатымъ мѣхомъ¹. Не умѣя лазать по деревьямъ, онъ обычно двигается больше по землѣ. Охотно селится близъ человѣческихъ жилищъ, производя опустошеніе среди домашней птицы, слишкомъ часто, правда, лишь наказывая этимъ. обладателей ея за ихъ беспечность и неряшливость. Во всякомъ случаѣ хорекъ еще полезнѣе лисицы, массажи уничтожая вредныхъ грызуновъ и даже змѣй, не исключая ядовитыхъ, безъ вреда перенося укусы ихъ, смертельные для большинства другихъ животныхъ.

Куница — и крупнѣе, и стройнѣе чѣмъ хорекъ, съ болѣе длинными ногами, длинной мордой, мягкимъ и пушистымъ мѣхомъ, удлинненнымъ на хвостѣ. Изъ существующихъ у насъ двухъ видовъ этого животнаго одна, **лѣсная** (*Mustela martes*), имѣетъ желтоватое пятно на горлѣ, у другой куницы, **каменной** (иначе **бѣлодушки** *M. foinea*), цвѣтъ пятна опредѣляется ея названіемъ. Бѣлодушка чаще держится близъ населенныхъ мѣстъ, лѣсная — по глухимъ, безлюднымъ мѣстностямъ. Древесная въ своихъ повадкахъ, замѣчательно проворно лазая и прыгая среди вѣтвей, съ необычайной ловкостью преслѣдуя проворныхъ бѣлокъ и выслѣживая зайцевъ и мышей — куница истребляетъ также и не мало птицъ, по существу не болѣе полезныхъ, чѣмъ указанные грызуны.

Соболь (*M. zibellina*) по древесности повадокъ и усердію въ преслѣдованіи бѣлокъ приближается къ куницѣ, отличаясь отъ послѣдней еще болѣе высокимъ тѣломъ, острымъ рыльцемъ, длинными ушами, менѣе густымъ хвостомъ и шерстью на подошвахъ, несомнѣнно облегчающей движеніе по снѣгу. Широко распространенный раньше отъ Камчатки до Урала — соболь нынѣ сохранился лишь въ малодоступныхъ и незаселенныхъ мѣстностяхъ Сибири вслѣдствіе жестокаго преслѣдованія промышленниками, цѣлыми толпами переселяющимися въ тайгу для добыванія соболиныхъ шкурокъ. Близкій къ окончательному истребленію соболь, несмотря на временное запрещеніе охоты на него, конечно, очень скоро будетъ вычеркнута изъ списка современныхъ намъ живыхъ существъ. Исчезнетъ своеобразный обитатель сумрачной тайги, типично русское животное, такъ тѣсно связанное съ русскимъ лѣсомъ, съ русскимъ эпосомъ. Зато прибавится одна другая сотня соболиныхъ шапокъ и воротниковъ для вѣщей гордости ихъ обладателей!

¹ Сравнительно нерѣдко попадаются хорьки съ бѣлесовой шерстью, с красными глазами. Подъ названіемъ «**Африканскихъ**» эти **альбиносы** въ полуприрученномъ видѣ издавна разводятся на Западѣ для истребленія вредныхъ грызуновъ.

Глава 87. Павлины

П. обыкновенный (Pavo cristatus) и черноплечий (P. nigripennis)

Рисунок 87.1. Павлинь-самецъ въ спокойной позѣ

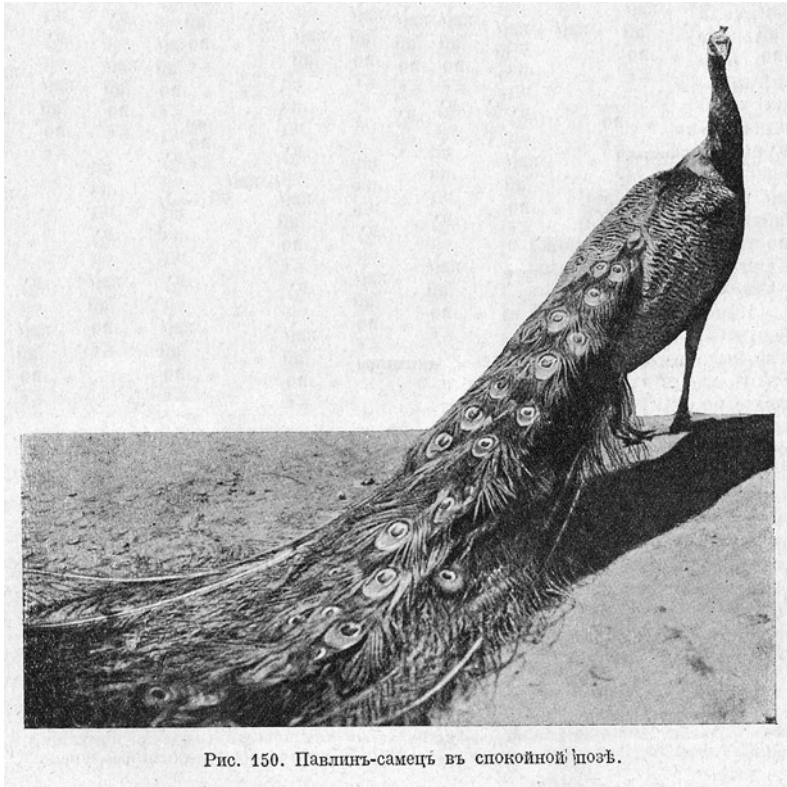

Рисунок 87.2. Токующій павлинь-самецъ

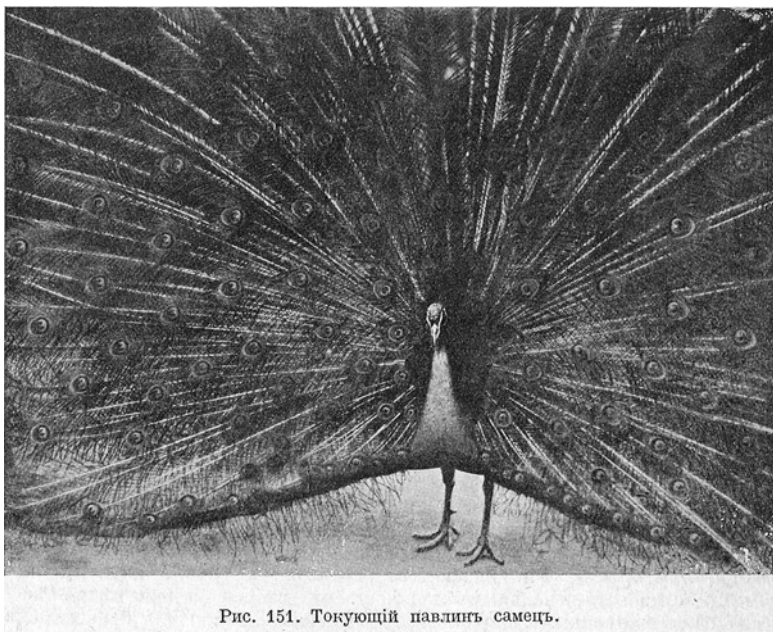

Рисунок 87.3. Пава

Рис. 152. Пава.

Какъ и многія другія жертвы человѣческой корысти и тщеславія, и эти существа давно бы оказались уничтоженными, если бы не легкость разведенія ихъ въ неволѣ и не преходящность моды, побуждавшей перьями павлина украшать то древне-греческіе храмы, то уборы средне-вѣковыхъ вельможъ и рыцарей, то выѣздныя шапки русскихъ ямщиковъ. Не преходящей оставалась изумительная красота окраски этой птицы, въ частности, великолѣпный шлейфъ изъ удлинненныхъ перьевъ съ нѣжною двурядной бахромою стержней и прекрасными глазками на вершинахъ опахаль.

Въ состояніи покоя птицы, у павлина со спокойно сложенными перьями (Рис. 87.1), глазки эти довольно безпорядочно разбросаны по золотистому, смарагдовому фону, образованному бахромою стержней. Но не то, когда великолѣпный «хвостъ» павлина ставится отвѣсно, колесомъ, — движеніе, наблюдаемое лишь весною и въ началѣ лѣта. Начинается оно съ того, что стержни перьевъ, тѣсно сложенные передъ тѣмъ, расходятся, приподнимаются отвѣсно (Рис. 87.2), превращая длинный и тяжелый шлейфъ въ прозрачный, легкій вѣеръ, на которомъ симметрично, черезъ правильные промежутки звѣздятся блестящіе глазки. Смотря по освѣщенію и по положенію птицы измѣняются тона и тѣни этого великолѣпнаго щита: отъ мѣдно-краснаго, черезъ сапфирно-изумрудный и до золотисто-бронзоваго цвѣта съ безконечною игрою свѣта и полутоновъ, усиливаемой движеніями птицы. Медленно и плавно движется павлинъ съ высоко вытянутой шеей, непрерывно и ритмически играя спущенными крыльями, попеременно заводя то тою, то другою стороною своего блестящаго щита и встряхивая, сотрясая имъ отъ времени до времени съ сухимъ и шелестящимъ шумомъ. При нерѣдкихъ поворотахъ птицы можно видѣть, что великолѣпный щитъ ея всецѣло образованъ удлинненнымъ опереніемъ надхвостья, и что самый хвостъ павлина состоитъ изъ относительно короткихъ, жесткихъ и невзрачныхъ перьевъ, только подпирającychъ великолѣпный щитъ. И захожденіе съ боковъ, и сотрясаніе, и вскидываніе роскошнымъ вѣеромъ усиливается при приближеніи самки (Рис. 87.3). скромной и невзрачной по окраскѣ при сравненіи ея съ самцомъ.

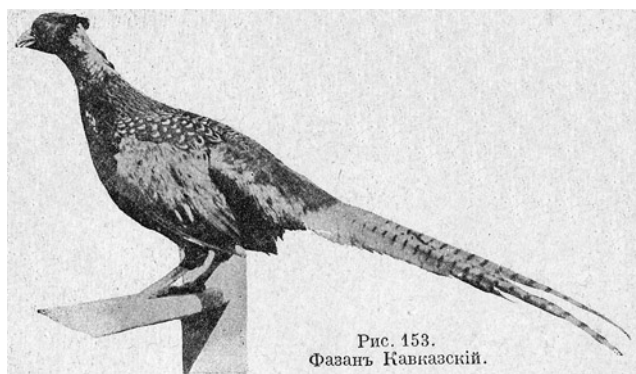
Уроженцы южной Индіи и острова Цейлона, дикіе павлины и понынѣ водятся на родинѣ немногочисленными стаями въ лѣсахъ, лишь неохотно поднимаясь на деревья. Прирученные въ глубокой древности павлины мало измѣнились подъ вліяніемъ одомашненія, сохранивши чуткость къ климату, умѣренную размножаемость и непріятный голосъ, нѣчто въ родѣ вызывающаго и пронзительнаго вопля. Въ отношеніи окраски послѣдствія одомашненія сказываются въ нерѣдкомъ появленіи **альбиносовъ**, т.-е. совершенно бѣлыхъ серебристыхъ особей. Гораздо рѣже наблюдается обратное явленіе, потемненіе окраски, свойственное **черноплечему** павлину съ чернымъ, а не пестрымъ опереньемъ крыльевъ; эта форма представляетъ исключительный интересъ въ научномъ отношеніи, какъ образецъ внезапной, рѣзкой измѣняемости окраски у животнаго.

Не менѣе интересенъ и другой вопросъ, который всего болѣе напрашивается при наблюденіи самцовъ павлиновъ, выступающихъ во всемъ своемъ великолѣпіи. Возможно ли сказать, что птицы сознаютъ эффектъ, производимый ими? Что животному, подобно людямъ, свойственно извѣстное тщеславіе? Такое мнѣніе было бы ошибочно, какъ это явствуетъ хотя бы изъ того, что годовалый молодой павлинъ-самецъ, еще не приобрѣтшій щегольского одѣянья взрослого павлина, держится подобно этому послѣднему, кружась, играя, выставляя напоказъ свой тусклый и ничѣмъ не замѣчательный нарядъ.

Глава 88. Фазаны

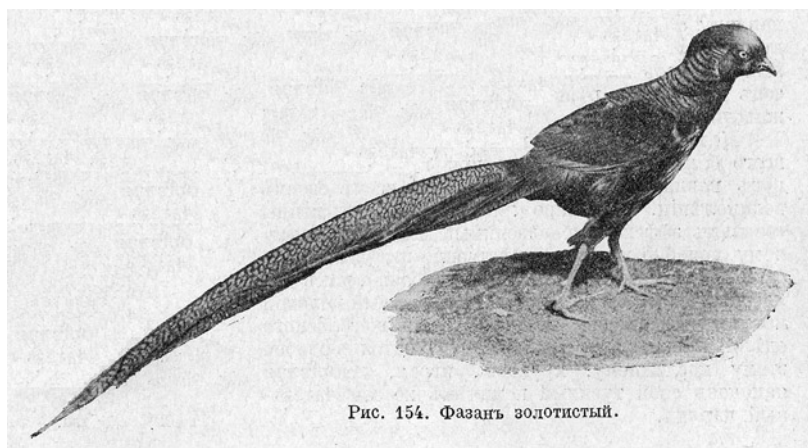
Кавказский, Золотистый, Алмазный, королевский, серебристый

Рисунок 88.1. Фазанъ кавказскій

Близко родственные павлину птицы эти раздѣляютъ и его великолѣпіе окраски, и несходство въ опереніи самцовъ и самокъ, и давность прирученія, и условность пользы, приносимой ими въ состояніи одомашненія. Не обладая, къ сожалѣнію, жесткимъ мясомъ, свойственнымъ павлину, многіе фазаны издавна являются предметомъ промысла и ежегодно тысячами истребляются для кулинарныхъ цѣлей. Всего больше поставляется фазановъ изъ восточной Азіи (фазанъ **манчжурскій**, *Phasianus torquatus* и **монгольскій**, *Ph. mongolicus*: первый — съ свѣтло-желтымъ низомъ и зеленовато-пепельнымъ надхвостьемъ, второй — зелено-мѣдно-красный, оба съ явственнымъ широкимъ бѣлымъ ожерельемъ) изъ Туркестана и особенно съ Кавказа, гдѣ водившіеся раньше массами фазаны нынѣ сильно поубавились въ числѣ.

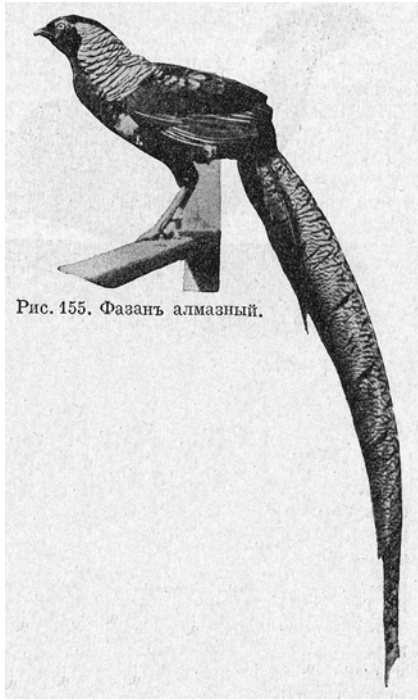
Рисунок 88.2. Фазанъ золотистый

Этотъ встрѣчающійся на Кавказѣ по низовьямъ рѣкъ фазанъ кавказскій (*Ph. colchicus* Рис. 88.1) — блестяще-мѣдно-красный, съ темными пестринами, темными крыльями, съ блестящимъ фіолетовымъ отливомъ шеи, съ пучками удлиненныхъ перышекъ на головѣ и длиннымъ стрѣльчатымъ хвостомъ — типичный обитатель непролазныхъ зарослей кустарниковъ и камышей, проворно бѣгающій по землѣ и неохотно поднимающійся на крылья. Вывезенный въ Грецію изъ центра современнаго распространенія на Кавказѣ, именно окрестностей рѣки Ріона (называвшейся у древнихъ «Фазисъ», давшей самое названіе птицѣ), онъ распространился въ скорости по югу всей Европы, гдѣ доселѣ широко разводится на положеніи полудикой, полу-одомашненной охотничьей и промысловой птицы. Скрещиванье его съ другими дикими фазанами, всего чаще съ ожереловымъ манчжурскимъ и монгольскимъ, привело къ образованію смѣшанныхъ, непостоянныхъ по окраскѣ птицъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «охотничьихъ». Фазаны эти, охраняемые

тщательно въ время охотъ, навѣрное переживуть своихъ родоначальниковъ, уничтоженіе которыхъ на Кавказѣ, въ Семирѣчьи и Приморской области на практикѣ ничѣмъ почти не ограничено.

Рисунок 88.3. Фазанъ алмазный

Иначе дѣло обстоитъ съ другими, болѣе великолѣпными фазанами, водящимися въ Сѣверномъ Китаѣ и въ Тибетѣ, а въ Европѣ разводимыми лишь въ качествѣ декоративныхъ птицъ.

Сюда относятся фазаны: **золотистый** (*Thaumalea picta*, Рис. 88.2) — съ киноваре-краснымъ низомъ, золотистымъ хохолкомъ, пурпурно-синими плечами и сверкающимъ оранжевымъ воротникомъ; **серебряный** (*Nycthemerus argentatus*, Рис. 88.5), — съ атласно-чернымъ опереньемъ брюха и груди, и серебристымъ верхомъ съ тонкимъ струйчатымъ рисункомъ; **королевскій** (*Ph. reevesii*, Рис. 88.4) — золотисто-желтый, весь усыпанный то черными, то пурпурными пятнами съ изящной бѣлой шапочкой и колоссальнымъ по длинѣ хвостомъ и, наконецъ, **алмазный** (*Thaumalea Amherstiae*, Рис. 88.3) — близкій къ золотистому, но съ бѣлымъ разрисованнымъ воротникомъ и металлически-зеленымъ низомъ.

Это щегольское опереніе самцовъ-фазановъ еще рѣзче выступаетъ при сравненіи его съ однообразнымъ и невзрачнымъ одѣяніемъ ихъ самокъ: тусклые, землисто-сѣрые тона послѣднихъ, совершенно подходящія подъ цвѣтъ увядшихъ стеблей и травы, скрываютъ притаившуюся на гнѣздовѣ птицу отъ ея враговъ.

Рисунок 88.4. Фазанъ королевскій

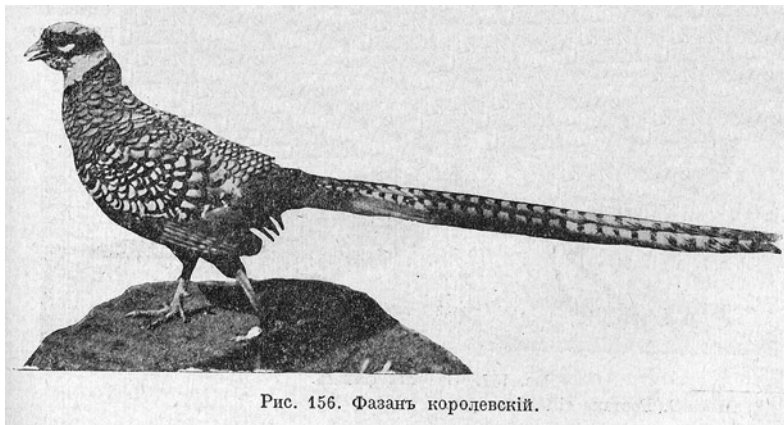

Рисунок 88.5. Фазанъ серебристый

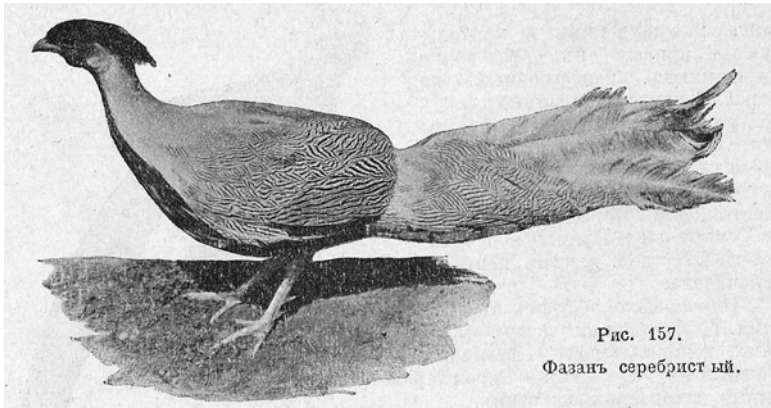

Рис. 157.
Фазанъ серебристый.

Эта невзрачная окраска самокъ представляется гораздо болѣе понятной, чѣмъ сверкающее опереніе самцовъ, особенно предательское при ничтожной ихъ духовной одаренности. И въ самомъ дѣлѣ, для чего эти изысканныя сочетанія цвѣтовъ и красокъ, эти украшающія перья въ видѣ огненныхъ султановъ и воротниковъ, косицъ и шлейфовъ? Вѣдь не для того, конечно, чтобы сорванные съ птицы и перенесенные на дамскій головной уборъ свидѣтельствовать объ особенной утонченности вкуса ихъ обладательницъ! Казалось, цѣнность золотистаго фазана, трудность разведенія его, размѣры птицы и не въ мѣру пестрое ихъ одѣяніе обезпечивали ихъ отъ посягательствъ моды. И дѣйствительно, въ теченіе долгихъ лѣтъ прелестною окраской этихъ птицъ привыкли любоваться лишь въ зоологическихъ садахъ и птичникахъ. Но стоило извѣстному французскому писателю избрать предметомъ вдохновенія птичій дворъ, а героиней вывести «фазанку»¹ и подхваченное модой началось стремительное изобіеніе золотыхъ фазановъ, какъ идейнаго и освѣщенного литературой украшенія. Въ короткій срокъ все, что имѣлось въ фазанятникахъ, перенеслось на головы не въ мѣру преданныхъ цѣнительницъ литературы. Но число ихъ возрастало; началось усиленное истребленіе фазановъ и на волѣ, на ихъ родинѣ. Но вотъ внезапно спросъ пріостанавливается: столь нашумѣвшая дотолѣ птичья пьеса надоѣла, ее приняли со сцены, прекратился интересъ и къ золотистому фазану. Съ той же поспѣшностью, съ которой шкурки этой птицы нашивались ранѣе на шляпы, началось ихъ удаленіе со шляпъ. Но, разумѣется, на этомъ не остановилась разрушительная прихоть моды. Еще осталась неиспользованной ею группа птицъ, единственно могущая соперничать съ фазанами по красотѣ и яркости окраски — это группа **райскихъ птицъ**. На нихъ и обратилось грубое тщеславіе тѣхъ, которымъ недоступно пониманіе духовной красоты въ животномъ мірѣ и способность проникаться величайшей его тайной — тайной происхожденія прекраснаго въ Природѣ. Лишь начало міровой войны, закрывши доступъ къ странамъ, поставлявшимъ райскихъ птицъ, на время сохранило ихъ отъ окончательнаго истребленія.

Рисунок 88.6. Золотой фазанъ

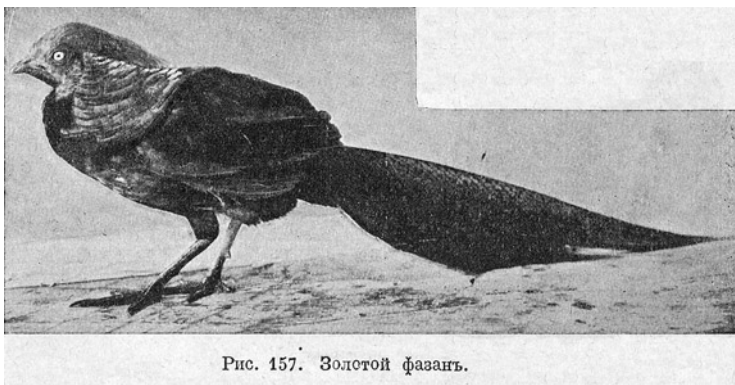

Рис. 157. Золотой фазанъ.

¹ Пьеса Э. Ростана «Шантеклеръ».

Глава 89. Куры

Рисунок 89.1. Пѣтухъ породы "Плимуть-рокъ"

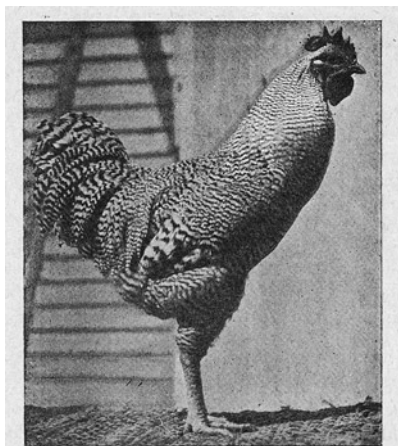

Рис. 158. Пѣтухъ породы «Плимуть-Рокъ».

Замѣчательный примѣръ широкой акклиматизаціи и полного одомашненія птицы, свойственной первоначально жаркому, тропическому поясу. И въ самомъ дѣлѣ. За родоначальника домашнихъ куръ обычно принимаютъ дикую породу этихъ птицъ, водящуюся на югѣ Азіи. Живущія среди густыхъ индійскихъ зарослей, такъ называемыхъ «джунглей», эти джунглевья куры (*Gallus bankiva*), называемыя иначе **банкивскими**, повадками и голосомъ напоминаютъ нашихъ куръ, но отличаются болѣе легкимъ ростомъ, стройнымъ складомъ и пологимъ, не торчащимъ вверхъ, менѣе густымъ хвостомъ. И опереньемъ дикіе банкивскіе пѣтухъ и курица порой не отличимы отъ домашнихъ куръ. У пѣтуха — густая грива золотисто-желтыхъ перьевъ шеи и надхвостья, черный низъ, пурпурно-ржавчатая крылья, черный, съ металлическимъ зеленымъ блескомъ хвостъ; у курицы — невзрачно сѣровато-ржавчатая перья съ темными наствольными пестринами. Такое опереніе куро́вды называютъ «куропатчатымъ». Оно присуще нѣкоторымъ чистокровнымъ расамъ (Рис. 89.2) и еще обычнѣе у непородистыхъ обыкновенныхъ деревенскихъ куръ. Тѣмъ интереснѣе, что большинство чистопородныхъ пѣтуховъ и куръ утратили различія въ окраскѣ половъ, свойственныя дикому родоначальнику. Такую однородную окраску самцовъ и самокъ раздѣляютъ всѣ главнѣйшія породы: **кохинхины**, **брамапутры** (Рис. 89.3), съ густо оперенными ногами и тяжелымъ складомъ; **лангшаны**, — тоже крупные, но голоногіе и тоже азіатскаго возникновенія; средиземноморскія породы, каковы **минорки**, — стройныя и голоногіе съ большими и зазубренными гребнями; ярко разрисованная **гамбургскія**; изукрашенная пышными султанами хохлатая породы — каковы **голландскія**; однообразно разрисованная **плимуть-рокъ** (Рис. 89.1); японскія — съ длиннѣйшими хвостами (**юкагамскія**); японскія же **шелковистыя** и многія другія, менѣе извѣстныя. Происхожденіе всѣхъ этихъ многочисленныхъ породъ отъ дикаго индійскаго родоначальника тѣмъ вѣроятнѣе, что и повадками, и голосомъ онѣ весьма похожи на послѣдняго. И многія особенности въ поведеніи нашихъ куръ становятся понятными черезъ сравненіе съ повадками ихъ дикаго родоначальника. Достаточно напомнить хорошо знакомое «кудахтанье»: пронзительные выкрики и вопли, долго издаваемые курицей послѣ снесенія каждаго яйца. Казалось бы, къ чему такое безпокойное и громкое оповѣщеніе о столь обычномъ, заурядномъ для нея событіи? Вѣдь не для того, конечно, чтобы обратить вниманіе птичницы. Въ условіяхъ одомашненія это кудактанье бессмысленно; не то въ естественныхъ условіяхъ, у джунглевой, банкивской курицы. Эта послѣдняя, живя въ густыхъ, непроходимыхъ заросляхъ бродячей жизнью стадной птицы, передъ каждой кладкой отстаетъ и отдѣляется отъ стаи, чтобы по снесеніи яйца повторно зычно подавая голосъ и сигнализируя въ густой чащѣ опередившей ее стаѣ, тѣмъ скорѣе воссоединиться съ ней.

Рисунок 89.2. Бентамскій пѣтухъ

Рис. 159. Бентамскій пѣтухъ.

Рисунок 89.3. Пѣтухъ породы "Брама", свѣтлый

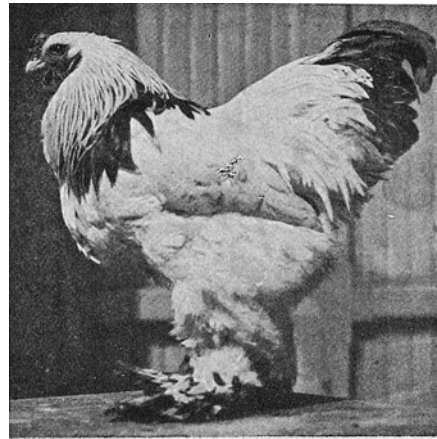

Рис. 160. Пѣтухъ породы «Брама», свѣтлый.

Безцѣльное въ неволѣ — цѣлесообразно при естественныхъ условіяхъ. И то же въ отношеніи задорности домашнихъ пѣтуховъ: такая же драчливость свойственна и дикимъ ихъ родоначальникамъ, соперничающимъ за мѣсто вожака и властелина стаи. Эту драчливость дикихъ пѣтуховъ высоко цѣнятъ на ихъ родинѣ туземцы, для которыхъ видъ сцѣпившихся и обливающихся кровью птицъ — картина столь же привлекательная, какъ для европейца созерцаніе обливающихся потомъ лошадей на скачкахъ и бѣгахъ. Есть указанія на то, что увлеченіе пѣтушиными боями и драчливость птицъ явились поводомъ для ихъ одомашненія. За это говоритъ и незначительная носкость дикой курицы (не больше дюжины яицъ въ теченіе года), отдаленно не сравнимой съ современными «вѣчно» несущимися курами (дающими въ теченіе года до 200 яицъ), и то, что незначительная польза дикихъ куръ не окупалась бы заботами по разведенію и охранѣ ихъ. И, какъ то часто наблюдается и въ наши дни, то, что бессильны были возсоздать серьезныя насущныя потребности — осуществилось въ интересахъ спорта, удовлетворенія запросамъ зрѣлищъ. Есть, впрочемъ, основаніе предполагать, что при одомашненіи куръ преслѣдовалась и другая цѣль: возможность узнаванія времени «по пѣтухамъ», по полуночному ихъ пѣнію, и пользованія ими, какъ будильникомъ. Такое своеобразное использование птицы очень рано стало связываться у народностей Востока съ представленіями религіознаго характера. Пѣтухъ, какъ провозвѣстникъ утренней зари и свѣта и гонитель тьмы, становится на положеніе священнаго животнаго, содержится при храмахъ и на попеченіи жрецовъ. Какъ умиловителная жертва и предмета для колдовства, пѣтухъ былъ почитаемъ въ Греціи и въ Римѣ. Но у Римлянъ почитаніе домашнихъ куръ обогатилось новымъ примѣненіемъ ихъ, какъ прорицателей. Во всѣхъ особо важныхъ случаяхъ, какъ напр. передъ принятіемъ сраженія, желая снять съ себя отвѣтственность при неудачѣ, римскіе военачальники и государственные люди обращались къ птичьему гаданію, ища совѣтовъ и предзнаменованій въ поведеніи куръ. Немало было случаевъ, когда важнѣйшія рѣшенія ставились и отмѣнялись сообразно съ поведеніемъ куръ. Примѣръ этотъ показываетъ намъ, какъ неожиданны пути и цѣли, приводящіе къ одомашненію животнаго: послѣдовательно перебивавшій въ положеніи бойца, будильника, языческаго божества, священной жертвы, колдуна и прорицателя — пѣтухъ, лишь по прошествіи тысячелѣтій, сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть теперь — важнѣйшей сельскохозяйственной птицей, объ экономическомъ значеніи которой говорятъ милліоны, выручаемые ежегодно отъ продажи самаго безкровнаго продукта сельскаго хозяйства, именно яицъ.

Глава 90. Цесарки и индѣйки

Рисунок 90.1. Цесарки

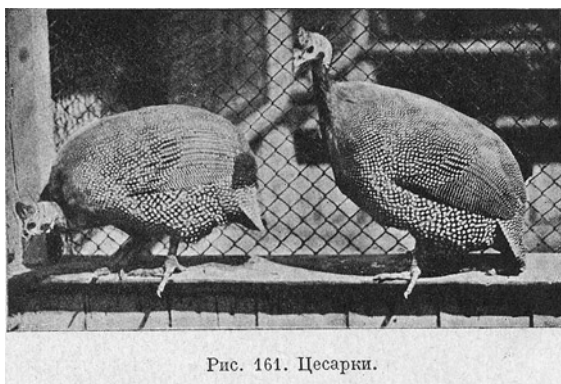

Рис. 161. Цесарки.

Рисунок 90.2. Индѣйскій пѣтухъ

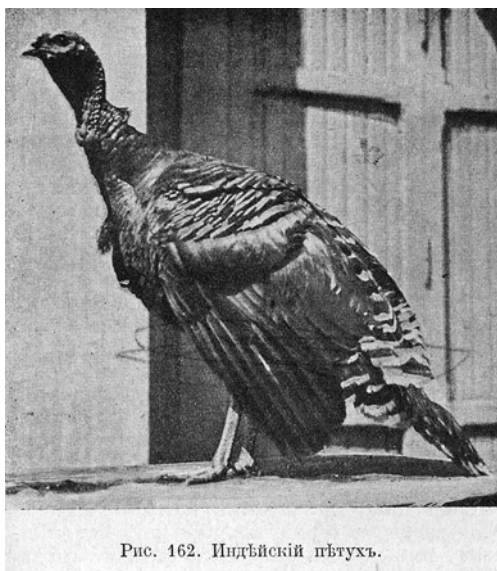

Рис. 162. Индѣйскій пѣтухъ.

Нѣсколько особнякомъ отъ куръ стоятъ **цесарки** и **индѣйки**. Въ прирученномъ состояніи первыя (*Numida meleagris*, Рис. 90.1) давно извѣстны были и въ Европѣ, и на родинѣ ихъ, въ Африкѣ, гдѣ не большими стаями цесарки и понынѣ держатся въ умѣренно лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Но приручаемая съ легкостью цесарки никогда не оставляютъ свойственную имъ пугливость; это, вмѣстѣ съ ихъ сварливостью и непріятнымъ голосомъ, какъ и чрезмѣрная чувствительность ихъ къ холоду, удерживаетъ ихъ отъ болѣе широкаго распространенія. Вотъ почему за двухтысячелѣтнюю одомашненность этой птицы не получено того разнообразія породъ, которое извѣстно для домашнихъ куръ. Цесарки альбиноски и голубовато-пепельныя, съ крапинами менѣе замѣтными, чѣмъ у простыхъ цесарокъ — вотъ единственныя измѣненія, наблюдающіяся у нихъ въ неволѣ.

Совершенно иначе сказалось прирученіе на индѣйкахъ (*Meleagris gallopavo*), самомъ позднемъ приобрѣтеніи въ ряду домашней птицы), вывезенныхъ лѣтъ 400 тому назадъ изъ Сѣверной-Америки. На родинѣ это общительная птица, всего чаще наблюдающаяся въ возвышенныхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, наземная въ теченіе дня, древесная при наступленіи ночи и бродячая по своимъ повадкамъ. Большая общительность и незлобивость по сравненію съ цесарками, какъ и особенно привычка къ болѣе умѣренному климату, содѣйствовали быстрому, широкому распространенію индѣйки и возникновенію нѣсколькихъ породъ. Различія послѣднихъ, правда, сводятся по преимуществу къ неодинаковой окраскѣ. На ряду съ такъ называемыми «**бронзовыми**» (Рис. 90.2), сходными съ ихъ дикими родоначальниками, существуютъ бѣлыя индѣйки, черныя **норфольскія** и нѣкоторыя другія.

Глава 91. Домашніє кролики

Lepus cuniculus

Рисунок 91.1. Кролик фландрской породы

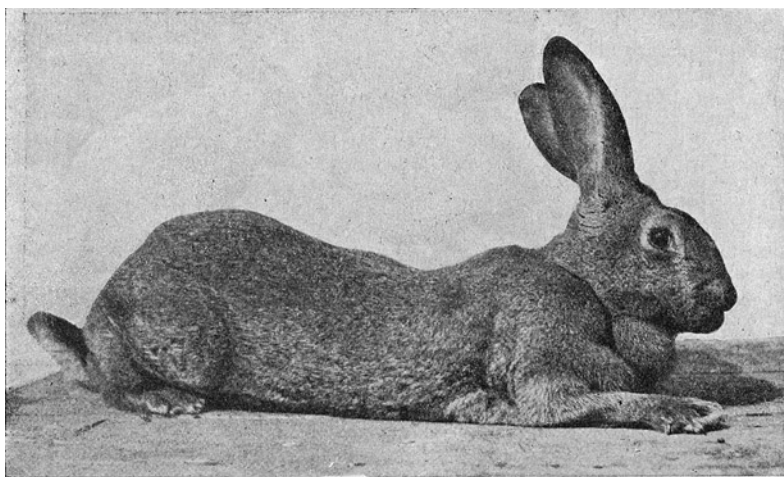

Рис. 163. Кролик фландрской породы.

Рисунок 91.2. Кролик русской "горностаевой" породы

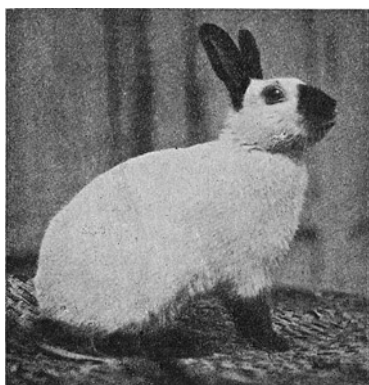

Рис. 164. Кролик русской «горностаевой» породы.

Единственный грызунъ, одомашненіе котораго дало широкіе практическіе результаты. Прародителемъ домашнихъ кроликовъ считается распространенный въ западной Европѣ (и въ особенности въ южной ея части) **дикій кроликъ**. Отличается онъ отъ домашняго лишь меньшимъ ростомъ, болѣе короткими ушами и землистой сѣровато-бурой мастью, частью проявляющейся впрочемъ у домашнихъ кроликовъ. Но своимъ поведеніемъ эти наши одомашненные кролики существенно не отличаются отъ дикаго родоначальника: то же движеніе скачками, то же безпокойство, та же страсть къ рытью и ярко выраженная ихъ общительность. Напротивъ, въ отношеніи размѣровъ, склада, свойства шерсти и окраски разныя породы разнятся весьма значительно: достаточно сравнить тяжелыхъ длинноухихъ и короткошерстныхъ **фландровъ** (Рис. 91.1) съ русскимъ **горностаевымъ** (Рис. 91.2) съ его характерными темными отмѣтинами на носу, ушахъ и лапкахъ. За послѣднія десятилѣтія кролиководство стало развиваться и у насъ въ Россіи, правда, отдаленно не достигнувъ здѣсь того значенія, которое оно приобрѣло на Западѣ, гдѣ разведеніе кроликовъ для полученія мяса или мѣха составляетъ важное подспорье сельскаго хозяина. Важнѣе, впрочемъ, чѣмъ коммерческія выгоды кролиководства, отраженіе его въ вопросахъ болѣе возвышеннаго свойства: перекрашивая скромныя вначалѣ шкурки кроликовъ подъ цвѣтъ различныхъ дорогихъ мѣховъ, скорнякъ тѣмъ самымъ сохраняетъ многихъ рѣдкихъ вымирающихъ пушныхъ животныхъ отъ грозящаго имъ истребленія, бессознательно содѣйствуя, хотя и въ слабой мѣрѣ, сохраненію многообразія вь красоты въ Природѣ.

Глава 92. Морская свинка

Cavia cobaya

Рисунок 92.1. Морская свинка

Рис. 165. Морская свинка.

Рисунок 92.2. Морская свинка

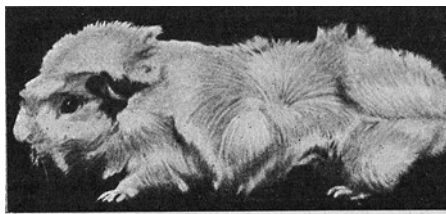

Рис. 165 bis. Морская свинка.

Этот небольшой грызунъ, по виду нѣчто промежуточное между кроликомъ и мышью, въ дѣйствительности представляетъ мало общаго съ послѣдними. Коническая мордочка съ короткими ушами, низкое, приземистое тѣло съ куцымъ задомъ, тонкія коротенькія ножки съ явственными пальцами и коготками наподобіе копытецъ, неправильная пестрая окраска, жесткій плотно прилегающій и рѣдкій волосъ, хрюкающій голосъ и трусящій бѣгъ — все это приближаетъ внѣшность нашего звѣрка къ наружности миниатюрной свинки.

Завезенная въ Европу изъ Америки, именно южной ея части, вскорѣ по открытіи ея, морская свинка представляется единственнымъ четвероногимъ этой части свѣта, получившимъ и у насъ распространеніе въ качествѣ домашняго животнаго. Объ истинномъ одомашненіи этого звѣрка едва ли можно, впрочемъ, говорить, за крайней ограниченностью его умственныхъ способностей и за отсутствіемъ его хозяйственнаго примѣненія. Тѣмъ необычнѣе та роль, которую морская свинка издавна играетъ въ качествѣ лабораторнаго животнаго, какъ матеріаль для всевозможныхъ опытовъ въ научныхъ институтахъ и лабораторіяхъ. Некрупные размѣры, незлобивость, легкость обращенія и разведенія звѣрка сдѣлали то, что имъ особенно охотно пользуются для изслѣдованія прижизненнаго дѣйствія различныхъ ядовъ и болѣзней. Послѣднія искусственно заносять, «прививаютъ» на животныхъ и, слѣдя за ходомъ и лѣченіемъ болѣзни, этими полученными на животныхъ свѣдѣніями пользуются для распознаванія болѣзней и лѣченія ихъ у человѣка. Очень часто интересъ науки требуетъ прижизненнаго вскрытія животныхъ, или «вивисекціи». Совершаемая безъ предварительнаго усыпленія и обезболиванія эти операціи живыхъ животныхъ причиняютъ имъ, конечно, самыя жестокія страданія. Безспорно, что прижизненное разсѣченіе животныхъ очень часто есть единственное средство ознакомиться съ явленіями жизнедѣятельности внутри нашего тѣла, и что тысячи людей обязаны своею жизнью и здоровьемъ этой возмущающей ихъ вивисекціи. Неоспоримо также, что далеко не всегда страданія, вызываемыя ею у животныхъ, окупаются серьезностью задачи и ея дѣйствительной необходимостью, и что привычка или прирожденная нечувствительность сердца очень скоро пріучаетъ вивисектора смотрѣть на разрѣзаемыя имъ живыя существа, какъ на разборныя машины, а на укоризны въ безсердечіи, — какъ на сантиментальность обывателя.

Безкровнѣе и безобиднѣе мучительства, которымъ подвергаются морскія свинки, отдаваемыя дѣтямъ для забавъ и развлеченій. И какъ ни легкомысленно разсматривать животныхъ въ качествѣ живыхъ игрушекъ, невозможно отрицать благодѣтельную роль такого ранняго общенія дѣтей съ животными. — Какъ часто изъ любви ребенка къ маленькимъ четвероногимъ сотоварищамъ его забавъ и игра зарождалась неподдѣльная любовь къ природѣ и къ научному ея познанію.

Глава 93. Ламы

Рисунок 93.1. Альпака и викунья

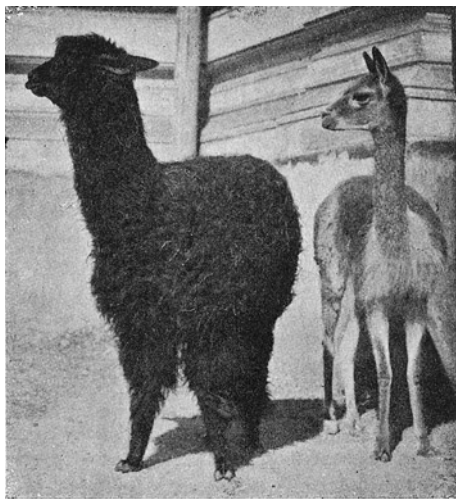

Рис. 166. Альпака и Викунья.

Относящаяся сюда животная на первый взгляд напоминают несколько безрогих, длинношейных и больших овец. В действительности **ламы** близко родственны верблюдовым. От собственно верблюдов их заметно отличает меньший рост, отсутствие горба, большая стройность тела, более прямая, бодрая посадка головы и шеи, большая длина ушей, сравнительно короткой хвост и большая подвижность нрава. В остальном, однако, близость ламовых к верблюдам ясно отражается на форме головы и тела, на строении конечностей, имеющих мозоли на подошвах и по паре ясно разделенных пальцев, на походке «иноходью», на строптивости характера и, в частности, на (разделяемой верблюдами) манере отгонять людей, плюя на них. Являясь уроженцами Америки, и только южной ее части, ламы в Новом Свете, заменяя собственно верблюдов Старого, напоминают их и тем, что водятся в сухих и мало-водных местностях, и тем, что издавна известны в одомашненном и в диком состоянии. Верблюдов же они напоминают легкостью одомашнения, его несовершенством и его многосторонней пользой. Среди известных четырех различных представителей этих животных, именно: **альпаки, ламы, гуанако и викуни** (или **вигони**), две первые известны только в прирученном, две последние лишь в диком состоянии. Все четыре многократно содержались и у нас в Саду. Мы ограничимся здесь описанием трех наиболее известных и на первом месте сопоставим (Рис. 93.1) крайних двух этого ряда, именно, альпаку (*Lama pacus*) и викунию (*L. vicunia*).

Первую обычно принято рассматривать лишь как продукт одомашнения второй. Та и другая сходны по размерам, но различны по сложению: легкому у вигони, тяжелому у альпаки; различаются они и по окраске — сѣровато-желтой, защитной у первой, — черной (часто замѣненной бѣлой или пестрой) у второй; различно также положение ушей — стоячих у привыкшей настораживаться дикой формы и повислых, заложенных назад — у прирученной (лѣвая фиг., Рис. 93.1), у которой жизнь под защитой человека умалила бдительность и уничтожила привычку настораживаться. Мягкая, густая шерсть, сплошными копами скрывающая тело у домашней формы и пучками ниспадающая спереди у дикой, может так же, как и у верблюда, служить защитой от зноя, и от холода. Но острота копытцев на глубоко расщепленных пальцах ясно говорит, что, не в примѣры верблюдам, ламы преимущественно горная животная. И точно, как на волѣ, так и в прирученном состоянии ламы не выносят низменных, сырых и влажных мест. Их родина — высоты Анд и Кордильер, на границе с вѣчным снѣгом, в разреженном воздухе высоких гор, среди которых ламы, острыми копытцами ухватываясь за неровности утесов, с изумительною ловкостью карабкаются по камням. И здесь задолго до открытия Америки испанцами, у древних обитателей Перу — так называемых инков — с незапамятных времен было положено начало приручения ламовых животных в целях получения шерсти и для перевозки кладей по малодоступным горным местностям. С этой последней целью, т.-е. в роли выючного животного, особенно полезны **ламы** (*L. lama*, Рис. 93.2), рослые и стройные животные, подобно альпакѣ известные

лишь въ прирученномъ видѣ и подобно ей весьма измѣнчивыя по окраскѣ. Цѣлыя стада ихъ, двигаясь гуськомъ по кручамъ горъ съ поклажей на спинѣ, служатъ въ качествѣ орудія передвиженія въ заоблачныхъ высотахъ, замѣняя яка и верблюда. Но въ отличіе отъ послѣдняго, успѣшно акклиматизированнаго въ рядѣ странъ, далекихъ отъ его первоначальной родины, — всѣ ламовыя трудно переносятъ перемѣну климата, не выживая въ Старомъ Свѣтѣ. Будучи единственными изъ копытныхъ, прирученными туземцами Америки, ламы, несмотря на крайнюю свою общительность, на легкость прирученія и на долгую культуру представляють наподобіе верблюдовъ образецъ несовершенно одомашненнаго существа, лишь слабо подчиненнаго духовной власти человѣка. Очень можетъ быть, что настоящія причины этого не столько дикость самого животнаго, сколько отсутствіе настойчивости и желанія со стороны природпыхъ жителей Америки, сумѣвшихъ кромѣ ламы, одомашнить только двухъ животныхъ, именно: собаку и морскую свинку.

Рисунок 93.2. Лама

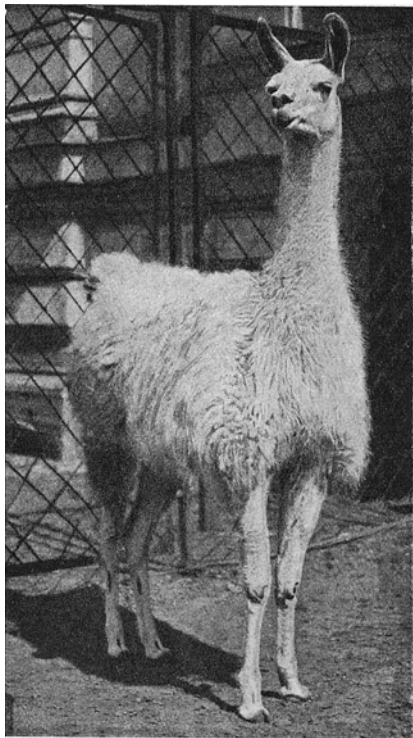

Рис. 167. Лама.

Еще менѣе дала для человѣческой культуры нижеслѣдующая группа жвачныхъ.

Глава 94. Антилопы

Рисунок 94.1. Антилопа Кайна

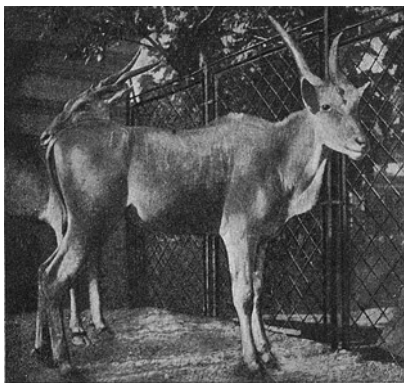

Рис. 168. Антилопа Кайна.

Рисунок 94.2. Антилопа Гну

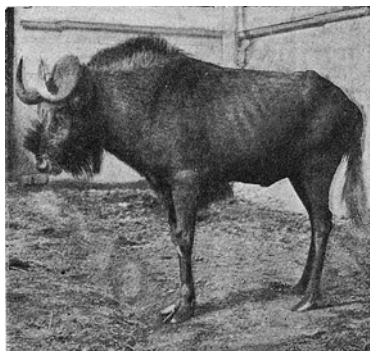

Рис. 169. Антилопа Гну.

Подъ такимъ названіемъ принято объединять весьма разнообразныхъ полорогихъ жвачныхъ, остающихся по вычетѣ быковъ, овецъ и козъ. За единичнымъ исключеніемъ всѣ антилопы водятся лишь въ Старомъ Свѣтѣ, и на долю Африки приходится ихъ подавляющее большинство. Здѣсь водятся какъ самые большіе, такъ и самые красивые и стройные, и самые уродливые представители этой обширной группы.

Антилопа **канна** (*Tragelaphus sappa*, Рис. 94.1), называемая иначе «лосиной», или еще болѣе неправильно «олене-быкъ» — громадное животное. Большимъ загривкомъ, складкой кожи на груди, короткими рогами и тяжелымъ складомъ тѣла она въ высшей степени походитъ на быка. Общительная, стадная и бродячая животная она въ зависимости отъ временъ года и перепаданія дождей то поднимаются высоко въ горы, то спускаются въ равнины, доходя порою до морского побережья. И однако, несмотря на столь обширное распространеніе этой антилопы и на благодушность ея нрава жителями Африки нигдѣ не сдѣлано шаговъ къ ея одомашненію. И вообще среди обширной группы антилопъ, насчитывающихъ сотни видовъ и породъ, нѣтъ ни одной, поддавшейся культурѣ человѣка, если не считать попытокъ прирученія, относящихся къ эпохѣ фараоновъ и загложшихъ вмѣстѣ съ распаденіемъ древняго Египта. Чернокожіе туземцы Африки, напротивъ, никогда не обнаруживали склонности использовать обиліе водящихся у нихъ въ природномъ состояніи копытныхъ для одомашненія ихъ и въ лучшемъ случаѣ перенимали отъ другихъ народовъ ужъ готовые продукты прирученія, безразсудно истребляя богатѣйшія стада животныхъ, въ частности и антилопъ, когда-то наводнявшихъ ихъ собственныя степи. Въ результатъ — многіе десятки видовъ антилопъ, когда-то многочисленныхъ, исчезли или близки къ окончательному вымиранію.

Къ числу подобныхъ вымирающихъ, точнѣе выбиваемыхъ существъ, относится и антилопа **гну** (*Connochoetes gnu*, Рис. 94.2). Необычайное по внѣшности созданіе, съ рогами буйвола, съ стоячей лошадиной гривой и хвостомъ, оленьими ногами, лошадинымъ крупомъ и загривкомъ, съ бычачьей головой, съ пучками жесткаго щетинистаго волоса на переносѣ, съ бородой на горлѣ и на подбородкѣ и косящимися злобными глазами. Какъ необычайна внѣшность, такъ же необычны и повадки этого созданія, проявляющаго странное смѣшеніе задора, злобы, любопытства и пугливости.

Рисунок 94.3. Антилопа Нильгау, самка

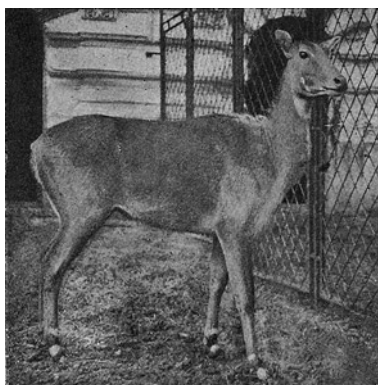

Рис. 170. Антилопа Нильгау, самка.

Рисунок 94.4. Антилопа Нильгау, самец

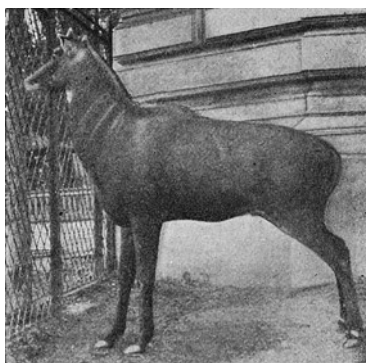

Рис. 171. Антилопа Нильгау, самец.

Въ отличие отъ предыдущей пары антилопъ, именно **гну** и **канны**, съ длинными рогами у обоихъ половъ, есть другія антилопы, у которыхъ лишь самцы — какъ у оленей — снабжены рогами. Часто и наружность самого животного весьма напоминаетъ этого послѣдняго, какъ это видно на примѣрѣ антилопы **нильгау** (*Tragelaphus pictus*, Рис. 94.3 — Рис. 94.4). Рослое и статное животное со стройной шеей, маленькою головой, украшенной короткими рогами у самцовъ; высокое въ загривкѣ тѣло съ тонкими, высокими ногами и коротенькимъ хвостомъ являетъ разную окраску у различныхъ половъ: пепельную — у самцовъ и глинисто-бѣлесоватую — у самокъ. Въ отличие отъ предыдущихъ антилопъ нильгау — уроженецъ Азій. Встрѣчается онъ по окраинамъ низменныхъ и трудно-проходимыхъ зарослей, обычно парами, въ отличие отъ большей части антилопъ, держащихся большими стаями.

Такая стадность выражена особенно у **винторогой антилопы**, или **гарны** (*Antelope cervicapra*). Небольшого роста, стройныя и легкія, съ изящными и тонкими ногами и спиралевидно согнутыми длинными рогами антилопы эти собираются отъ времени до времени въ огромныя стада и совершаютъ длительные переходы для отыскиванія новыхъ пастбищъ. Избѣгающія одинаково болотистыя мѣстности, возвышенности и лѣса, отлично приспособленныя къ жизни въ травянистой степи гарны замѣняютъ въ Индіи гораздо болѣе изящныхъ антилопъ, встрѣчаемыхъ въ пустыняхъ Африки и называемыхъ **газелями**. Эти послѣднія песчанистаго цвѣта, съ тонкими лирообразными рогами въ свою очередь довольно близко родственны нашимъ **джейранамъ** (*Gazella subgutturosa*) закаспійской области, животнымъ съ болѣе тяжелымъ складомъ и съ землисто-бурою окраской. Къ сожалѣнію, малая организованность въ дѣлѣ изслѣдованія русской фауны до сихъ поръ является причиною того, что этихъ **русскихъ** антилопъ довольно рѣдко удается наблюдать у насъ, въ зоологическомъ саду, гораздо рѣже, чѣмъ ихъ африканскихъ родичей.

Характернымъ для многихъ африканскихъ антилопъ является обыкновение ихъ держаться у себя на родинѣ въ ближайшемъ, непосредственномъ общеніи съ весьма разнообразными копытными и всего чаще съ зебрами, къ описанію которыхъ мы и переходимъ.

Глава 95. Зебры

Рисунок 95.1. Буршеллева зебра

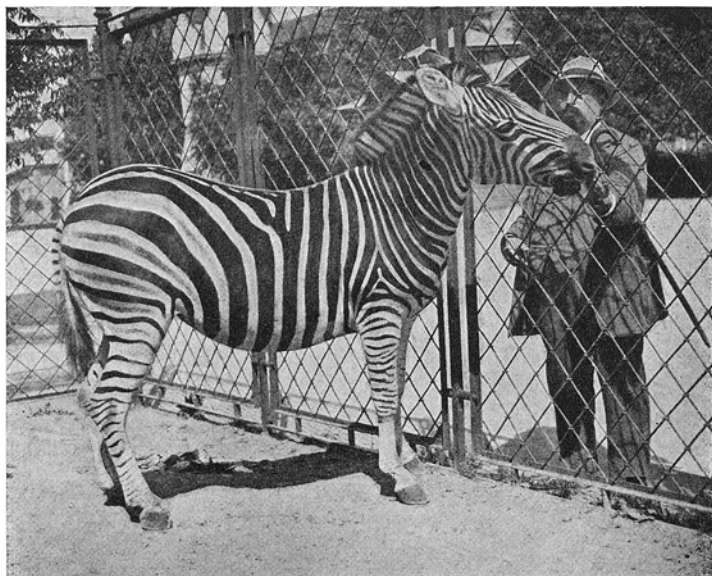

Рис. 172. Буршеллева зебра.

Издавна относятся къ числу животныхъ, привлекающихъ всегда особое вниманіе широкой публики. И все же въ отношеніи послѣдней рѣдко другое существо такъ мало доставляетъ пищи для идейной, умственной переработки.

Зебрами въ широкомъ смыслѣ слова называютъ полосатыхъ дикихъ африканскихъ лошадей, встрѣчающихся къ югу отъ Сахары. Замѣняя лошадь Пржевальскаго въ обширной травянистой степи Африки и будучи подобно ей весьма общительными существами, зебры отличаются отъ азиатскаго собрата меньшей боязливостью по отношенію къ человѣку и своей необычайною окраской, истинное назначеніе которой до сихъ поръ является весьма загадочнымъ. Доказано, что въ сумеркахъ и при извѣстномъ освѣщеніи рѣзкое чередованіе полосъ на тѣлѣ зебръ на извѣстномъ разстояніи пропадаетъ, дѣлая окраску ихъ однообразной и сливающейся съ цвѣтомъ окружающей среды.

Тѣмъ любопытнѣе разнообразіе въ подробностяхъ этого пестраго рисунка у различныхъ видовъ. Напримѣръ, у зебръ, водящихся въ центральной Африкѣ (*Hippotigris burchelli*, Рис. 95.1), рисунокъ болѣе широкій; между тѣмъ, какъ у гораздо болѣе рѣдкихъ абиссинскихъ зебръ (*H. grevyi*, Рис. 95.2) полосы гораздо уже, чаще и полнѣе покрываютъ тѣло. И помимо этого различія въ рисунокѣ обѣ упомянутыя зебры разнятся по своему сложенію: легкому и стройному, съ короткими ушами и короткой лошадиной головой у первой и высокому тяжелому, съ ослиной узкой головой и длинными ушами — у второй. Возможно, что различія склада, какъ и разница въ рисунокѣ, связаны съ несходствомъ мѣстообитанія обѣихъ, но объ этомъ, какъ и о причинахъ приуроченности зебръ къ Африкѣ и отношеніи ихъ къ неполоватымъ дикимъ азиатскимъ лошадямъ — въ наукѣ существуютъ лишь одни предположенія.

Рисунок 95.2. Абиссинская зебра

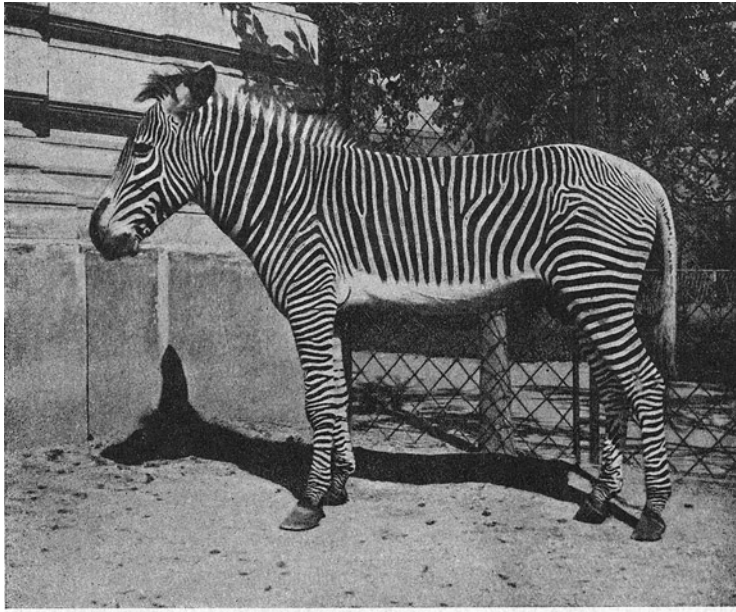

Рис. 173. Абиссинская зебра.

Тѣмъ интереснѣе другой, практической вопросъ о **прирученіи зебръ**. И дѣйствительно, одомашненіе мѣстной дикой лошади для Африки явилось бы гораздо болѣе существеннымъ, чѣмъ для Азіи: въ этой послѣдней съ лошадыо успѣшно конкурируетъ верблюдъ, тогда какъ въ Африкѣ обширныя пространства (къ югу отъ Сахары и страны Сомали) совершенно непригодны для культуры этихъ двухъ животныхъ, вслѣдствіе водящихся въ центральной Африкѣ особыхъ мухъ, (такъ называемыхъ «Цеце».) Укусы этихъ мухъ, безвредныя для зебръ, губительны для лошади и для верблюда, умирающихъ отъ названныхъ укусовъ вслѣдствіе зараженія черезъ нихъ особымъ паразитомъ крови. Этимъ объясняется, что въ названныхъ мѣстахъ вожение кладей производится не на спинѣ верблюда или лошади и не въ повозкахъ, а на головѣ туземцевъ. И легко понять, какъ повліяла бы на всю культуру Африки возможность замѣненія двуногаго носильщика четвероногимъ помощью одомашненія зебръ.

Рисунок 95.3. Зеброидъ свѣтлой масти

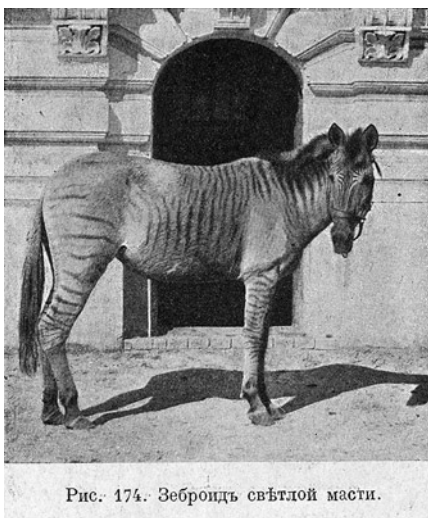

Рис. 174. Зеброидъ свѣтлой масти.

Дѣйствительно, попытки прирученія послѣднихъ дѣлались неоднократно. Даже болѣе, наперекоръ распространенному сначала взгляду на неукротимость ихъ, извѣстны случаи хоженія зебръ въ упряжи и подъ сѣдломъ. И тѣмъ не менѣе, едва ли можно говорить о настоящемъ прирученіи этихъ животныхъ, еще менѣе о настоящемъ ихъ одомашненіи. Касаясь только единичныхъ случаевъ, примѣры въ родѣ приведенныхъ

лишь показывают, что, какъ всякое духовно одаренное животное, и зебра при умѣнѣ и настойчивости поддается обученію и дрессировкѣ. И, какъ многія другія дикія созданія, зебры, внѣшне прирученныя, обычно сохраняютъ прирожденную имъ злобность, дѣлающую опаснымъ обхожденіе съ ними лицъ, даже привыкшихъ обращаться съ дикими животными. Замѣчено къ тому же, что обученныя зебры, какъ типично стадныя животныя, легко идутъ въ запряжкѣ только въ обществѣ съ обыкновенной лошадейю и слѣдуютъ за ней изъ подражанія, упрямясь, не работая въ ея отсутствіи. Но даже въ совершенствѣ выѣзжанныя для показной запряжки въ легкомъ экипажѣ зебры совершенно непригодны для тяжелой изнурительной работы.

То же самое приходится сказать о помѣсяхъ, производимыхъ между зеброю и лошадейю, такъ называемыхъ **зеброидахъ**. Въ зависимости отъ ближайшаго родства (была ли зебра матерью или отцомъ), какъ и отъ масти лошади-родителя, мѣняется сложеніе и масть зеброидовъ. Они то свѣтлые (Рис. 95.3), съ замѣтной волосатостью, съ короткою стоячей гривой и хвостомъ, усаженнымъ рѣдкимъ волосомъ, то темной масти (Рис. 96.1), со слабо выступающимъ рисункомъ, съ лошадиной гривой и хвостомъ. Глубоко интересные въ научномъ отношеніи зеброиды разводятся кое-гдѣ въ Европѣ и въ центральной Африкѣ въ видѣ немногихъ единичныхъ особей, лишенныхъ болѣе широкаго практическаго примѣненія. И не потому, чтобъ этому мѣшало ихъ бесплодіе (присущее и лошаку, и мулу и не помѣшавшее ихъ давнему распространенію), но вслѣдствіе все той же рѣдкости и затрудненности импорта чистокровныхъ зебръ, трудности при обращеніи съ ними, наконецъ, излишества такихъ гибридизацій для практическаго примѣненія. Является высоко очевиднымъ, что необходимое, напримѣръ для русскаго крестьянства — улучшение рабочей деревенской лошади достигается не замѣщеніемъ послѣднихъ зебрами или зеброидами, но поднятіемъ отечественнаго коноводства, разумѣя подъ послѣднимъ рациональные разсадники для улучшения рабочей лошади, полезной для культуры края.

Рисунок 95.4. Зеброидъ темной масти

Глава 96. Овцы

Рисунок 96.1. Овца африканской длиннохвостой породы

Рис. 176. Овца африканской длиннохвостой породы.

Интересны как примѣръ самаго полного одомашненія животнаго и совершеннаго приспособленія его къ потребностямъ и прихотямъ владѣльца-человѣка.

И дѣйствительно, едва ли есть другое существо, въ такой же мѣрѣ потерявшее духовно отъ послѣдствій прирученія, какъ домашняя овца. Безпомощное и безвольное, тупое и трусливое это животное такъ совершенно потеряло всякую самостоятельность, что предоставленное самому себѣ, отпущенное на свободу, не дичаетъ здѣсь подобно прочимъ одомашненнымъ животнымъ: оно гибнетъ, неспособное прожить безъ помощи и попеченія людей. Эта безпомощность овцы и совершенство подчиненія ея господству человѣка связаны съ ея необычайной стадностью, — стремленіемъ овецъ къ общенію съ себѣ подобными и съ ихъ привычкой слѣпо слѣдовать за вожакомъ. Эта общительность, какъ и неприхотливость въ пищѣ, и склонность къ обитанію въ открытыхъ мѣстностяхъ въ высокой мѣрѣ облегчаетъ содержаніе обширныхъ стадъ, а это, въ свою очередь, содѣйствуетъ возникновенію многочисленныхъ породъ, носящихъ каждая печать особенностей окружающей культуры. Породы эти часто такъ несходны по наружности и времени образованія, по цѣнности и цѣли разведенія, что группировка ихъ довольно затруднительна. Мы ограничимся обзоромъ наиболѣе замѣчательныхъ породъ въ порядкѣ возрастающей экономической ихъ цѣнности.

Рисунок 96.2. Овца черноголовая абиссинская

Рис. 177. Овца черноголовая абиссинская.

Какъ наиболѣе первобытную породу давняго туземнаго происхожденія слѣдуетъ отмѣтить **африканскихъ длиннохвостыхъ** (Рис. 96.1) рыжей или черной масти, съ длиннымъ до земли хвостомъ, съ висячими ушами. Къ столь же первобытной расѣ нужно отнести овецъ **черноголовыхъ абиссинскихъ**, съ рѣзкимъ раздѣленіемъ окраски головы и тѣла (Рис. 96.2), съ слабо развитою шерстью и недоразвитымъ хвостомъ. Послѣдній окруженъ большою массой жира, отлагающагося на крестцѣ и образующаго надъ задними нога-

ми такъ называемый «курдюкъ». Подобно многимъ первобытнымъ расамъ, африканская курдючная овца разводится не столько ради шерсти, рѣдкой и короткой, сколько ради мяса и въ особенности жира. Замѣняя жителямъ Востока запрещенное для нихъ свиное сало, этотъ жиръ овецъ въ высокой мѣрѣ облегчаетъ соблюденіе этого запрета. Вотъ почему курдючная овца достигла наибольшаго распространенія у магометанъ, и, въ частности, среди киргизъ, калмыковъ и другихъ кочевниковъ. Отсюда и туземное названіе относящихся сюда породъ, какъ напр. овецъ **чунтукскихъ** (Рис. 96.3), у которыхъ отложеніе жира въ курдюкахъ порою достигаетъ пуда вѣса и даетъ возможность этимъ овцамъ лучше выносить періоды голода, расходовать запасы жира при безкормицѣ, возстановлять его при наступленіи хорошаго питанія. Легко переносящая жару и холодъ, способная къ огромнымъ переходамъ часто по безводнымъ мѣстностямъ, покрытымъ скудною травой настоящая курдючная овца — незамѣнимое домашнее животное кочевниковъ.

Рисунок 96.3. Чунтукскія овцы

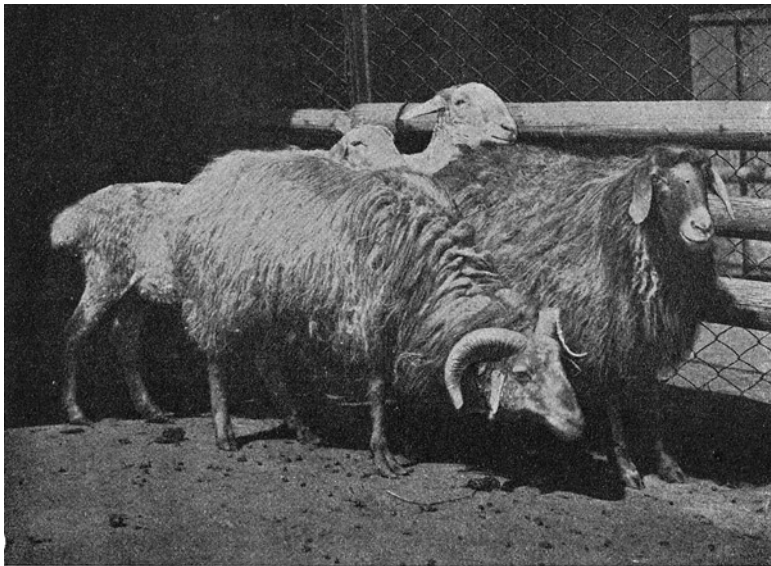

Рис. 178. Чунтукскія овцы.

Однако, на ряду съ обыкновенными курдючными породами, которыя подъ именемъ «мясныхъ» разводятся лишь для убоя, существуютъ и другія, цѣнные по доставленію овчинъ и шерсти. Въ отношеніи первыхъ наибольшую извѣстностью пользуются овцы **каракульскія** (Рис. 96.4), съ висячими ушами, горбоносія, съ блестящей черной извитою шерстью. Разводимыя особенно успѣшно въ Вухарѣ и Хивѣ овцы эти доставляютъ хорошо извѣстныя «хивинки», или «смушки» — шкурки неродившихся еще ягнятъ, цѣнимыя за ровныя, рядами расположенныя завитки и глянецъ шерсти. При теперешнемъ высокомъ уровнѣ овцеводства и переработки шерсти было бы возможно вывести овецъ съ болѣе мелкимъ завиткомъ и по рожденіи или улучшить выдѣлку искусственныхъ хивинокъ для замѣны настоящихъ, получаемыхъ нерѣдко черезъ двойную смерть дѣтеныша и матери. Но разумѣется объ этомъ не привыкли думать, и съ готовностью оплачиваютъ сотнями рублей и бессознательной жестокостью щегольскія шубки, добытыя умерщвленіемъ сотенъ неродившихся дѣтенышей.

Рисунок 96.4. Каракульскія овцы

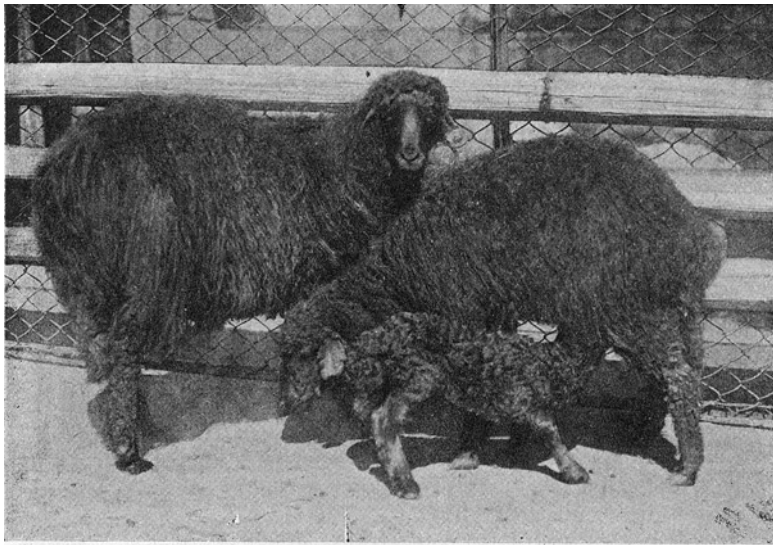

Рис. 179. Каракульскія овцы.

Рисунок 96.5. Волошская овца

Рис. 180. Волошская овца.

Сравнительно безкровнымъ и гораздо болѣе разумнымъ представляется использование «шерстныхъ» овецъ. Смотря по качеству и по обилію шерсти онѣ дѣлятся на *грубошерстныхъ* и на *тонкорунныхъ*. За образчикъ первыхъ можно привести **волошскую** овцу (Рис. 96.5), распространенную во многихъ южныхъ европейскихъ странахъ (Греція, Молдавія, Валахія) и у насъ по большей части въ юго-восточныхъ мѣстностяхъ. Крупныя и длиннохвостыя, то съ длинными рогами, скрученными по спирали у барановъ, то безрогія въ обоихъ полахъ — овцы эти отличуются длиною и густотою шерсти, сильно извитой, но грубоватой вслѣдствіе того, что мягкій и неоднородный пухъ, или подшерстокъ, сверху покрывается болѣе жестокимъ грубымъ волосомъ. Присутствіе послѣдняго въ высокой мѣрѣ обезцѣниваетъ шерсть и допускаетъ выдѣлку изъ нея лишь грубыхъ тканей, войлоковъ, ковровъ и деревенской пряжи. Тѣ же недостатки, какъ и многіе другіе, свойственны по большей части и другимъ туземнымъ овцамъ, разводящимся въ Россіи и опредѣляемымъ, какъ грубо-шерстныя въ отличіе отъ тонкорунныхъ, или мериносовъ.

Рисунок 96.6. Меринось

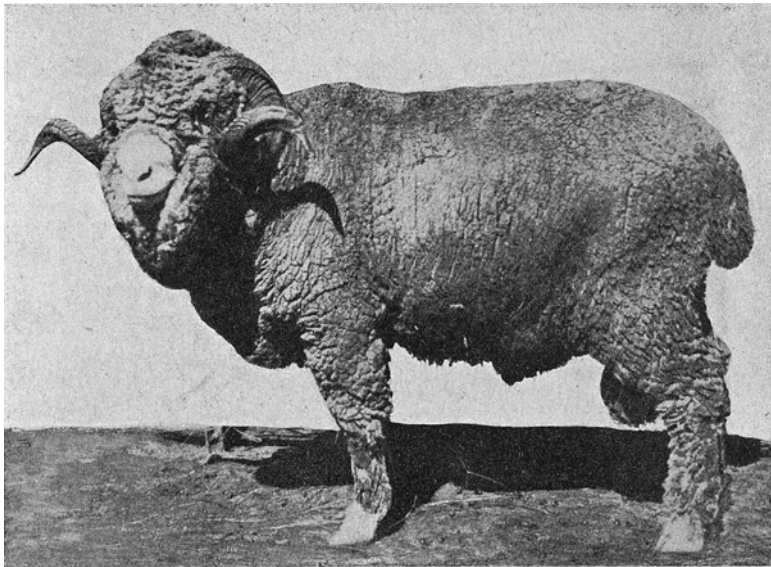

Рис. 181. Меринось.

Мериносы (Рис. 96.6) — крѣпкіе, приземистые, коренастые, съ рогами (только у самцовъ) спиралевидно скрученными и покрытыми снаружи мелкими морщинами — цѣнились издавна за тонкость и обиліе шерсти. Отличія послѣдней сказываются уже на внѣшнемъ видѣ мериноса: замѣчательны обиліе складокъ кожи и поверхность самага руна, составленная изъ округлыхъ плотныхъ жировыхъ скопленій, совершенно закрывающихъ собою волосъ. Складки кожи увеличиваютъ ея площадь и тѣмъ самымъ увеличиваютъ вѣсъ руна; жировая масса это — «жирный потъ», который, выдѣляясь кожей и пропитывая шерсть, содѣйствуетъ ея защитѣ отъ дождя и влаги. Самая шерсть у мериносовъ отличается отъ таковой простыхъ овецъ отсутствіемъ волосъ и полнымъ замѣщеніемъ ихъ пухомъ, болѣею длиною и частотой шерстинокъ, болѣею тонкостью и однородностью послѣднихъ, болѣе правильной извитостью. Къ тому же, не въ примѣръ породамъ грубошерстнымъ, ежегодно, именно весной, линяющимъ, т. е. смѣняющимъ обновленную шерсть на новую — у мериносовъ шерсть можетъ расти, не выпадая много лѣтъ. Вотъ почему отъ мериносовыхъ овецъ обычно добываютъ шерсти вдвое больше, чѣмъ отъ грубошерстныхъ, и цѣнность первыхъ несравненно выше, чѣмъ вторыхъ. Къ достоинствамъ руна у мериносовъ присоединяется ихъ рѣдкая способность къ акклиматизаціи и невзыскательность въ питаніи, пристрастіе къ сухому климату, къ сухому корму. Отсюда современное широкое распространіе мериносовыхъ овецъ въ Австраліи, на югѣ Африки и въ Новомъ Свѣтѣ, неудача такого въ Англіи изъ-за ея морского климата и разведеніе этихъ овецъ у насъ на югѣ, на Кавказѣ и въ Новороссійскомъ краѣ. Нынѣ разводимыя во многихъ подпородахъ (въ соотвѣтствіи съ различными сортами шерсти) мериносы были хорошо извѣстны въ древности, особенно въ Испаніи, какъ ихъ ближайшей родинѣ. Упомянутіе о тонкорунныхъ овцахъ, разводимыхъ древними народами Востока, заставляетъ, между тѣмъ, предполагать, что мериносы азіатскаго происхожденія (сказаніе о «Золотомъ Рунѣ») и черезъ Грецію только впоследствии завезены на Пиринейскій полуостровъ. Не въ примѣръ болѣе рѣдкимъ и короткохвостымъ овцамъ сѣверной Европы, выводимымъ отъ **муфлона** (см. стр. 62 [92]), и короткохвостымъ африканскимъ, длинной головой и гривой приближающимся къ **гривистому горному барану**, (см. стр. 65 [97]) тонкорунная овца повидимому ближе родственна **аркалу**, дикому степному свѣтлорогому барану закаспійской области, общительному, стадному животному. Аркаль считается родоначальникомъ и большинства другихъ породъ овецъ изъ группы грубошерстныхъ, ранѣе рассмотрѣнныхъ.

Раздѣляя участь большей части одомашненныхъ животныхъ, овцы, прежде чѣмъ приобрѣсти свое теперешнее положеніе въ культурныхъ странахъ, перебивали въ самыхъ необычныхъ и разнообразнѣйшихъ роляхъ, отчасти сохранившихся доселѣ: въ роли жертвенныхъ животныхъ (въ древней Палестинѣ, Греціи и Римѣ), какъ орудіе обмѣненія полей у населенія древняго Египта (овцы загонялись на засѣянное поле и ногами втаптывали сѣмя въ почву), для устройства уличныхъ боевъ (бойцовые бараны до сихъ поръ высоко цѣнятся мало культурными народами центральной Азіи) и, наконецъ, какъ выючныя животныя для перевозки тяжестей (на югѣ Гималаевъ). Но, конечно, эти и подобныя попытки примѣненія овецъ для несерьезныхъ и побочныхъ цѣлей исчезаютъ передъ основной задачей овцеводства, какъ ис-

точника одежды и питания человека. Тесно связанное ныне и с заводской, и с сельско-хозяйственной жизнью, определяя зачастую все экономическое благосостояние страны, а косвенно и самую культуру края, овцеводство еще большее значение имело при своем возникновении для первобытных жителей доисторической эпохи. Больше чем приручение других животных, легче, если и не раньше, чем одомашнение рогатого скота, одомашнение овцы содействовало переходу первобытного бродячего охотника и зверолова к более оседлому, пастушескому быту, как к ступени еще более высокой земледельческой культуры. Правда, что по мере своего развития овцеводство, требуя все больших пастбищ, внешне образом противоречит интересам земледельца. И не даром массовое разведение овец издавна было достоянием кочевых народов, а у нас в России приурочено по преимуществу к степным, не земледельческим районам: Средней Азии и Закавказью. И однако, принимая во внимание, что из массы разводимых у нас овец лишь небольшая часть приходится на долю мериносов, станет ясно, что успехи овцеводства требуют не столько сокращения пахатной земли, предоставляемой для пастбищ, сколько улучшения самих овец. Не даром в густо населенной Англии улучшенное овцеводство совмещается с высоким уровнем и сельского хозяйства, и промышленности края и является могучим двигателем для обоих. В необъятных же степях центральной Азии миллионная стада овец, доселе разводимая в глубоко первобытном виде местными кочевниками, только затрудняют переход их к земледельческой, оседлой жизни. Поучительный пример того, как в поступательном развитии культуры то же самое животное, домашняя овца, источник национального богатства и орудие социального прогресса для одних народов — в отношении других является пособником рутины и отсталости, препятствием культуры и цивилизации.

Глава 97. Козы

Рисунок 97.1. Домашній козель дагестанской породы

Рис. 182. Домашній козель дагестанской породы.

И строением, и нравом отличаются от только что рассмотренных овец. Эти различия коренятся столько же в несходстве диких прародителей обих, сколько и в неодинаковом хозяйственном их применении.

Для внешности домашних коз характерны: сухое, стройное сложение, суженная форма головы, подвижность и длина ушей, короткий хвост, пучок волос на подбородке в виде бороды (отсутствующей, впрочем, у отдельных рас). Рога, если имеются, изогнуты серпообразно или, реже, наподобие спирали, сплюснуты с боков и сильно сближены своими основаниями; характерен и едкий запах, свойственный особенно козлам. Тесно связано с условиями жизни коз строение их ног. Поставленные высоко в копытах, крепких и глубоко расщепленных, с небольшими пальцами-шипами по бокам, они отлично приспособлены к передвижению по кручам. Как потомок обитателей гористых мест — домашняя коза и в прирученном виде удержала образ жизни горного животного. Это заметно в пристрастии ее к лазанью, в той легкости, с которой козы привстают на задние копыта, упираясь помощью передних о различные предметы (при обгладывании листьев и коры деревьев), в их любви к гористым местностям, а за отсутствием последних — к каменистым пустырям, к сухому климату и корму. Еще больше, чем у овец, захватывание скудных и приземистых растений облегчается подвижностью чувствительных и тонких губ, а усвоение обильного, но не питательного корма — непомруной длиной кишечника (отсюда — вздутые бока животного). Для той же цели служит свойственное и прочим жвачным сложное строение желудка, позволяющее им заглоченную наскоро и недожеванную пищу изрыгать обратно в рот, чтобы на досуге, не спеша, перетереть ее своими плоскими зубами-терками.

Рисунок 97.2. Полукровная ангорская коза съ козлятами

Рис. 183. Полукровная ангорская коза съ козлятами.

Этой привязанностью козъ къ горамъ отчасти объясняется ихъ меньшая, чѣмъ у овецъ, общительность. Послѣдняя, полезная для обитателей равнинъ, безцѣльна въ мѣстностяхъ гористыхъ, затрудняющихъ передвиженіе обширныхъ стадъ или сношеніе отдѣльныхъ особей. Меньшая стадность, большая самостоятельность сдѣлали то, что и въ духовномъ отношеніи коза гораздо лучше удержала одаренность своихъ предковъ, безъ слѣда утраченную овцами. Въмѣсто безволія и тупости послѣднихъ въ козахъ поражаетъ безпокойство, живость, предприимчивость и любопытство. Эти свойства темперамента и малая разборчивость въ ѣдѣ, граничащая съ полною всеядностью по отношенію къ растительному корму, объясняютъ тотъ огромный вредъ, который причиняютъ козы, оставляемая безъ присмотра, истребленіемъ древесныхъ насажденій. Обѣданіе листьвы и молодыхъ побѣговъ еще гибельнѣе тамъ, гдѣ оставленныя на свободѣ козы совершенно одичали, какъ это нерѣдко наблюдалось въ мало населенныхъ мѣстностяхъ. Возможно, что обезлѣсеніе многихъ южныхъ странъ въ широкой мѣрѣ должно отнести на долю козъ. Безспорно также, что дѣйствительной виною этого является безпечность, нерадѣніе людей, не удѣлявшихъ должнаго вниманія животнымъ или безразсудно завозившихъ козъ на мало населенные цвѣтущіе когда-то острова (какъ напр. о. св. Елены), и тѣмъ самымъ превращавшихъ ихъ въ безжизненную каменистую пустыню. Интересно, что во многихъ случаяхъ наружность одичавшихъ козъ напоминаетъ таковую ихъ родоначальниковъ. Отчасти эта первобытная наружность сохранилась и у нѣкоторыхъ домашнихъ козъ туземнаго происхожденія, какъ напр., у *дагестанскаго* козла (Рис. 97.1), и формою роговъ, и мастью походящаго на дикаго козла изъ Закавказья (о значеніи котораго, какъ прародителя домашняго, упоминалось выше) — сходство, дополняемое близостью географическаго мѣстонахожденія обоихъ. Вообще же масть и очертаніе роговъ весьма измѣнчивы, и представители одной и той же расы часто могутъ то имѣть рога, то не имѣть ихъ.

Что касается хозяйственнаго положенія козъ, то оно близко къ таковому же овецъ по давности одомашненія и потому, что въ прирученіи козы когда-то первобытный человѣкъ руководился не одной только практическою цѣлью. По возрѣніямъ древнихъ козы, и особенно козлы — животныя священныя. Ихъ содержали въ храмахъ (у Египтянъ), приносили въ жертву то закланіемъ (у Эллиновъ), то черезъ ежегодное изгнаніе козла въ пустыню (у Евреевъ) «въ цѣляхъ отпущенія грѣховъ Израиля». Лишь постепенно козы снизошли до современной своей роли, сдѣлавшись поставщиками мяса, молока и шерсти. Сдержимыя обыкновенно въ небольшомъ количествѣ и безъ особаго ухода козы далеко не обнаруживаютъ рѣзкаго разграниченія породъ, а существующія исключенія лишь подтверждаютъ правило. Извѣстныя еще въ глубокой древности и разводимыя съ большимъ стараніемъ козы изъ центральной Азіи издавна славились длиною, тонкостью и мягкостью волосъ. Это — **кашмирская** и близко родственная ей **ангорская** коза; подобно меринсовой овцѣ она высоко цѣнится за шелковистый пухъ, идущій на переработку тонкихъ тканей; нынѣ козы эти широко разводятся далеко за предѣлами своей малодоступной родины, какъ въ чистокровномъ видѣ, такъ и скрещенными съ прочими породами (Рис. 97.2). Инымъ путемъ достигли улучшенія домашнихъ козъ въ Швейцаріи, извѣстныхъ въ качествѣ хорошаго молочнаго скота. Особую извѣстность за послѣдніе года пріобрѣли *зааненскія* козы (Рис. 97.3), родомъ съ Бернскихъ Альпъ. Это — короткошерстная и крупная порода бѣлой масти, часто съ характерными придатками («сережками») на

шеѣ, со стоячими ушами, безъ роговъ и съ кроткимъ «небодливымъ» нравомъ. Рѣдкая молочность, какъ и свойственная козамъ вообще невосприимчивость къ туберкулезу, (отъ котораго страдаетъ большинство коровъ), оправдываетъ то, что за послѣдніе года швейцарскихъ козъ усиленно вывозятъ къ намъ въ Россію въ цѣляхъ улучшенія нашихъ деревенскихъ русскихъ безпородныхъ козъ, издавна содержимыхъ въ полномъ небреженіи. Между тѣмъ, при возрастающей дороговизнѣ разведеніе козъ могло бы оказать огромное подспорье въ дѣлѣ облегченія борьбы съ хроническимъ недоѣданіемъ и смертностью дѣтей въ мало имущихъ классахъ населенія, какъ издавна съ успѣхомъ пользуются козами въ зоологическихъ садахъ, а въ частности и въ нашемъ, для выкармливанія лвятъ и прочихъ хищныхъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ.

Рисунок 97.3. Коза зааненской породы въ роли восприимной матери двухмѣсячнаго львенка

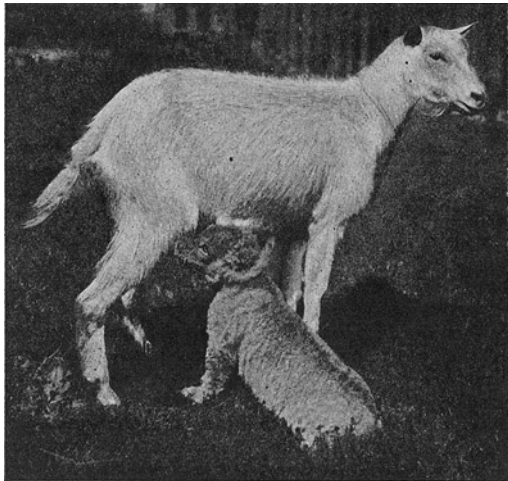

Рис. 184. Коза зааненской породы въ роли восприимной матери двухмѣсячнаго львенка.

Глава 98. Левъ

Felis leo

Рисунок 98.1. Левъ

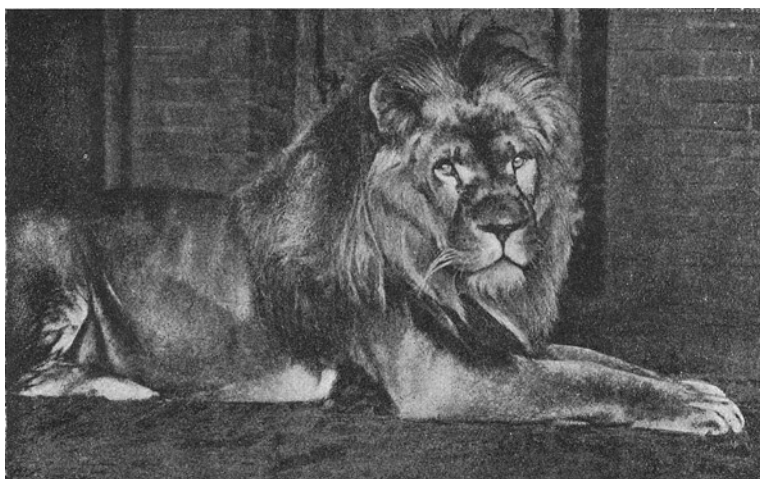

Рис. 185—189. Левъ.

Одно изъ тѣхъ животныхъ, наблюдение которыхъ въ клѣткѣ доставляетъ глубоко превратную картину о дѣйствительной природѣ ихъ, эффектная же внѣшность только отвлекаетъ отъ ея дѣйствительнаго пониманія.

И въ самомъ дѣлѣ, съ дѣтства каждому знакомо представленіе о левѣ, какъ о «царѣ животныхъ», объ увѣнчанномъ могучей гривой повелителѣ пустыни, съ гордымъ взглядомъ, величавой поступью и «благороднымъ» нравомъ. Созданный поэтами красивый образъ этотъ былъ навѣянъ внѣшностью и позой львовъ, томящихся въ неволѣ, и не согласуется съ повадками и видомъ дикаго животнаго. Тѣмъ благодарнѣе попытка, стоя передъ клѣткою со львомъ, исправить это поэтическое, но ложное по существу воззрѣніе на него.

Мы начинаемъ съ гривы, столь характерной для взрослага самца въ отличіе отъ безгривой самки. Обрамляя голову животнаго, охватывая шею, плечи и загривокъ и спускаясь копнами на грудь для продолженія на брюхѣ, грива эта въ столь значительномъ развитіи наблюдается лишь у животныхъ, содержимыхъ въ клѣткахъ. Грива дикихъ львовъ обыкновенно слабо развита, а часто и совсѣмъ не развивается. Это измѣнчивое состояніе гривы трудно объяснить однѣми внѣшними причинами (различіемъ климата), а порѣдѣніе ея — вліяніемъ колючихъ зарослей, среди которыхъ часто, но далеко не всегда, встрѣчаются на волѣ львы. И тѣмъ умѣстнѣе спросить себя о смыслѣ и значеніи гривы для животныхъ тамъ, гдѣ она есть. Оказывается, что левъ, принадлежа къ породѣ кошекъ, лишь одинъ имѣетъ гриву. Въ то же время, не въ примѣръ другимъ животнымъ изъ семейства кошекъ, левъ животное общительное. Рѣдко, лишь въ мѣстахъ усиленнаго истребленія, наблюдается онъ въ одиночку, чаще — семьями, нерѣдко нѣсколькими вмѣстѣ. При такой общительности львовъ, конечно, неизбѣжны столкновенія самцовъ между собой за обладаніе мѣстомъ главара семьи и за оспариванье пищи. Въ этихъ поединкахъ левъ самецъ уснѣшно пользуется гривой для защиты отъ ударовъ своего противника. Готовясь къ бою, въ ярости левъ сокращаетъ мускулы лица и, стягивая кожу, надвигаетъ гриву съ темени на лобъ. Онъ образуетъ этимъ рядъ глубокихъ поперечныхъ складокъ надъ глазами для защиты ихъ. Такія же морщины образуются пониже глаза, на щекахъ, оскаливаньемъ пасти и оттягиваньемъ верхнихъ губъ. Послѣднія въ видѣ упругихъ кожанныхъ подушекъ также служатъ для принятія ударовъ. Такимъ образомъ подвижность кожи на лицѣ дѣлаетъ гриву льва подобной каскѣ, глубже надѣваемой во время боя и откидываемой назадъ по минованіи его. Легко понять, что, какъ различны индивидуальныя драчливость и задоръ отдѣльныхъ львовъ, такъ же различно совершенство ихъ оборонительнаго средства — гривы, развитой сильнѣе у однихъ, слабѣе у другихъ. Понятно также полное отсутствіе ея у самокъ и у молодыхъ самцовъ, а у послѣднихъ постепенность появленія ея (съ трехлѣтняго, примѣрно, возраста) и достиженія окончательныхъ размѣровъ только въ возмужаломъ

возрастѣ (не ранѣе 6-го года). Это — что касается значенія гривы, выполняющей роль боевого шлема и нагрудника для обороны въ столкновеніи самцовъ между собой. Не то приходится сказать о средствахъ нападенія: зубахъ и лапахъ и особенно послѣднихъ, замѣчательныхъ по ихъ способности произвольно (т.-е. независимо отъ воли и желанія животнаго) выпускать на вытянутыхъ пальцахъ мощные изогнутые когти, исчезающіе на опущенной, спокойной лапѣ. Эта втягиваемость когтей предотвращаетъ притупленіе въ пользованіи ими при движеніи по твердой почвѣ, что такъ часто наблюдается у льва съ его бродячимъ нравомъ и пристрастіемъ къ открытымъ мѣстностямъ. То и другое связано опять съ общительностью льва, а это въ свою очередь съ другой особенностью льва, давно извѣстной, лишь недавно понятой — съ его громовымъ голосомъ. Начавшись съ ряда быстро обрывающихся звуковъ, наподобіе могучихъ вздоховъ, львиный ревъ чѣмъ дальше, тѣмъ становится все глуше и протяжнѣе, сливаясь въ потрясающій и непрерывный гулъ, какъ будто исходящій изъ земли или изъ нѣдръ самого животнаго, а подходя къ концу слабѣетъ, словно удаляясь, замирая въ рядѣ хриплыхъ вздоховъ и стenanій. Ни одно животное не превосходитъ льва по силѣ голоса, а среди кошечекъ, молчаливыхъ вообще животныхъ, это исключительно шумливое созданіе. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и наблюденія его въ неволѣ. Можно безъ труда замѣтить здѣсь, что львиный ревъ не служитъ только выраженіемъ голода. Ревутъ и сытыя животныя, въ особенности къ вечеру и ночью. Стоитъ лишь какому-нибудь льву подать свой одинокій голосъ, какъ ему ужь откликается другой, сначала будто нехотя... вотъ отозвался третій, тоже словно противъ воли, только отвѣчая первымъ двумъ. Подхватываемый однако далѣе и далѣе, начавшійся безъ всякой видимой причины голосъ запѣвалы постепенно тонетъ въ оглушительномъ концертѣ разошедшейся изъ подражанія стаи. Эта стадность въ подаваніи голоса наводитъ на его дѣйствительное пониманіе у льва. При неспособности его взбираться на деревья въ силу своей тяжести, при неумѣнѣ (свойственномъ и прочимъ кошкамъ) долго гнаться за своею жертвою, левъ при добываніи послѣдней на открытомъ мѣстѣ часто пользуется выгодой, даваемой совмѣстною охотой цѣлымъ обществомъ. Разсѣявшись въ степи, нерѣдко цѣлыми десятками на небольшомъ участкѣ, львы сознательно или, что чаще, безсознательно содѣйствуютъ другъ другу, нагоняя на себя добычу. Раздающійся то здѣсь, то тамъ внезапный голосъ львовъ, вселяя ужасъ и смятеніе въ стада подстерегаемыхъ животныхъ, заставляетъ ихъ бросаться опрометью, вразсыпную на подстерегающихъ ихъ львовъ. Громовой голосъ льва играетъ роль трещетки у загонщика, орудія гона при облавѣ. Связанное глубоко съ пріемами охоты, какъ необходимаго условія существованія, безцѣльное рыканіе льва въ неволѣ по привычкѣ или по инстинкту заставляетъ вторить остальныхъ животныхъ, возбужденныхъ мнимымъ ожиданіемъ добычи.

Рисунок 98.2. Львица

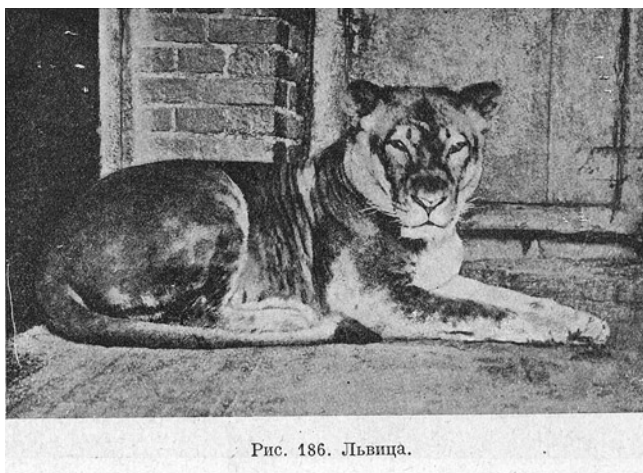

Рис. 186. Львица.

Рисунок 98.3. Ревущіе львы

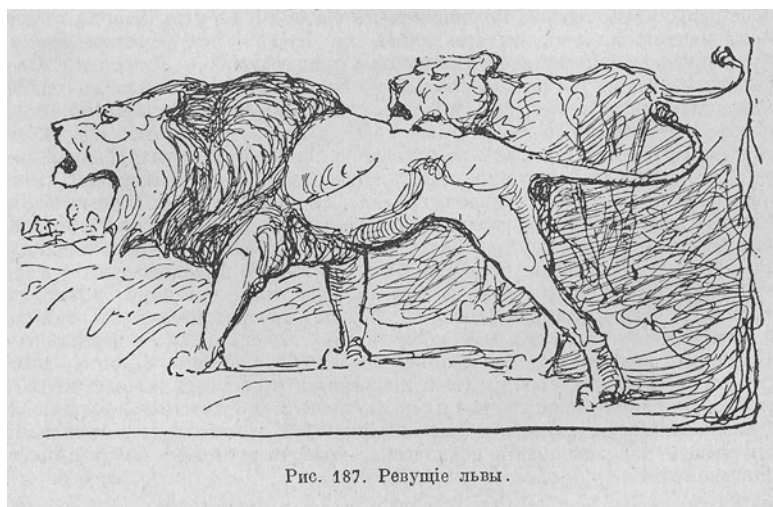

Рис. 187. Ревущіе львы.

Что рыканіе львовъ не служитъ для «предупрежденія» ихъ жертвъ, какъ то охотно принималось для «царя звѣрей», доказывается уже тѣмъ, что при охотѣ въ одиночку левъ безмолвно, воровски и умерщвляетъ, и утаскиваетъ жертву. Да и вообще въ повадкахъ льва на волѣ много чертъ, которыя не вяжутся съ присвоеннымъ ему высокимъ титуломъ. Такъ, величавая осанка головы, столь часто наблюдаемая въ клѣткѣ, подъ открытымъ небомъ чаще замѣняется понуримъ положеніемъ головы, пугливымъ взглядомъ, флегматичностью движенія. Еще менѣ царственнымъ бываетъ при естественныхъ условіяхъ питаніе львовъ, пристрастіе ихъ къ падали, охотно поѣдаемой и при обиліи крупной и живой добычи, а при отсутствіи послѣдней довольствованіе ловлей мелкихъ грызуновъ, мышей и даже саранчи. Замѣтно уступая прочимъ кошкамъ въ ловкости, а частью и въ духовной одаренности, левъ возмѣщаетъ это мощностью сложенія и силой лапъ и челюстей. Однимъ ударомъ лапъ онъ переламываетъ спину лошади, однимъ укусомъ въ шею сваливаетъ крупнаго быка. Замѣчено, что при охотѣ парами — самца и самки — первой нападаетъ львица, проявляющая больше агрессивности и въ клѣткѣ. Избѣгая по возможности и всюду встрѣчи съ человѣкомъ, львы становятся ему опасны, только будучи поставлены въ условія самозащиты или вынуждаемые крайнимъ голодомъ и старостью, мѣшающей охотѣ за четвероногими животными и приводящей къ людоедству. Появляясь изрѣдка, такіе «людоеды» скоро погибаютъ, впрочемъ, отъ руки туземцевъ. Да и вообще львы съ каждымъ годомъ уменьшаются въ числѣ на своей родинѣ, когда-то несравненно болѣе обширной, чѣмъ теперь. Водившійся въ былое время и въ Европѣ въ дикомъ состояніи левъ вымеръ здѣсь къ началу исторической эпохи. Также совершенно истребленъ онъ въ Сириі, Египтѣ и Капландіи. Онъ рѣдокъ въ Индіи, рѣдѣетъ въ сѣверо-восточной Африкѣ, и только въ сердцѣ этого материка еще не мало рыскаетъ этихъ гигантскихъ кошекъ. Но и послѣ уничтоженія на волѣ львы еще надолго сохранятся по зоологическимъ садамъ, въ виду необычайной легкости ихъ размноженія въ неволѣ: подавляющая масса львовъ, показываемыхъ въ звѣринцахъ, не привознаго, а мѣстнаго происхожденія. Родившееся въ клѣткахъ большинство ихъ никогда не видѣло своей далекой родины, и даже болѣе, воспитывалось при условіяхъ, мало свойственныхъ для будущаго хищника.

Рисунок 98.4. Собака въ роли воспріемной матери у лвъятъ

Рис. 188. Собака въ роли воспріемной матери у лвъятъ.

Достаточно сказать, что большая часть лвъятъ выращиваются у насъ въ Саду при помощи собакъ и козь въ виду того, что сами львицы въ клѣткахъ часто не выкармливаютъ лвъятъ. Присматриваясь къ этой необычной сценѣ (Рис. 97.3 и Рис. 98.4) переходящей близости собакъ и козь къ ихъ будущимъ врагамъ, не должно эту временную кротость первыхъ почитать какъ выраженіе альтруизма: побужденія пріемныхъ матерей вполне эгоистичны, будучи лишь частнымъ случаемъ инстинкта материнства, заставляющаго при утратѣ собственныхъ дѣтей заботиться о подысканіи пріемышей для заполнения психического чувства пустоты и для тѣлеснаго благополучія.

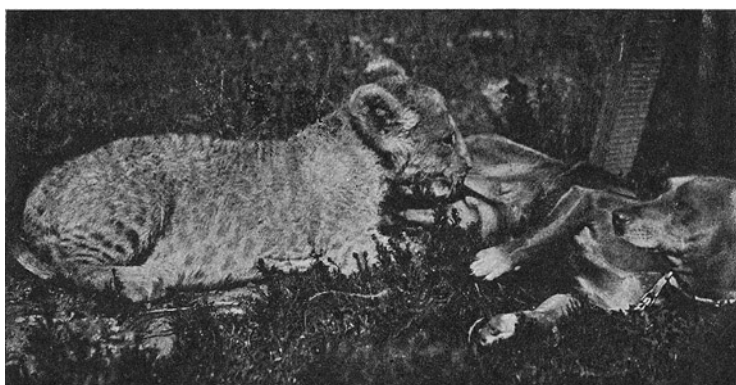
Рисунок 98.5. Собака и ея двухмѣсячный левъ-пріемышъ

Рис. 188 bis. Собака и ея двухмѣсячный левъ-пріемышъ.

Безпомощный въ теченіе первыхъ двухъ недѣль (см. заглавную таблицу, верхнее изображеніе), со слабыми и широко разставленными лапками на вальковатомъ выступающемъ брюшкѣ и съ тусклыми глазами, львенокъ ко второму мѣсяцу (см. заглав. таблицу, нижняя картина) выравнивается настолько, что своимъ увѣреннымъ и «горделивымъ» видомъ, бойкимъ взглядомъ и строптивымъ нравомъ ужъ напоминаетъ будущаго «повелителя пустыни». Но и въ эту пору львенокъ часто обращается къ своей пріемной матери, еще покорно выносящей неуклюжія заигрыванія своего пріемыша (Рис. 98.6).

Гораздо интереснѣе другое свойство самихъ лвъятъ: мы разумѣемъ ихъ пятнистость. Темные, нерѣдко расположенные поперечными рядами пятна и разводы рѣзко отличаютъ шкуру лвъятъ (см. заглавную таблицу) отъ равномерной сѣровато-желтой масти взрослого животнаго. Нерѣдко, и особенно у львицы (Рис. 98.4), слѣды рисунка сохраняются и во взросломъ состояніи. Да и вообще окраска львовъ весьма непостоянна, какъ неодинаковы, смотря по мѣстности, сложеніе и нравъ животнаго.

Однако, цѣнные въ глазахъ зоолога такія мѣстныя различія мало говорятъ широкой публикѣ. Послѣдней, можетъ быть, достаточно узнать, что и развѣнчанный какъ «царь звѣрей» левъ остается полнымъ самаго

глубокого неизсякаемого интереса, какъ образчикъ замѣчательной гармоніи, связующей тѣлесный и духовный обликъ всякаго животнаго.

Рисунок 98.6. Львенокъ со своей пріемной матерью

Рис. 189. Львенокъ со своей пріемной матерью.

Глава 99. Гиена

Нуаена сросута

Рисунок 99.1. Пятнистая гиена

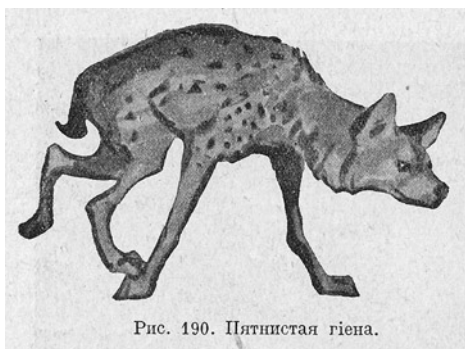

Рисунок 99.2. Гиененокъ

Не менѣе, чѣмъ левъ, издавна возбуждала суевѣріе людей, подобно леву нуждается поэтому въ болѣе тщательномъ и трезвомъ описаніи для устраненія одѣвающихъ ее прикрасть.

Легко понять причины суевѣрнаго вниманія людей къ обоимъ названнымъ животнымъ. Если левъ, — самая статная изъ кошекъ, то гиена — безобразнѣйшая изъ собакъ. Сухая и костлявая, высокая въ загривкѣ, низкая въ крестцѣ, съ покатою, ниспадающею къ хвосту спиной, отвислыми боками, жилистой и длинной шеей, толстой и короткой головой, большими голыми ушами, темной, будто опаленной, мордой и раскосыми на выкатѣ глазами. Рѣдкій волосъ, часто удлинненный въ видѣ гривы на горбѣ и шеѣ, и землисто-желтоватая окраска дополняютъ неказистый образъ этого созданія. Внѣшности гиены отвѣчаютъ и ея духовный обликъ, и повадки. Помѣстилась ли она спокойно на полу, пугливо озираясь, готовая вскочить при всякомъ поводѣ; — кружится ли по клѣткѣ торопливой и хромающей походкой, тупо устремляя взглядъ передъ собой, стуча когтями по полу и низко-низко опустивши голову и хвостъ; — стоитъ ли словно вкопанная, широко разставивши кривыя ноги, высоко задравши голову и хвостъ и заливаясь жуткимъ хохотомъ — во всемъ прямая противоположность леву, съ его спокойствіемъ и въ формахъ, и въ движеніяхъ. Неудивительно, если народная легенда, усмотрѣвшая во левѣ несуществующее благородство, закрѣпила за гиеной противоположныя свойства. Тамъ — «царь животныхъ»; здѣсь — отверженное существо, живущее лишь падалью и трупами, которые вырываетъ изъ могилъ. И очевидно, что въ обоихъ случаяхъ народная молва пристрастна и одностороння. Льва напрасно возвеличили, гиену свыше мѣры очернили. И въ послѣднемъ намъ нетрудно убѣдиться, если разсмотрѣть животное въ условіяхъ его естественнаго быта.

Самое характерное для гиены — слабость ногъ и сила челюстей, снабженныхъ крѣпкими, но мало острыми зубами. Сходное несоответствіе мы видѣли у нѣкоторыхъ птицъ, и въ частности у грифовъ, съ ихъ могучимъ, но неострымъ клювомъ и слабыми ногами. Заменяя грифовъ у млекопитающихъ, гиены вмѣстѣ съ ними выполняютъ въ жаркихъ странахъ, въ Азій и Африкѣ, обязанности санитаровъ, удаляя, всевозможные отбросы и останки умирающихъ, но рѣдко убиваемыхъ животныхъ. Для разниманія разлагающихся тѣлъ излишняя острота когтей, какъ ненужна и острота зубовъ. Тѣмъ выгоднѣе общая массивность челюстей и крѣпость шеи и затылка, помогающая схватывать и разрывать большія части труповъ. Нажимомъ челюсти гиена перехватываетъ бедрянную кость быка. Необходимая для этого могучая мускулатура черепа и вызываетъ толщину, скуластость головы. Манера погружаться въ разлагающіеся останки связана повидимому съ исчезновеніемъ волосъ на мордѣ и ушахъ и порѣдѣніемъ ихъ на туловищѣ. Мы видѣли, что сходною причиной объясняется недоразвитіе пера на головѣ и шеѣ грифовъ. Уступая грифамъ въ скорости передвиженія и дальнозоркости, гиены возмѣщаютъ это остротою обонянія и способностью видѣть въ темнотѣ; то и другое связано съ ночными ихъ повадками. О нихъ же говоритъ присущая гиенамъ темная окраска шерсти. Всѣ гиены — существа ночныя, замѣняющія съ наступленіемъ сумерекъ лишенныхъ обонянія и потому безпомощныхъ въ теченіе ночи грифовъ. Въ свою очередь эти послѣдніе во время солнечнаго зноя замѣщаютъ избѣгающихъ дневнаго свѣта и жары гиенъ. И вообще пугливость и боязнь дѣйствовать открыто, — свойство, глубоко присущее гиенамъ, и это несмотря на ихъ общительность. О ней свидѣтельствуетъ необычная шумливость ихъ: невыносимый вой и хохотъ, издаваемый блуждающей въ исканіи добычи стаей и обычно прекращаемый лишь послѣ нахождения добычи. Скрытныя и боязли-

выя гіены слѣдуюць обычно въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ каравановъ и питаются различными отбросами, утаскиваютъ слабыхъ и больныхъ животныхъ, но всегда и всюду избѣгаютъ челоуѣка. Также издали слѣдятъ гіены и за львомъ, широко пользуясь остатками съ его стола. Это невольное и часто далеко не мирное сообщество гіенъ и львовъ восходитъ далеко назадъ къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда въ Европѣ обитали львы, размѣрами превосходившіе теперешнихъ. Этихъ «пещерныхъ львовъ» сопровождали крупныя «пещерныя гіены», какъ о томъ свидѣтельствуютъ находимые въ землѣ скелетные остатки. Освященная тысячелѣтней давностью это сожительство и общая судьба гіенъ и львовъ отчасти сохраняется у насъ въ Саду и въ помѣщеніи ихъ рядомъ, и въ той легкости, съ которой вмѣстѣ съ молодыми лвъятами выращиваютъ (при содѣйствіи собакъ и козъ) и молодыхъ гіенъ. Послѣднія (Рис. 99.2) одѣты при рожденіи короткой черной шерстью, и представляютъ изъ себя безпомощныхъ созданий, съ длинной шеей и короткими кривыми лапками. По мѣрѣ роста шерсть становится свѣтлѣе и пятнистѣе, звѣрекъ — плотнѣй и коренастѣй; одновременно намѣчается и мало привлекательный его духовный обликъ, превращая полувзрослую гіену (Рис. 99.3) въ злобное и непривязчивое существо, въ которомъ лишь заботливый уходъ и ласка въ состояніи подавить врожденные задоръ и боязливость.

Рисунок 99.3. Полувзрослая пятнистая гіена

Рис. 192. Полувзрослая пятнистая гіена.

Глава 100. Пума

Felis concolor

Рисунок 100.1. Пума

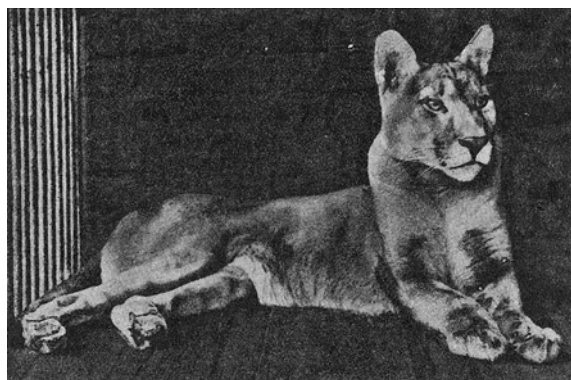

Рис. 193. Пума.

Иначе называется американским львомъ и замѣняетъ въ Новомъ Свѣтѣ своего болѣе крупнаго собрата въ Африкѣ, замѣтно отличаясь отъ него болѣею легкостью сложенія, меньшимъ ростомъ, неимѣнемъ гривы, цвѣтомъ шерсти и особенностью нрава: меньшею общительностью, болѣею боязнью человѣка. Существуетъ множество разсказовъ, хорошо удостовѣренныхъ, о благодушномъ поведеніи этихъ хищниковъ при встрѣчѣ съ беззащитными людьми и о покорности, съ которой пумы, будучи настигнуты, не защищаясь, принимали смерть.

Важнѣе, чѣмъ знакомство съ этими случайными разсказами, попытка разобрать самостоятельно и связно признаки и свойства пумы, говорящіе о принадлежности ея къ семейству кошекъ, представляющихъ собою самыхъ совершенныхъ и могучихъ хищниковъ.

Воспользуемся характерной позой пумы, столь обычной для нея въ неволѣ: растянувшись на полу, раскинувъ ноги и поднявши голову (Рис. 100.1) она подолгу и внимательно глядитъ передъ собой. При этомъ положеніи бросается въ глаза, что у животнаго грудная клѣтка сильно сдавлена съ боковъ отвѣсно выступающей лопаткой. Эта узкогрудость характерна вообще для кошекъ, какъ и вытянутость тѣла, равномерно продолжающагося назадъ. То и другое отличаетъ ихъ сложеніе отъ болѣе широкогрудаго, но узкаго въ паху, «поджараго» сложенія собакъ (сравни рис. волка, стр. 94 [127]). Присущая собакамъ ширина груди свидѣтельствуетъ о хорошихъ легкихъ; совершенство же послѣднихъ связано съ манерою собакъ подолгу гнаться за добычей, какъ и вообще съ ихъ суетливымъ, безпокойнымъ нравомъ, заставляющимъ ихъ дѣлать много лишняго движенія. Не то у кошекъ, въ частности у пумы. Вытянутость тѣла, его узость дѣлаютъ его несоотвѣтственнымъ для долгаго и утомительнаго бѣга. Все сложеніе кошекъ приоровлено для совершенія быстрыхъ, сильныхъ, но короткихъ, скоро затихающихъ движеній, обуславливая большую степенность, флегматичность нрава этихъ хищниковъ.

Подобную же связь между сложеніемъ животнаго и темпераментомъ его возможно прослѣдить и далѣе; мы оставляемъ это до слѣдующаго описанія.

Распространенная какъ въ Южной, такъ и въ Сѣверной Америкѣ, въ мѣстахъ, весьма различныхъ по растительности, климату и почвѣ, пума соотвѣтственно измѣнчива въ подробностяхъ строенія, масти и повадокъ, по размѣрамъ приносимаго вреда и отношенію къ человѣку. Еще лучшій образецъ измѣнчивости и приспособленія къ различнымъ мѣстностямъ даетъ намъ, впрочемъ, слѣдующій хищникъ.

Глава 101. Тигръ

Felis tigris

Рисунок 101.1. Тигръ

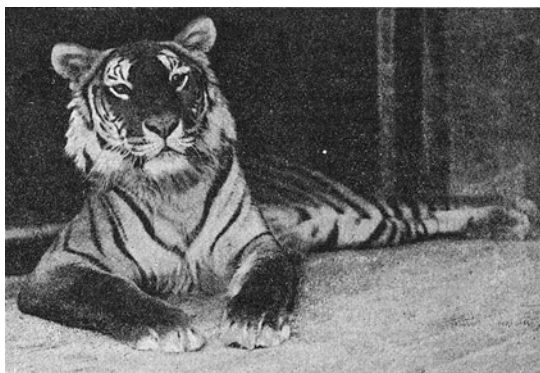

Рис. 194. Тигръ.

Больше чѣмъ тяжеловѣсный левъ, съ его необычайною для кошекъ стадною шумливостью, и больше чѣмъ пугливо-благодушная по нраву пума тигръ издавна считался образцомъ и прототипомъ хищнаго животнаго. Недаромъ издавна привыкли говорить о «кровожадности, коварствѣ и неукротимой лютости» этого хищника. На дѣлѣ тигръ приручается не менѣе легко, чѣмъ одомашненная кошка, и въ строеніи своемъ онъ раздѣляетъ всѣ существенныя свойства этого животнаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только присмотрѣться къ отдыхающему тигру (Рис. 101.1) и продолжить (начатое въ описаніи пумы) разсмотрѣніе признаковъ, типичныхъ для строенія кошекъ вообще.

Начнемъ съ конечностей. Въ отличіе отъ тонкихъ и сухихъ конечностей собакъ, которымъ лапы служатъ лишь орудіемъ передвиженія — лапы тигра, мускулистыя, широкія, являются орудіемъ борьбы. Отсюда — неподвижные тупые когти первыхъ и подвижность, острота когтей — вторыхъ. Эта подвижность въ выпусканіи и прятаніи когтей возможна вслѣдствіе особой гибкости конечныхъ пальцевъ, ихъ способности сгибаться, складываться въ концевыхъ суставахъ. Втягиваясь въ состояніи покоя, пальцы кошекъ обуславливаютъ короткость и округлость лапы. Гибкость пальцевъ дѣлаетъ и то, что не въ примѣръ собакамъ, опирающимся при ходьбѣ, на пальцы, кошки пользуются ими лишь при лазаньѣ и при прыжкѣ. Обычно, же, на ровномъ мѣстѣ, кошка ходитъ съ высоко приподнятыми пальцами и не касается до земли когтями, опираясь мягкими мозолевидными подушками, сидящими при основаніи пальцевъ на конечностяхъ обѣихъ паръ. Мозоли эти (хорошо замѣтныя на фигурѣ пумы, ранѣе описанной) дѣлаютъ движенія животнаго беззвучными. Понятно, что бесшумность эта облегчаетъ хищнику неслышно подходить къ своей добычѣ. Очевидно также, что вся выгода такого мягкаго ступанья терялась бы при суетливомъ нравѣ, самого животнаго, особенно при обитаніи въ лѣсной чащѣ и при охотѣ ночью. О ночныхъ повадкахъ говорить и совершенство слуха, какъ о томъ свидѣтельствуется и величина, и положеніе ушей, торчащихъ прямо и впередъ, готовыхъ уловить малѣйшій шорохъ, раздающійся въ ночной тиши. О томъ же, объ охотѣ ночью, говорите общеизвѣстная способность кошекъ видѣть въ темнотѣ. Способность эта выражается въ свѣченіи кошачьихъ глазъ, отчасти переданномъ и на прилагаемыхъ рисункахъ тигра. Это свойство глазъ зависитъ отъ способности улавливать малѣйшіе слѣды дневнаго свѣта въ темнотѣ и отражать, отбрасывать часть свѣтовыхъ лучей. Какъ ни мало потребное для отраженія лучей количество послѣднихъ, но при полномъ ихъ отсутствіи, при совершенномъ мракѣ, невозможно ни свѣченіе глазъ, ни видѣніе у кошекъ. На выручку является тогда другое чувство — осязаніе. Оно связано съ «усами» кошекъ, хорошо извѣстными пучками длинныхъ и чувствительныхъ волосъ, сидящихъ по бокамъ, отъ носа, на губахъ, щекахъ и надъ глазами. Эти осязательные волосы («вибриссы») воспринимаютъ самыя тончайшія прикосновенія, оберегая кошекъ отъ случайныхъ натуканій ихъ о сучья и другіе встрѣчные предметы и препятствія, столь неизбѣжныя при ихъ ночныхъ скитаніяхъ. Легко понять, что пользование этими «вибриссами» предполагаетъ медленное, осторожное движеніе ощупью, спокойствіе, терпѣніе, свойственныя кошкамъ. Движущемуся напроломъ медвѣдю или рыскающему безъ разбору волку, суетливому и безпокойному, не до ощупыванія дорогъ. Вотъ почему у названныхъ двухъ хищниковъ «усы» лишь слабо развиты.

Другое свойство кошек, хорошо замѣтное на разбираемой фигурѣ тигра, это сильная округлость головы. Такая ея форма объясняется отсутствіемъ далеко выступающаго носа (соотвѣтственно чему и обоняніе кошекъ слабо развито) и сильною мускулатурой челюстей, охватывающей съ боковъ виски и вызывающей скуластость черепа. Короткость черепа находится въ связи съ уменьшеннымъ (сравнительно съ собаками) количествомъ зубовъ (30) и усиленіемъ ихъ мощности, а непригодность ихъ для нанесенія тонкихъ пораненій возмѣщается особеннымъ строеніемъ языка. Широкій, длинный и подвижный онъ усаженъ многочисленными роговыми зубчиками и сосочками, настолько жесткими, что проведеніе имъ по кожѣ жертвъ достаточно для расцарапыванія до крови.

Что касается добычи тигра, то она измѣнчива смотря по мѣстности: отъ крупныхъ травоядныхъ и до рыбъ и черепахъ, а при безкормицѣ — до ящерицъ, лягушекъ и кузнечиковъ. Подобно льву и тигрь часто падается на падали, охотно возвращаясь къ недоѣденной добычѣ. За истребленіе оленей, буйволовоу и кабановъ, вытаптывающихъ посѣвы, тигрь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считается полезнымъ хищникомъ и не преслѣдуется жителями. Эта большая терпимость и отчасти малодушіе туземцевъ Азии является причиною тому, что тигры легче и обычнѣе чѣмъ львы становятся такъ называемыми людоедами. Послѣдніе обыкновенно ограничиваются тасканьемъ беззащитныхъ и напуганныхъ туземцевъ, избѣгая встрѣчи съ европейцами. Скрыванью отъ охотниковъ особенно благопріятствуетъ цвѣтъ тигроваго мѣха. Испещренная неправильными темными полосками по ржаво-охристому фону шкура тигра превосходно согласуется съ окраской обитаемыхъ имъ зарослей: чередованіе тѣней и свѣта среди стеблей камыша сливается съ подобными же полосами, покрывающими тѣло тигра. Не слѣдуетъ, однако, и преувеличивать значеніе подобной покровительственной окраски тигра. Широко распространенный за предѣлами болотистой и жаркой Индіи отъ Закаспійской области до Пріамурской, тигрь въ этихъ сѣверныхъ частяхъ своей обширной родины проводитъ зиму въ снѣговыхъ сугробахъ степи и тайги, не получая никакой особой пользы изъ своей окраски. Этотъ **уссурійскій** тигрь отличается отъ тигра **королевскаго** (Рис. 102.1), **персидскаго** и **туркестанскаго** (Рис. 101.2) болѣе крупнымъ ростомъ, блеклою окраской и густой и длинной шерстью, доставляющей защиту противъ холода и вьюги.

Рисунок 101.2. Туркестанскій тигрь

Рис. 195, bis. Туркестанскій тигрь.

Глава 102. Пантера

Felis pardus

Рисунок 102.1. Пантера

Рис. 195. Пантера.

Вмѣстѣ съ близко родственнымъ ей **леопардомъ** представляетъ образецъ самаго стройнаго и ловкаго въ движеніяхъ хищника съ красиво разрисованной, пятнистой шкурой. Не въ примѣръ болѣе крупнымъ Старо-Свѣтскимъ кошкамъ, льву и тигру (изъ которыхъ первый никогда, второй лишь изрѣдка взбирается на дерево), пантера превосходно лазааетъ. Подобно льву и тигру этотъ хищникъ часто попадаетъ на падали, подобно имъ обычно возвращается повторно къ недоѣденной добычѣ, вообще же отличается отъ нихъ колючимъ, бродячимъ нравомъ. Уступая льву и тигру и въ величинѣ, и въ силѣ, но превосходя обоихъ легкостью и бѣшеной отвагой, пантеры, будучи обезпкоены, гораздо чаще ихъ бросаются на человѣка, легче ихъ скрываются въ опасности. Послѣднее въ высокой мѣрѣ облегчается пятнистой шкурой хищника. Забившись въ густотѣ вѣтвей, пантера на ближайшемъ разстояніи становится невидимой, настолько совершенно черные глазки на золотисто-желтой ея шкурѣ совпадаютъ съ пестротою листьевъ и перебѣгающихъ по нимъ тѣней и бликовъ¹.

Интересна также сильная измѣнчивость этихъ пятнистыхъ хищниковъ въ зависимости отъ ихъ родины. Послѣдняя весьма обширна: весь африканскій материкъ и большая часть Азіи. Живущихъ въ Африкѣ, болѣе мелкихъ ростомъ, съ мелкими пестринами и легкимъ складомъ называютъ **леопардами** въ отличіе отъ собственно **пантеръ**, водящихся на югѣ Азіи и прилегающихъ къ ней островахъ, но проникающихъ довольно далеко и къ сѣверу, и къ западу. И тутъ, и тамъ животныя замѣтно отличаются отъ болѣе типичныхъ южныхъ формъ. Такъ, у пантеръ, встрѣчающихся въ Персіи и въ Закавказьѣ (**снѣжная пантера** — *Felis pardus tulliana*, Рис. 102.1), основной фонъ шерсти блѣдно-сѣровато-палевый, подъ цвѣтъ белѣе тусклой окружающей природы. Еще болѣе безцвѣтна, но не менѣе эффектна внѣшность сѣвернаго представителя пантеры — **барса** (*Felis uncia*, Рис. 102.2) — обитателя высокихъ снѣжныхъ азіатскихъ горъ. Съ густою шерстью, серебристо-пепельнаго цвѣта, съ крупными расплывчатыми пятнами, съ пушистымъ кольчатымъ хвостомъ и выразительными сѣрыми глазами барсъ являетъ превосходный образецъ приспособленія къ жестокимъ стужамъ и снѣгамъ своей суровой родины.

Рисунок 102.2. Барсы

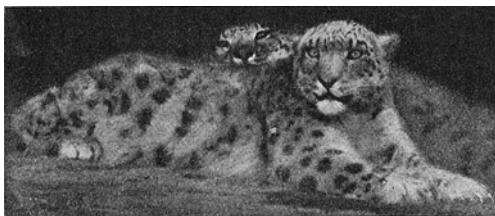

Рис. 196. Барсы.

¹ Какъ и въ предыдущемъ случаѣ не слѣдуетъ, однако придавать чрезмѣрное значеніе подобной защитной окраски и рисунка, памятуя, что отлично лазающая пума также хорошо скрывается, имѣя одноцвѣтную окраску, а живущій вмѣстѣ съ ней въ тропическихъ лѣсахъ Америки болѣе крупный и тяжелый хищникъ **ягуаръ** еще пестрѣе разрисованъ, нежели пантера. Замѣчательно и то, что на ряду съ обыкновенной, пестрой формой попадаются однообразно черныя пантеры, каковыя особи эти мало не страдаютъ отъ отсутствія глазчатаго рисунка.

Глава 103. Ежъ

Erinaceus europaeus

Рисунок 103.1. Ежъ на бѣгу

Рис. 197. Ежъ на бѣгу.

Звѣрекъ на первый взгляд и отдаленно не напоминаетъ хищника: и мелкіе размѣры, и пугливый нравъ, и узкое свиное рыльце словно говорятъ о безобидности ежа, о неспособности его иначе защищать себя, какъ помощью своихъ колючекъ. Эти иглы, покрывая только верхнюю часть тѣла, при спокойномъ положеніи (Рис. 103.1) оставляютъ безъ защиты брюхо и переднюю часть головы и шеи. Растяжимость кожи, одѣвающей все тѣло наподобіе мѣшка, позволяетъ при опасности звѣрку мгновенно свертываться въ клубокъ (Рис. 103.2) и прятать подъ колючки всю незащищенную часть тѣла. Въ этомъ свернутомъ шарообразномъ видѣ иглы, обращенныя дотолѣ остріями кзади, ставятся отвѣсно и отлично защищаютъ ежика отъ большинства его враговъ. Тѣмъ интереснѣе, что у ежа его колючій панцырь служитъ не однимъ только орудіемъ защиты. Свернутый клубочкомъ *ежъ* какъ мячикъ скатывается съ обрывовъ, падая безъ всякаго вреда для тѣла на упругія колючки. Еще болѣе оригинально пользуется ежъ своими иглами для собиранія плодовъ. Найдя послѣдніе подъ деревомъ, онъ принимается валяться среди нихъ, нанизываетъ на свои шипы эти опавшіе плоды и, нагруженный ими, убѣгаетъ въ свое логово, чтобы тамъ стряхнуть свою добычу. Помощью колючекъ, упиравъ ими въ землю, ежъ задерживаетъ прыткихъ ящерицъ или лягушекъ. Тѣми же колючками, надвинутыми далеко впередъ на лобъ, звѣрекъ обороняется и отъ укусовъ ядовитыхъ змѣй. Въ борьбѣ съ послѣдними ежъ обнаруживаетъ почти полную невосприимчивость къ ихъ яду, что въ соединеніи съ ловкостью и осторожностью звѣрка обычно обезпечиваетъ за нимъ побѣду. Ту же ловкость проявляетъ ежъ и при охотѣ на мышей, вытаскивая ихъ изъ норъ своимъ миниатюрнымъ рыльцемъ. Тонкое, подвижное оно весьма пригодно также для исканія и ловли насѣкомыхъ, вырываніе которыхъ производится посредствомъ острыхъ коготковъ, а размельченіе — мелкими, но острыми зубами. Дѣйствуя послѣдними, какъ длинными и острыми щипцами, ежикъ схватываетъ даже птицъ и разбиваетъ яйца. Наносимый этимъ вредъ съ избыткомъ возмѣщается огромной пользой, приносимою ежомъ уничтоженіемъ мышей и насѣкомыхъ. Покушеніе же на домашнихъ птицъ возможно объяснить отсутствіемъ другой болѣе обычной пищи и случайнымъ предрасположеніемъ къ такимъ охотамъ, какъ случайно приучаются къ охотѣ на людей львы, тигры и пантеры. Въ отношеніи своихъ многообразныхъ жертвъ ежъ, впрочемъ, настоящій хищникъ, въ совершенствѣ пользующійся своей колючей броней, какъ орудіемъ передвиженія, доставки пищи, обороны и дѣйствительнаго нападенія. Не то приходится сказать о слѣдующемъ существѣ.

Рисунок 103.2. Ежъ, свернувшійся клубкомъ

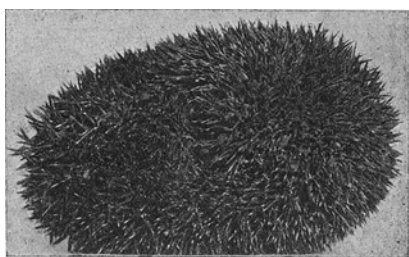
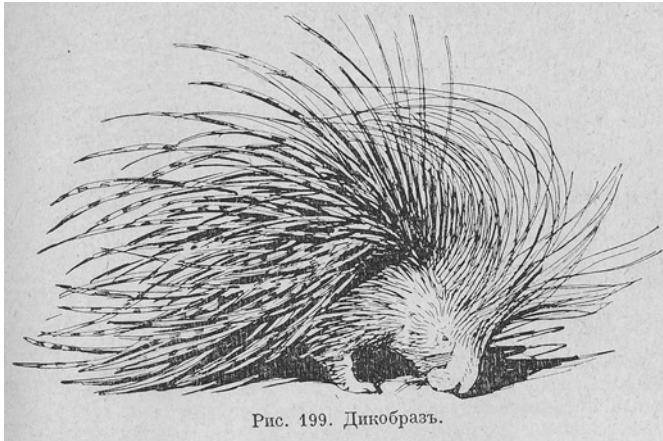

Рис. 198. Ежъ свернувшійся клубкомъ.

Глава 104. Дикобразъ

Hystrix cristat

Рисунок 104.1. Дикобразъ

Внушительный по виду, съ длинными широко разставляемыми въ гнѣвѣ иглами, съ высокой гривой на затылкѣ, съ фыркающимъ голосомъ и съ жуткимъ трескомъ, вызываемымъ движеніемъ особыхъ погремковъ при основаніи хвоста — **обыкновенный дикобразъ** на дѣлѣ безобидное трусливое созданіе, питающееся корой и листьями. Выходитъ на добычу ночью, днемъ скрываясь въ норахъ по глухимъ, безлюднымъ мѣстностямъ юга Европы, Азіи и прилежащей части Африки.

Въ отличіе отъ ежа, принадлежащаго къ порядку **насъкомоядныхъ**, дикобразъ относится къ разряду **грызуновъ**, какъ это явствуетъ изъ пары долотообразныхъ, сильно выдающихся зубовъ, сидящихъ спереди, какъ сверху, такъ и снизу, и служащихъ для срѣзанія корней и вѣтокъ, но лишь рѣдко примѣняемыхъ для самообороны. Дикобразъ — хорошій образецъ животного, лишь угрожающаго съ виду, но безвреднаго по существу. Такая мнимая угроза еще лучше проявляется въ повадкахъ слѣдующаго звѣрка.

Глава 105. Агути или золотой заяцъ

Dasyprocta aguti

Рисунок 105.1. Агути въ спокойномъ настроеніи

Рис. 200. Агути въ спокойномъ настроеніи.

Рисунок 105.2. Агути въ возбужденномъ состояніи

Рис. 201. Агути въ возбужденномъ состояніи.

Родомъ изъ тропической Америки, гдѣ замѣняетъ нашихъ кроликовъ и зайцевъ. Отличаясь отъ послѣднихъ рядомъ признаковъ: золотисто-желтымъ волосомъ, когтями на подобіе копытецъ, болѣе короткими ушами и недоразвитіемъ хвоста, — **агути** нѣсколько походитъ на морскую свинку крупнаго размѣра, съ тонкими, высокими ногами и съ удлиненной шерстью въ области крестца. Малопримѣтные въ спокойномъ положеніи волоса эти при возбужденномъ состояніи (Рис. 105.2) звѣрка, особенно въ испугѣ, поднимаются и образуютъ нѣчто въ родѣ огненнаго помела, которое охватываетъ сзади все животное и придаетъ ему внушительный и болѣе страшный видъ. Однако, еще меньше, чѣмъ у дикобраза, (у котораго колючій панцырь можетъ оказать препятствіе для нападающихъ), взъерошенная шерсть агути можетъ отпугнуть серьезнаго врага. Это «движеніе угрозы» способно развѣ вызвать замѣшательство послѣдняго, достаточное, впрочемъ, для того, чтобы помочь звѣрку укрыться въ норку или обратиться въ бѣгство.

Глава 106. Заяць бѣлякъ

Lepus variabilis

Рисунок 106.1. Заяць бѣлякъ

Рис. 202. Заяць-бѣлякъ.

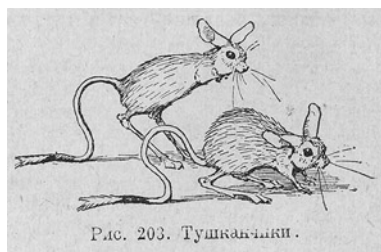
Считаемый издавна образцомъ безпомощнаго, беззащитнаго созданія заяць на дѣлѣ превосходно защищенъ отъ многочисленныхъ своихъ враговъ, такъ всего прежде быстротою бѣга и умѣніемъ на всемъ скаку выдѣлывать крутые повороты («петли») и внезапно прилегать къ землѣ. Такая быстрота движеній обусловлена длиною заднихъ ногъ и гибкостью спины животнаго: особенности эти хорошо замѣтны на фигурѣ отдыхающаго зайца (Рис. 106.1), съ его круто согнутой спиной и тоекратно сложенными лапками. Не менѣе чѣмъ быстрота движеній помогаетъ зайцу при опасности его умѣніе замѣтить своевременно своихъ враговъ: отсюда — длинныя и подвижныя уши и чувствительный, подвижный носъ надъ расщепленными губами, обрамленными чувствительными волосами. Бдительности зайца соотвѣтствуетъ короткость вѣкъ и неспособность ихъ смыкаться надъ глазами: заячьи глаза всегда открыты, даже при дремотѣ. Этимъ возмѣщается отчасти боковое положеніе ихъ на головѣ животнаго, мѣшающее видѣть хорошо передъ собой. Въ борьбѣ со стужей заяць отлично защищенъ густою шерстью, а въ борьбѣ съ безкормицей — неприхотливостью въ питаніи. Свойства эти дѣлаютъ возможнымъ обитаніе его даже на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ онъ, не повергаясь въ спячку, кормится корой осинъ и прочихъ листовенныхъ деревьевъ. Наилучшею защитой зайцевъ въ ихъ борьбѣ за жизнь служитъ, впрочемъ, ихъ необычайная плодовитость. Ежегодно общее число зайчатъ, рождаемыхъ одною парой, можетъ доходить до двадцати, причемъ въ отличіе отъ кроликовъ зайчата появляются на свѣтъ одѣтые пушкомъ и зрячіе.

Взятыя вмѣстѣ перечисленныя свойства зайца выставляютъ этого звѣрка, какъ образецъ многообразнаго приспособленія въ борьбѣ съ живой и мертвою природой.

Глава 107. Тушканчикъ

Alactaga acontion

Рисунок 107.1. Тушканчикъ

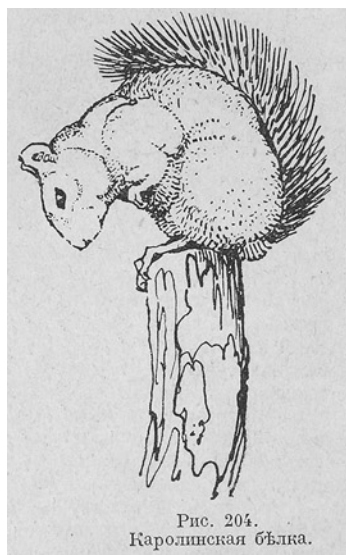
Больше чѣмъ у зайца строеніе **тушканчика** опредѣляется размѣрами ушей и заднихъ лапокъ и направлено къ двойной цѣли: своевременно услышать и скорѣе убѣжать. Большія и широкія, торчащія раструбомъ уши говорятъ за обитаніе его въ открытой мѣстности; большіе выпуклые темные глаза — о сумеречныхъ и ночныхъ повадкахъ; о томъ же говорятъ и длинные чувствительные волоски, сидящіе на рыльцѣ и служащіе орудіемъ осязанія.

Необычайная длина и тонкость заднихъ лапокъ объясняетъ то, что лишь при медленномъ передвиженіи (Рис. 107.1, передняя фиг.), только сильно сгорбившись, тушканчики касаются земли передними ногами, короткими и слабыми. Напротивъ, на бѣгу (Рис. 107.1, задн. фиг.) эти послѣднія прижаты къ тѣлу и почти невидимы: движеніе совершается однѣми задними ногами въ формѣ быстро слѣдующихъ скачковъ. При этомъ хвостъ играетъ роль руля, дающаго возможность совершать крутые повороты, а пучокъ двурядно расположенныхъ волосъ на кончикѣ хвоста содѣйствуетъ поддерживанію тѣла на сыпучей, рыхлой почвѣ. Но и самая окраска шерсти, желтовато-сѣрая, подъ цвѣтъ песка, свидѣтельствуеетъ, что тушканчикъ — житель степи и пустыни, а отсутствіе волосъ на лапкахъ и ушахъ — объ обитаніи его въ тепломъ климатѣ. Чувствительные къ холоду тушканчики впадаютъ въ спячку съ приближеніемъ зимы и забиваются въ нору при всякомъ пониженіи температуры. Послѣднее и объясняетъ трудность наблюденія ихъ въ неволѣ.

Глава 108. Бѣлка

Sciurus vulgaris

Рисунок 108.1. Каролинская бѣлка

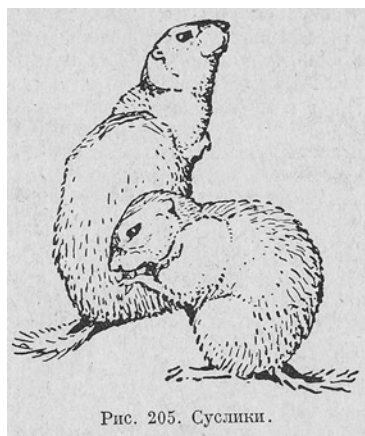
Хорошо извѣстный обитатель нашихъ хвойныхъ или лиственныхъ лѣсовъ, въ вѣтвяхъ которыхъ онъ соперничаетъ съ птицами въ подвижности и нрава, и движеній. Съ замѣчательною ловкостью бѣжитъ звѣрекъ вверхъ по отвѣсному стволу, цѣпляясь острыми когтями за кору; вотъ онъ метнулъ на боковой сучокъ, легко и смѣло галоппируетъ вдоль вѣтви до конца ея. Еще мгновение и, разставивъ лапки, распутивши хвостъ, звѣрекъ летитъ по воздуху наклонно внизъ къ ближайшему суку другого дерева, чтобы, довѣрившись ему, играя и рѣзвясь, продолжить свой воздушный бѣгъ. Во всѣхъ движеніяхъ звѣрка большую роль играетъ хвостъ: пушистый, плоскій онъ то дѣйствуетъ какъ руль при поворотахъ, то какъ парашютъ, для замедленія полета. Тотъ же хвостъ служитъ отличнымъ одѣяломъ, согрѣвающимъ звѣрка во время холода. Чувствительныя къ непогодѣ бѣлки передъ наступленіемъ ея скрываются въ гнѣздо, устроенное на развилкѣ дерева или въ дуплѣ, а передъ наступленіемъ зимы и связанной съ ней безкормицы устраиваютъ подъ корнями пней и въ дуплахъ склады пищевыхъ веществъ: сѣмянъ, орѣховъ и грибовъ. Послѣдніе звѣрекъ нанизываетъ на сухіе сломанные у вершины сучья. И однако же, ни эту цѣлесообразность въ сохраненіи плодовъ, ни самую манеру запасаться ими впродъ нельзя разсматривать, какъ выраженіе ума животнаго, и думать, что оно сознательно готовитъ пищу про запасъ, на черный день. Разумныя въ своихъ конечныхъ цѣляхъ эти дѣйствія звѣрка на дѣлѣ производятся имъ безсознательно — велѣніемъ инстинкта. Это явствуетъ изъ наблюденія надъ сѣверо-американской (**каролинской**) бѣлкой (Рис. 108.1), отличающейся отъ европейской и наружностью, и тѣмъ, что накопленіе запасовъ производится у ней закапываніемъ орѣховъ въ землю. Молодыя бѣлочки этого вида, вынутыя изъ гнѣзда съ вершины дерева и не видавшія на волѣ ни орѣховъ, ни земли, ни зарыванія въ землю, при избыткѣ корма прятали, ища укромнаго угла, даваемые имъ орѣхи, бѣгая по комнатѣ. И это несмотря на явную безцѣльность ихъ стараній.

Запасаніе пищи наблюдается, однако, лишь у бѣлокъ сѣвернаго пояса, отсутствуя у обитательницъ тропическаго. Какъ на представителя послѣднихъ можно указать на бѣлку **королевскую** изъ Индіи, красиво-рзрисованную и размѣрами значительно превосходящую своихъ болѣе тусклыхъ сѣверныхъ сородичей.

Глава 109. Сусликъ

Spermophilus spec...

Рисунок 109.1. Суслики

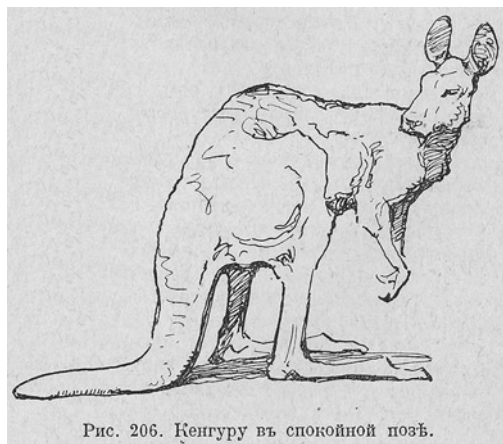
Въ отличие отъ бѣлокъ, обитателей тѣнистаго сплошнаго лѣса, суслики типичны для облитой солнцемъ степи. Небольшіе, юркіе, окраской походящіе на выжженную почву суслики весьма обыкновенны въ южной полосѣ Россіи и порою причиняють здѣсь огромный вредъ уничтоженіемъ посѣвовъ. Несмотря на сильныя преслѣдованія и челоуѣкомъ, и животными звѣрекомъ успѣшно борется съ обоими, ведя полуподземный образъ жизни и скрываясь въ норку при опасности. Подобно многимъ, сходнымъ по наружности и нраву грызунамъ, (среди которыхъ наиболѣе извѣстны **байбаки**, болѣе крупные общительные обитатели степей, и хомяки, болѣе мелкіе и ярко разрисованные грызуны умѣреннаго пояса) и суслики проводятъ зиму въ состояніи длительного сна безъ пищи и движенія, расходуя запасы жира, накопившагося съ осени. Впаденіе въ спячку связано съ задержкой жизнедѣятельности животныхъ: медленнѣе бьется сердце, рѣже производится дыханіе, сильно падаетъ температура. Только съ возвращеніемъ тепла весной (а при искусственномъ отогрѣваніи и въ любое время) сусликъ оживляется и принимаетъ пищу. Также пробуждается звѣрекомъ и при чрезмѣрномъ пониженіи окружающей температуры: интересное приспособленіе противъ замерзанія при наступленіи сильныхъ холодовъ зимою.

Впрочемъ, беззащитность суслика и скрытность его нрава свойственны и большей части грызуновъ, среди которыхъ, какъ мы видѣли, есть существа наземныя и водныя, (см. стр. 24 [40]), а среди первыхъ — роющія, скачущія, лазащія и летающія существа.

Еще разнообразнѣе строеніе и нравы въ слѣдующей группѣ.

Глава 110. Кенгуру и вомбаты

Рисунок 110.1. Кенгуру в спокойной позе

Знакомит нас с строением животных, относящихся к разряду **сумчатых** — название, данное им вследствие присутствия у большей части относящихся сюда животных складки кожи, расположенной на брюхе и служащей местом укрывания детенышей. Последние являются на свет в весьма несовершенном виде и в течение многих месяцев донашиваются в этой сумке, входное отверстие в которую способно плотно замыкаться. Но и выросшие и окрепшие детеныши довольно долго пользуются сумкой матери как временным приютом и защитой при опасности. Весьма разнообразны по складу и повадкам сумчатые водятся по преимуществу в Австралии и замещают там обыкновенных хищных, травоядных, лазящих и роющих животных.

Рисунок 110.2. Скачущий кенгуру

Рисунок 110.3. Кенгуру при медленном передвижении

Кенгуру, (*Macropus*, Рис. 110.1) которых различают много видов — с непомёрно развитыми задними ногами и хвостом, клинообразной формой тела, толстой сзади, узкой спереди, обычно вертикальной в положении покоя, с слабыми передними ногами, тонкой шеей, узкой маленькой головкой и большими, длинными ушами. Двигается кенгуру то медленно, ползком (Рис. 110.3), попеременно упираясь то передними ногами и хвостом, то задними ногами, занося последние наружу и вперед от первых, то стремительными легкими прыжками (Рис. 110.2) помощью одних лишь задних ног, в то время как передние прижаты к телу, а массивный хвост, не прикасаясь к почве, действует как руль при поворотах. Эти быстрые, проворные животные в сухой и знойной австралийской степи замещают наших жвачных травоядных.

Вомбат (*Phascolomys wombat*, Рис. 110.4) с низкими ногами, без хвоста, с валькообразной формой тела, с толстой и широколобой головой, с короткими ушами и неуклюжей мордой. Кормится корнями и клубнями, которые выкапывает из земли; в землю же роет свое логово, в котором и проводит день. Лишь с наступлением ночи выбирается он из норы и отправляется на промысел, в развалку, медленно, не торопясь.

В неволе вомбата обыкновенно видишь спящим, свернутым в клубок. Но и во время бодрствования животного — оно немногим интереснее в виду необычайной своей тупости. Подобное же тупоумие, со-

единенное съ пугливостью и малою общительностью, свойственно и кенгуру, и большинству животных той же группы.

Этой малою духовной одаренностью въ извѣстной степени возможно объяснить тотъ фактъ, что нѣкогда распространенныя въ Европѣ сумчатые вымерли у насъ и уступили мѣсто болѣе высоко одареннымъ существамъ, и что доселѣ ни одно изъ сумчатыхъ (не исключая кенгуру, отлично выживающихъ въ Европѣ) не дало домашняго животного. Примѣръ этотъ показываетъ намъ, что акклиматизація животного не то же, что его **одомашненіе**. Первое — успѣшность приученія животного къ другому климату, питанію и къ необычнымъ вообще условіямъ среды — зависитъ отъ **тѣлесныхъ** свойствъ животного. Второе — именно одомашненіе, требуетъ со стороны животного извѣстныхъ **умственныхъ** способностей, какъ основанія духовнаго общенія животного и человѣка.

Рисунок 110.4. Вомбать

Рис. 209. Вомбать.

Глава 111. Зубръ

Bison europeus

Рисунок 111.1. Зубръ изъ Бѣловѣжской пуши

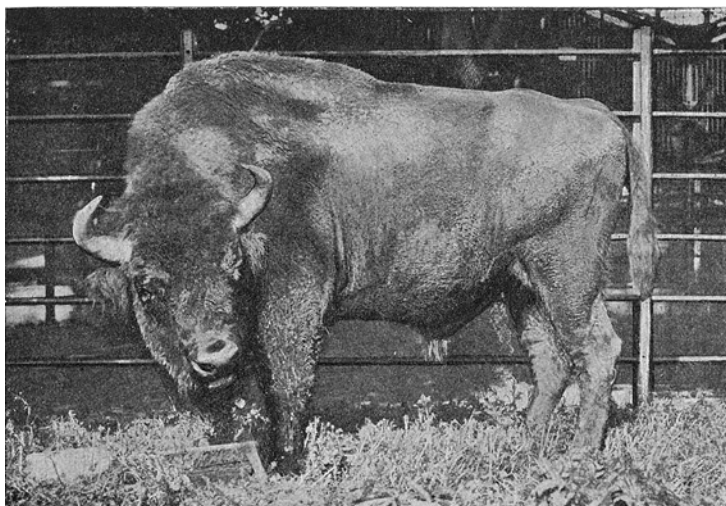

Рис. 210. Зубръ изъ Бѣловѣжской пуши.

Вмѣстѣ съ нижеслѣдующимъ примѣромъ — и въ отличіе отъ предыдущаго — показываетъ намъ, какъ мало успѣваетъ человѣкъ въ одомашненіи даже такихъ существъ, которыя, не требуя особой акклиматизаціи, самой природой словно предназначены для непосредственной разумной пользы человѣку.

Зубръ, дикій европейскій быкъ, могучее животное, высокое въ загривкѣ, плотное, сутулое, съ тяжелой головой, короткими рогами и землисто-ржаво-бурой шерстью, равномерно удлиненной на передней части тѣла. Раздѣляя съ прочими быками относительную слабость зрѣнія, но превосходно развитые слухъ и обоняніе, зубры, несмотря на свою силу и выносливость — мирныя и робкія животныя (за исключеніемъ старыхъ, отдѣлившихся отъ стадъ быковъ, болѣе злобныхъ и запальчивыхъ по нраву), умѣренно общительныя, всего чаще наблюдавшіяся небольшими стаями. Казалось бы, что эти свойства зубровъ издавна должны были навести на мысль о попыткѣ ихъ одомашненія, тѣмъ болѣе, что приручались зубры безо всякаго труда, отлично уживаясь въ положеніи домашняго рогатаго скота и даже скрещиваясь съ нимъ. На дѣлѣ объ одомашненіи зубра вспомнили, когда ужъ было поздно. Широко распространенный нѣкогда и въ западной Европѣ, и въ Россіи зубръ въ дикомъ состояніи нынѣ водится лишь на Кавказѣ, а немного мѣсяцевъ тому назадъ водился въ Вѣловѣжской пушцѣ Гродненской губерніи. Здѣсь за послѣднее столѣтіе остатки зубровъ содержались подъ охраной и на попеченіи казны, охраной слишкомъ поздней, чтобы пріостановить начавшееся вымираніе животныхъ. Слишкомъ грубо шло ихъ истребленіе въ минувшіе вѣка. Достаточно сказать, что около середины позапрошлаго столѣтія на охотахъ польскихъ королей въ теченіе однѣхъ лишь сутокъ бесполезно и безцѣльно убивалось до 60 зубровъ: грустный образецъ того, какъ далеки и чужды были вѣку гуманизма чувства истинной гуманности и піэтизма въ отношеніи Природы и сознанія отвѣтственности въ дѣлѣ сохраненія ея.

Глава 112. Бизонъ

Bison americanus

Рисунок 112.1. Бизонъ

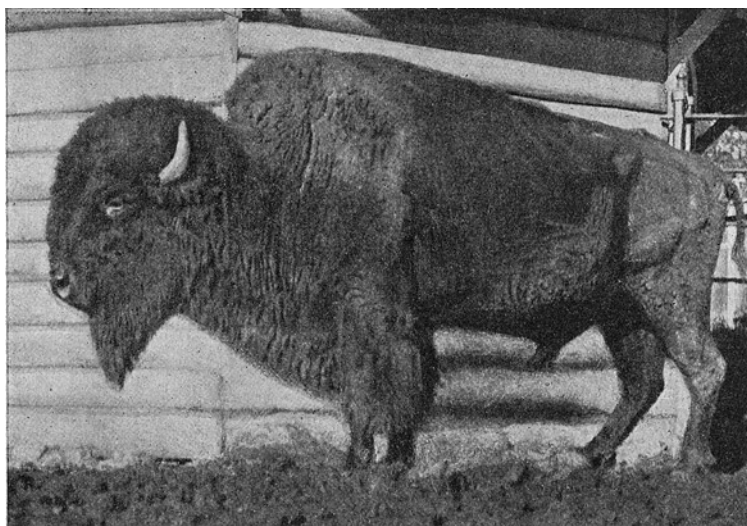

Рис. 211. Бизонъ.

Достойный представитель зубра въ Сѣверной Америкѣ — бизонъ замѣтно отличается отъ европейскаго собрата большей высотой въ загривкѣ, слабостью въ крестцѣ, округлой головой, болѣе слабыми рогами, болѣе густою шерстью, удлиненной въ видѣ гривы на плечахъ и въ видѣ бороды на подбородкѣ. Но и въ отношеніи повадокъ существуетъ разница между обоими гигантами. Въ отличіе отъ зубровъ, лишь умѣренно общительныхъ, осѣдлыхъ обитателей глухихъ лѣсовъ — бизоны были свойственны открытой степи и водились здѣсь огромными стадами, безпрестанно кочевавшими въ исканіи новыхъ пастбищъ и защиты отъ индѣйцевъ. Это коренное населеніе Америки не помышляло, правда, объ одомашненіи бизоновъ и жило охотою на нихъ. И все же не оно повинно въ истребленіи миллионныхъ стадъ бизоновъ, отъ которыхъ нѣкогда на многіе десятки верстъ чернѣла степь, словно покрытая гигантскимъ и живымъ ковромъ. Причиной гибели животныхъ слѣдуетъ признать: желѣзныя дороги, проведенныя въ нетронутой дотолѣ степи, улучшеніе огнестрѣльнаго оружія, довѣрчивость самихъ животныхъ, полное отсутствіе для нихъ охраны государства, наконецъ — и всего прежде — человѣческую грубость, человѣческую алчность.

Едва успѣла тихоокеанская желѣзная дорога раздѣлить сплошныя нѣкогда стада бизоновъ надвое, какъ началось ихъ массовое истребленіе. Тысячами падали животныя подъ пулями обезумѣвшихъ отъ наживы лицъ и устилали степь холмами разлагающихся труповъ, брошенныхъ по удаленіи шкуры или даже только языка животныхъ. Избивались поголовно, независимо отъ возраста, отъ степени пригодности и отъ возможности использованія жертвъ. Прошло не больше одного десятилѣтія (1871 — 1880 г.), и отъ миллионныхъ стадъ этого гордаго животнаго — за вычетомъ немногихъ сотенъ, спасшихся случайно и нашедшихъ позднюю охрану въ заповѣдникахъ — остались только груды сложенныхъ костей, скупавшихся на удобреніе почвы.

Глава 113. Заключение

Рисунок 113.1. На пути изъ Сада

Рис. 212. На пути изъ Сада.

«Природа громко говоритъ
Понятное простымъ сердцамъ,
Но рассказать не можетъ намъ
Всего, что грудь ея таитъ,
Всего, что слышитъ лишь пророкъ
И понимаетъ, какъ намекъ, —
Намекъ на то, что въ глубинѣ
Немногихъ душъ лежитъ на днѣ».

Мы кончили осмотръ. По дорожкѣ, пробѣгающей вдоль пруда и ведущей къ выходу, мы на пути изъ Сада еще разъ пытаемся возстановить все видѣнное, подвести ему итогъ, дать общую оцѣнку. Къ этой заключительной оцѣнкѣ побуждаетъ насъ не только глубоко естественная вообще потребность уяснить себѣ значеніе всякаго полученнаго знанія. Оцѣнка эта въ данномъ случаѣ особенно необходима по причинѣ ея трудности. Последняя же коренится глубоко въ самомъ характерѣ разсмотрѣннаго учрежденія. Характерное свойство всѣхъ зоологическихъ садовъ, не исключая величайшихъ въ Западной Европѣ — полное отсутствіе разумнаго, естественнаго плана и порядка въ размѣщеніи животныхъ или ихъ отдѣльныхъ группъ. Последнія распредѣляются то порознь, то вмѣстѣ, начинаясь и оканчиваясь произвольно и случайно. Возвращаясь къ сдѣланному ранѣе (стр. 5 [xiii].) сравненію, можно было бы сказать: единая и цѣльная Природа посѣтителемъ зоологическаго сада представляется не книгой, а собраніемъ разрозненныхъ и перемѣшанныхъ листовъ. Задача наша — сочетать эти листы въ одно простое гармоническое цѣлое.

Какъ ни измѣнчивы составъ и размѣщеніе животныхъ нашего зоологическаго сада, самый безпорядокъ этотъ только отгѣнялъ то общее, что связывало ихъ: таинственную связь между строеніемъ животныхъ и природными условіями ихъ жизни. Эта тѣсная зависимость животнаго отъ окружающей среды сквозила въ каждой формѣ, въ каждомъ поворотѣ и движеніи животнаго, опредѣляла поведеніе его въ неволѣ, помогала мысленно перенести его въ условія привольной жизни. Мы убѣждались въ этомъ съ самаго начала нашего осмотра на знакомствѣ съ группой хищныхъ птицъ. Однообразные въ неволѣ эти хищники на волѣ поражаютъ каждый своеобразиемъ повадокъ. Въ соотвѣтствіи съ различіями въ складѣ этихъ птицъ наступленіе добычи ими производится то въ небѣ (**сокола**), то подъ защитой лѣса (**ястреба**), то на изрытой пашнѣ и въ хлѣбахъ (**луни** и **сарычи**), то надъ волнующимся моремъ камышей (**болотные луни**), то среди дня — какъ вышеназванные хищники — то въ освѣщеніи зари (**болотная сова**), то съ наступленіемъ ночи (**сова лѣсная и ушастая**), то въ непосредственной близости отъ человѣческихъ жилищъ (**стервятникъ, коршуны**), то въ нелюдимой степи, тундрѣ и тайгѣ (**орлы степные, бѣлая сова, орель-халзанъ**). Каждая мѣстность и любое время года или дня имѣетъ своихъ хищниковъ, смѣняющихся и дополняющихся другъ

друга въ дѣлѣ устраненія избытка жизней, въ поддержаніи равновѣсія въ природѣ. И въ такой же мѣрѣ, какъ строеніе хищниковъ опредѣляется характеромъ добычи, временемъ и мѣстомъ лова, самая добыча эта приспособлена къ защитѣ отъ враговъ. Приспособленія эти самыя разнообразныя и выражаются то въ силѣ и способности активной обороны (**лебеди**), то въ быстротѣ полета или мастерствѣ нырнія (**гуси, утки**). Совершенство общаго приспособленія къ окружающей средѣ не менѣе значительно, чѣмъ тонкая осмысленность отдѣльныхъ чертъ. Напомнимъ: клювъ-«цѣдилку» — у гусей и утокъ, клювъ-«сачекъ» — у пеликана. Еще болѣе осмысленны повадки и строеніе живыхъ существъ, разсматриваемыхъ на общемъ фонѣ ихъ привольной жизни. Таковы: **фламинго** съ ихъ шаржированной стройностью, какъ бы рассчитанной на жизнь въ мелководьѣ; водолазъ — **тюлень**, легко скользящій въ водной глубинѣ; неповоротливые **грифы**, неподвижно распластавшіе на небѣ крылья въ поискахъ недвижной истлѣвающей добычи; **чайки**, рѣющія надъ гребнями волнъ, подобно имъ шумливыя и безпокойныя; медлительныя **журавли** и **цапли**, стройныя, осанистыя, какъ тонки и гибки стебли укывающихъ ихъ камышей; **слоны** — эти живыя движущіяся громады, у которыхъ тонкая змѣиная подвижность хобота такъ совершенно выправляетъ неподвижность цѣлага; высоконогіе и бдительныя **страусы** — эти переносныя сторожевыя башни степи и пустыни; **попугаи** — лазачіе арлекины яркаго тропическаго лѣса; **сѣверный олень**, ногами-лыжами скользящій по снѣгамъ безлѣсныхъ тундръ; тяжелый **лось**, увѣренно ступающій по топямъ сѣверной тайги; **олени** вообще съ ихъ періодическимъ возстановленіемъ роговъ — орудія турнировъ; **горныя туры** — неподражаемые акробаты при движеніи въ горахъ; лохматый якъ — въ горахъ холоднаго Тибета; безволосый **буйволъ** — въ низменностяхъ знойной Индіи; **верблюды** — «корабли пустыни», равно совершенныя, вздымають ли они снѣга Сибири или раскаленные пески Сахары; **обезьяны** — прирожденные гимнасты экзотическаго лѣса; обитатели равнины **волки** съ ихъ строеніемъ призваннаго гонщика; **медвѣдь полярный**, такъ всецѣло отразившій на себѣ однообразіе и мощь природы Сѣвера; **лисицы**, какъ примѣръ универсальныхъ хищниковъ; **песцы** съ ихъ посезонно измѣняющимся мѣхомъ; **корсаки**, одѣтые подъ цвѣтъ ковыльной степи; **барсуки** — шахтеры; **ламы** — альпинисты; **антилопы** — олицетвореніе чуткости и быстроты; шумливый стадный **левъ** съ его природной каской и нагрудникомъ — орудіемъ для поединковъ, и съ его громовымъ голосомъ — орудіемъ облавъ; **гіены** — странствующие санитары, ускоряющіе смѣну жизней; **тигръ** — змѣящійся среди джунглей и запечатлѣвшій на себѣ ихъ тѣневые полосы; **пантера** — закрѣпившая на своей шкурѣ золотыя блики укывающей ее листвы; **обыкновенный ежъ** — живой игольчатый клубокъ съ его многообразной ролью; **дикобразъ**, одѣтый лѣсомъ копій для защиты отъ враговъ; **тушканчики** и **зайцы** съ ихъ сложеніемъ и нравомъ вѣчныхъ бѣглецовъ. Эти немногіе примѣры хорошо показываютъ намъ, какъ совершенно приспособлено строеніе животнаго къ его потребностямъ, къ условіямъ существованія. Погружаемся ли мы съ любовью въ изученіе одного животнаго, пытаемся ли общимъ взглядомъ охватить богатство формъ и красокъ, звуковъ и движеній обитателей различныхъ странъ — Природа всюду раскрываетъ намъ тончайшую зависимость между животнымъ и средой, между отдѣльной частью тѣла и работой, ею выполняемой. Эта гармонія такъ изумительна, какъ будто каждое животное самой Природой было предназначено для данной мѣстности и для опредѣленной роли.

Въ признаніи этой глубокой цѣлесообразности въ строеніи живыхъ существъ мы въ правѣ видѣть первый и важнѣйшій выводъ, доставляемый осмотромъ Сада.

Но не менѣе, чѣмъ тѣлесное строеніе животныхъ и душевная ихъ жизнь вся проникнута глубокой цѣлесообразностью. Мы видѣли уже, какъ тѣсно связаны привычки и повадки у животныхъ съ ихъ тѣлеснымъ обликомъ, съ условіями ихъ жизни и передвиженія, — какъ часто внѣшнее строеніе животнаго опредѣляетъ и его душевный складъ. Однако, многія и совершеннѣйшія проявленія душевной жизни невозможно вывести изъ внѣшняго строенія животныхъ. Всего лучше это явствуетъ изъ «періодическихъ» явленій жизни ихъ. Сюда относятся: пролеты птицъ и спячка у млекопитающихъ — два разныхъ способа борьбы животныхъ съ непогодой и безкормицей. Малодоступныя для наблюденія въ Саду явленія эти все же отражаются и здѣсь. Пройдитесь осенью по Саду, присмотритесь къ птицамъ. Большинство пернатыхъ узниковъ, спокойныхъ въ остальное время, бьется объ рѣшетку: ихъ неодолимо тянетъ вдаль, и это несмотря на изобиліе тепла и корма. Присмотритесь къ мелкимъ грызунамъ: одни — **тушканчики** и **хомячки** — забились въ дальній уголъ клѣтокъ и лежатъ холодныя, оцѣпенѣлыя; другіе — **бѣлки** — заняты запрятываніемъ орѣховъ въ качествѣ запасовъ на зиму — и это при достаточномъ теплѣ и кормѣ. И въ обоихъ случаяхъ безсмысленность поступковъ, цѣлесообразныхъ при условіяхъ привольной жизни, проливаетъ свѣтъ на главную особенность души животныхъ: подчиненіе ея инстинктамъ, безсознательнымъ, врожденнымъ побужденіямъ, не зависящимъ отъ знанія и опыта. Безспорно, что послѣдніе играютъ также и порой существенную роль въ душевной жизни большинства животныхъ. Многія способности ихъ требуютъ значительнаго навыка и достигаются лишь опытомъ и упражненіемъ. Такъ, особенно въ неволѣ, многія животныя нерѣдко научаются привычкамъ, имъ дотолѣ неизвѣстнымъ, какъ показываютъ способы

выпрашиванія подачекъ у **слона** (Рис. 46.2), **туровъ** (Рис. 61.1), у **обезьянъ** (Рис. 68.10), у **медвѣдей полярнаго** (Рис. 80.2) и **бураго** (Рис. 81.2). Однако, подражаніемъ и опытомъ лишь совершенствуется то, что, какъ инстинктъ, уже заложено въ душѣ животнаго. Характерное же свойство всѣхъ инстинктовъ — это ихъ однообразіе и обязательность для всѣхъ животныхъ, относящихся къ тому же виду, обитающихъ при одинаковыхъ условіяхъ.

Но если въ проявленіяхъ души животныхъ первенствующую роль играютъ безотчетныя, слѣпныя побужденія, то отсюда далеко не слѣдуетъ, чтобы самихъ животныхъ можно было бы считать за автоматовъ, за подобія машинъ. Совсѣмъ напротивъ. Именно въ инстинктахъ проявляется міръ чувствованій у животныхъ. И чѣмъ глубже, повелительнѣе первые — тѣмъ ярче, необузданнѣе проявленія вторыхъ. Особенно наглядно это выступаетъ въ жизни и поведкахъ **обезьянъ** (Рис. 68.16), съ ихъ бурными аффектами и безудержными инстинктами. И то же — на другихъ животныхъ Сада, наблюдаемыхъ въ аффектахъ или въ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ. Встревоженный **орель** (Рис. 3.1), готовый къ отраженію недоступнаго ему врага; **сова** съ ея движеніемъ угрозы (Рис. 15.2) передъ несуществующей опасностью; излишняя въ неволѣ осторожность **марабу** (рис.40) и возбудимость **попугая** (Рис. 49.4); **тетеревъ**, токующій передъ отсутствующей самкой (Рис. 42.7); **журавль** (Рис. 38.2), продолжающій кормить и взрослого дѣтеныша; **нанду** самецъ (Рис. 47.3), высиживающій яйца; **олень** (Рис. 57.2), могучимъ ревомъ вызывающій на невозможный бой безсильныхъ, ибо отгороженныхъ соперниковъ; **павлинъ** самецъ (Рис. 87.2), играющій своимъ глазчатымъ опахаломъ передъ самкой и въ отсутствіи ея, въ пустомъ загонѣ; **козы** и **собаки** (Рис. 98.4) въ положеніи пріемныхъ матерей гіенъ и львовъ — вездѣ инстинкты служатъ выраженіемъ чувствованій у животныхъ. Правда, что не обладая многими инстинктами, присущими животнымъ, мы безсильны что-либо сказать о соответственныхъ переживаніяхъ. Даже говоря о болѣе понятныхъ намъ душевныхъ состояніяхъ, — о страхѣ, злѣбѣ, радости или печали мы, чѣмъ ниже опускаемся въ ряду животныхъ, тѣмъ все болѣе рискуемъ грубо и ошибочно очеловѣчить ихъ. И все же, каковы бы ни были отдѣльныя эмоціи, жизнь животныхъ въ цѣломъ — всего прежде жизнь чувствъ, и эта жизнь изживается въ инстинктахъ. Правда, что въ неволѣ многіе инстинкты проявляются безъ пользы, а въ природномъ состояніи нерѣдко даже ускоряютъ гибель самого животнаго (какъ въ поединкахъ у оленей.) И однако, какова бы ни была судьба отдѣльныхъ особей, для жизни вида, разбираемаго въ цѣломъ и въ естественныхъ условіяхъ, инстинкты глубоко осмысленны и совершенны.

Въ признаніи этой цѣлесообразности инстинктовъ, какъ руководящихъ факторовъ душевной жизни у животныхъ, и въ способности животныхъ чувствовать и радость, и страданье — мы видимъ то второе обобщеніе, къ которому приводитъ насъ осмотръ Сада.

Но не только во взаимныхъ отношеніяхъ животныхъ и въ борьбѣ ихъ съ мертвою природою выявляется душевная ихъ жизнь. Въ еще большей степени душа животныхъ выступаетъ въ отношеніи ихъ къ человѣку. Всего лучше это видно на примѣрѣ одомашненныхъ животныхъ. Эти подневольные сотрудники нашей культуры, столь различные по виду, давности одомашненія и по размѣрамъ приносимой ими пользы — разнятся и по духовной подчиненности владѣльцу-человѣку. И причины этой разницы нельзя искать только въ строеніи животныхъ. По тѣлеснымъ признакамъ немногія созданія такъ сходны между собой, какъ **кролики** и **зайцы**. По наружному ихъ виду невозможно было бы предугадать успѣхъ одомашненія каждаго изъ нихъ. Что же до различія въ поведкахъ, то казалось бы, что уроженцы юга — кролики — гораздо менѣе пригодны для одомашненія, чѣмъ невзыскательные къ климату и пищѣ зайцы. Между тѣмъ, одомашненіе захватило первыхъ, не затронуло вторыхъ. И можно думать, что главнѣйшая причина этому психологическая: стадность первыхъ, необщительность вторыхъ. Эту зависимость одомашненія животныхъ отъ ихъ стадности возможно прослѣдить и на другихъ примѣрахъ. Таковы: общительный и прирученный **сѣверный олень** и необщительный, не поддающійся культурѣ **лось**. Общительность **волковъ**, этихъ ближайшихъ прародителей нашихъ собакъ, и необщительность **лисицъ**, оставшихся неприрученными. И то же подтверждается примѣрами **рогатаго скота**, **барановъ**, **козъ**, **слоновъ**, **верблюдовъ**, **лошадей** съ ихъ ясно выраженной стадностью и совершенствомъ прирученія. Легко понять причины этого двойного соответствія. Животныя, общительныя при естественныхъ условіяхъ, пойманныя, легче приучаются къ неволѣ, оставаясь въ обществѣ себѣ подобныхъ, а привыкшія на волѣ подчиняться вожаку и охранителю ихъ стаи стадныя животныя въ неволѣ переносятъ это подчиненіе свое на человѣка. И не даромъ сумчатыя травоядныя, какъ **кенгуру**, съ ихъ беспорядочными стаями, не знающими вожаковъ, такъ трудно привыкаютъ къ близости людей, а въ своеволіи **домашнихъ кошекъ**, ихъ условной преданности человѣку до сихъ поръ сквозитъ угрюмость, необщительность ихъ дикаго родоначальника.

Другимъ условіемъ успѣшности одомашненія является извѣстный абсолютный уровень духовной одаренности. При этомъ слишкомъ слабое развитіе послѣдней (напр. у **сумчатыхъ**), является настоль-

ко же препятствіємъ, какъ и сравнительно высокое ея развитіе у другихъ животныхъ (напр. у **обезьянь**). Успѣшности одомашненія всего больше отвѣчаетъ средняя, умѣренная одаренность, свойственная, вѣроятно, большей части предковъ нашихъ одомашненныхъ животныхъ.

Съ вопросомъ о значеніи психики животныхъ въ дѣлѣ ихъ одомашненія связанъ и другой вопросъ, обратный предыдущему; какъ дѣйствуетъ одомашненіе на психику животныхъ? Нетрудно видѣть, что вліяніе это въ общемъ отрицательно. Убѣждаетъ въ этомъ слѣдующій рядъ сравненій: осторожность **козерога** и беспечность **одомашненной козы**; безволіе **овцы** и бойкость дикаго **муфлона**; тупоуміе **свиньи домашней** и значительная одаренность **дикихъ кабановъ**; инертность, лѣнь домашняго **осла** и чуткость дикаго **кулана**; флегматичность нашего **рогатаго скота** и закрѣпленный русскими былинами живой и жуткій нравъ «**буйтура**» — вымершаго дикаго быка. И то же говоритъ примѣръ домашней птицы: **одомашненные гуси, утки, голуби и куры** въ той же мѣрѣ отличаются безволіемъ и тупостью, какъ дикіе ихъ родоначальники — духовной живостью и чуткостью. Легко понять причины этого психическаго вырожденія. Избавленные отъ заботъ по добыванію пищи или избѣганію опасностей, изъятые изъ жизненной борьбы, домашнія животные утратили психическую одаренность предковъ, какъ ненужную для нихъ, излишнюю для человѣка. И немногіе примѣры, говорящіе обратное, лишь подтверждаютъ справедливость правила. Оставивъ въ сторонѣ вопросъ — столь нашумѣвшій, но доселѣ спорный о «мыслительныхъ» способностяхъ **домашней лошади**, едва ли можно отрицать благое дѣйствіе одомашненія на ея душевный складъ. И то же въ отношеніи **собаки** и **слона**, подобно лошади, и не въ примѣръ всѣмъ прочимъ одомашненнымъ животнымъ, издавна цѣнимыхъ и за ихъ психическую одаренность. Но не то приходится сказать о большинствѣ четвероногихъ спутниковъ нашей культуры. Содержимые лишь за тѣлесныя достоинства они въ духовномъ отношеніи утратили тѣмъ болѣе, чѣмъ выше и утонченнѣе современная культура.

Таково духовное вліяніе человѣка и его культуры на животныхъ. И естественно спросить себя: а каково вліяніе самихъ животныхъ на духовную культуру человѣка и на человѣческую психику? Они вліяютъ на нее двояко: косвенно и прямо.

Доставляя все необходимое для жизни первобытнаго народа, прирученіе животныхъ было первымъ шагомъ на пути къ его осѣлости. Даруя человѣку топливо, одежду, пищу и передвиженіе, домашнія животные избавили его отъ тягостей и суеты охотничьяго быта, замѣнили рогъ охотника пастушеской свирѣлью. И поддержанный животными въ борьбѣ за жизнь и матеріальную культуру человѣкъ обрѣлъ спокойствіе и время для культуры духа.

Эта *косвенная* роль животныхъ въ нашей умственной культурѣ слишкомъ хорошо извѣстна. Менѣе извѣстна та прямая роль, которую животный міръ игралъ въ духовной жизни каждаго народа и въ духовной жизни каждаго изъ насъ. Задолго до того, какъ современное животноводство стало для людей могучимъ факторомъ экономическаго благоденствія, одомашненіе животныхъ при возникновеніи своемъ въ дали вѣковъ являлось, какъ духовная потребность. Не практическіе, матеріальные разсчеты, а духовные запросы были зачастую главнымъ поводомъ къ тому, чтобы приблизить къ людямъ чуждый и враждебный имъ дотолѣ міръ животныхъ. Въ соотвѣтствіи съ духовнымъ уровнемъ эпохи и народа разныя животныя являются то въ качествѣ предметовъ поклоненія въ святилищахъ и храмахъ (напр., священные **слоны** и **обезьяны** въ Индіи, **быки** и **кошки** древняго Египта); то какъ искупительная жертва (**козы**, **овцы** въ Древней Иудеѣ), то какъ колдуны и прорицатели (**пѣтухъ** у древнихъ эллиновъ и персовъ, **голуби** и **куры** въ древнемъ Римѣ); то какъ символическіе образы и знаки («овенъ», «телець» и другіе звѣри зодіака); и понынѣ многія повѣрья, живущія въ народѣ и въ народномъ эпосѣ, содержатъ отголоски тѣхъ далекихъ культуръ.

Но и въ современной намъ культурѣ міръ животныхъ продолжаетъ выявлять свою духовную, этическую роль — въ далекомъ дѣтствѣ каждаго изъ насъ. Въ жизни дѣтей и въ воспитаніи ихъ домашнія животныя играютъ несомнѣнно благотворнѣйшую роль, какъ справедливо сказано однимъ изъ нашихъ душевнѣйшихъ писателей, по мнѣнію котораго, терпѣніе, вѣрность, всепрощеніе и искренность, присушія нашимъ домашнимъ тварямъ, больше дѣйствуютъ порою на ребенка, чѣмъ сухія длинныя нотации учителей и гувернантокъ... Къ сожалѣнію, это благотворное вліяніе животныхъ очень скоро уступаетъ отношеніямъ иного рода, совершенно такъ же какъ и въ эволюціи культуръ духовное воззрѣніе на животныхъ замѣнилось болѣе практическимъ и трезвымъ, но не болѣе разумнымъ и, конечно, всего менѣе возвышеннымъ использованиемъ ихъ. Достаточно напомнить слѣдующій перечень: **тюлени** и **бобры**, повально избиваемые ради мотовскихъ мѣховъ; **бѣлая цапля**, истребляемая на гнѣздовѣ ради полученія эгретъ — этого символа жестокости; **олени**, разводимые то для мучительнаго спиливанья имъ роговъ, то для удобства періодическихъ разстрѣловъ; **соболь**, исчезающій въ тайгѣ во имя щегольскихъ воротниковъ; **фазаны золотистые**, едва не выбитые изъ-за дамскихъ шляпъ; **каракульскіе ягнята**, умерщвляемые

до рожденія для повышенія достоинства «хивинокъ»; **зубры и бизоны**, истребленные во имя благородной удали и низменной наживы. Въ этомъ далеко неполномъ, но достаточно кровавомъ списокѣ поражаетъ разнородность жертвъ и однородность, и ничтожество конечныхъ цѣлей. Въ самомъ дѣлѣ. Не насущныя потребности, не интересы промысла, и не заботы о гармоніи природы побуждаютъ большинство людей къ ношенію дорогихъ мѣховъ и перьевъ и къ участію въ прямомъ и косвенномъ уничтоженіи миллионъ жизней. Побуждаютъ къ этому совѣмъ другія цѣли: украшеніе и спортъ. То и другое часто — но напрасно — прикрываютъ благородными мотивами: культурой чувства красоты и воли. Забываютъ, что дѣйствительное воспитаніе воли заключается не въ томъ, чтобы, отдаваясь страсти разрушенія, безъ нужды, ради забавы умерщвлять живыя существа, но въ томъ, чтобы бороться съ этой страстью, подавлять этотъ охотничій инстинктъ, спасительный для жизни дикаря, противный болѣе возвышенной культурѣ. Забываютъ, что и эстетическое чувство развивается не тѣмъ, что поощряютъ примитивные инстинкты, побуждающіе первобытные народы и дѣтей тянуться къ нравящимся имъ вещамъ, чтобы надѣть, навѣсить ихъ на самого себя — а въ томъ, чтобы научиться видѣть и цѣнить природу такъ, какъ мы любуемся прекрасною картиною. Что сказали бы о тѣхъ цѣнителяхъ искусствъ, которые во имя эстетизма вздумали бы украшать себя картинами великихъ мастеровъ? Но почему же сходные поступки въ отношеніи Природы менѣе кощунственны и болѣе привычны? Потому ли, что въ сравненіи съ человѣческимъ искусствомъ творчество Природы глубже, переходяще и менѣе возстановимо? Потому ли, что такъ мало піэтизма къ ея тайнамъ? Или потому, что равнодушныхъ къ внутренней, духовной, красотѣ Природы столь же трудно убѣдить въ величій ея, какъ равнодушнаго къ искусству убѣдить въ величій его руководящихъ геніевъ?

Одно мы можемъ съ достовѣрностью сказать. Заботы о Природѣ, піэтизмъ къ ней нужны не только для сохранности Природы. Въ еще большей степени нужны они для насъ самихъ. И это ясно станетъ изъ того итога, подведеніемъ котораго мы и закончимъ нашъ зоологическій осмотръ.

Міръ животныхъ полонъ цѣлесообразности тѣлесной и духовной. Высшимъ проявленіемъ послѣдней представляются инстинкты. Ими ограничена психическая роль животныхъ въ экономіи природы. Сходные по существу у всѣхъ животныхъ, относящихся къ тому же виду и для данной мѣстности, инстинкты обезличиваютъ психику животныхъ. Какковы бы ни были отличія въ «умѣ» или инстинктахъ у отдѣльныхъ особей, для блага вида и для благоденствія животныхъ абсолютно индивидуальное безцѣнно. Въ этомъ смыслѣ можно утверждать, что у животныхъ нѣтъ духовной индивидуальности.

Обратное у человѣка. Свойственные и ему инстинкты отступаютъ передъ проявленіемъ сознательной душевной жизни. И послѣдняя тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ ярче выступаетъ въ ней духовно-индивидуальное. Для блага человѣческаго вида (человѣчества) необходимо каждому изъ насъ возможно совершеннѣе изжить свое духовно-внутреннее «я». Это присущее лишь человѣку чувство абсолютной индивидуальности тѣмъ совершеннѣе и выше, чѣмъ полнѣе проникается оно сознаниемъ истины, добра и красоты. Мы видѣли, какъ многое непривлекательное, непримѣтное по виду у животныхъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывалось полнымъ и гармоніи, и смысла. Только грубость чувствъ и чувственность оцѣнокъ, свойственная большинству изъ насъ, мѣшаетъ видѣть повсемѣстно въ окружающей живой природѣ выявленіе Разума и Красоты. Но спрашивается, не та же ли предвзятость мысли, узость нашего ума и чувствъ мѣшаетъ видѣть выявленіе Разума и въ жизни человѣка — этомъ высшемъ проявленіи видимой живой природы. И не въ правѣ-ли мы думать, что участвуя посильно въ жизни общества, сознательно или, что чаще, бессознательно и видимо эгоистично изживая наше внутреннее «я», мы скрытно отъ себя работаемъ для высшихъ цѣлей, наподобіе тому, какъ разные виды животныхъ, изживаясь въ бессознательныхъ инстинктахъ, бессознательно содѣйствуютъ гармоніи и красотѣ въ природѣ. Но признаемъ это, и намъ ясно будетъ, что дѣйствительное пониманіе природы можетъ привести къ объединенному отвѣту разума и сердца. Но не въ этомъ ли конечная и высшая задача всякаго общеобразовательнаго знанія и учреждений, призванныхъ служить ему?

Закончимъ же и мы нашъ трудъ горячимъ пожеланіемъ, чтобы въ переживаемое нами время человѣческой вражды и розни окружающій животный міръ, духовно понятый и претворенный, оказался бы для молодого поколѣнія источникомъ дѣйствительной культуры духа и гуманности для подтвержденія той давней истины, что *настоящая культура и народа, и отдѣльнаго лица всего вѣрнѣе узнается по тому, какъ обращаются съ животными, и каково воззрѣніе на нихъ.*

Руководящая идея заключительнаго очерка и самой книги — давняя и вѣчно-новая, живая мысль о дѣйствительной, а не воображаемой лишь цѣлесообразности въ явленіяхъ живой природы, мысль эта нынѣ далека еще отъ общаго признанія. И было бы нетрудно

замѣнить ее обычнымъ и академически канонизированнымъ взглядомъ, видящимъ въ живой природѣ *только* выраженіе слѣпыхъ, бездушныхъ, механическихъ законовъ, если бы... не устарѣлость этого ученія въ отношеніи философскомъ, не его бесплодность въ отношеніи этическомъ и не глубокая и роковая его спорность въ собственно научномъ отношеніи. Касаться ближе этого вопроса здѣсь тѣмъ менѣе умѣстно, что по самой сущности своей задачи книга эта не является критической и не затрагиваетъ, ближе высшихъ обобщеній біологіи. Научному обоснованію воззрѣній автора посвящено созданіе имъ особаго Естественнаго-Научнаго Музея и въ подготовляемомъ къ изданію подробномъ описаніи послѣдняго имѣется въ виду въ наглядной и общедоступной формѣ дать критическую сводку по вопросамъ эволюціоннаго ученія, какъ основанія того свободнаго научнаго міровоззрѣнія, для усвоенія котораго изложенное въ этой книгѣ — только первая, элементарная ступень.

Приложение А. Алфавитный указатель

- Агуйя. стр. 31 [50].
Агути. Рис. 105.1 — Рис. 105.2, стр. 145 [178].
Аистъ обыкновенный. Рис. 34.1, стр. 32 [52].
Антилопы, стр. 120 [153] — Рис. 69.1.
Альпака. Рис. 93.1; стр. 118 [151].
Баранъ гривистый. Рис. 62.1, Рис. 62.2; стр. 65 [97].
Барсукъ. Рис. 83.1; стр. 103 [136].
Барсъ. Рис. 102.2, стр. 143 [176].
Бизонъ. Рис. 112.1; стр. 151 [187].
Бобръ обыкновенный, стр. 24 [40].
Бобръ южно-американский. Рис. 24.1; стр. 24 [40].
Броненосецъ. Рис. 70.1; стр. 84 [116].
Буйволъ. Рис. 66.1; стр. 69 [101].
Быкъ сѣрый степной. Рис. 63.1; стр. 66 [98].
Бѣлка. Рис. 108.1; стр. 147 [182].
Верблюды. Рис. 67.1 — Рис. 67.4; стр. 70 [102].
Вигонъ. Рис. 93.1; стр. 118 [151].
Волкъ. Рис. 77.1 — Рис. 77.4; стр. 94 [127].
Волкъ-помѣсь съ собакой. Рис. 78.1; стр. 96 [129].
Вомбать. Рис. 110.4; стр. 149 [184].
Ворона, стр. 10 [17].
Воронъ обыкновенный. Рис. 1.1; стр. 9 [16].
Галка, стр. 10 [17].
Пена. Рис. 99.1 — Рис. 99.3; стр. 138 [171].
Гну. Рис. 94.2; стр. 120 [153].
Голуби дикіе. стр. 45 [69].
Голуби домашніе. Рис. 43.1 — Рис. 43.3; стр. 44 [68].
Грачь. стр. 10 [17].
Грифъ бурый. Рис. 27.1; стр. 29 [45].
Гуси — домашній. Рис. 18.1, Рис. 18.2; стр. 19 [33].
 канадскій. Рис. 42.4; стр. 42 [65].
 нильскій. Рис. 42.5; стр. 43 [66].
 полевой. Рис. 42.2; стр. 42 [65].
 сѣрый. Рис. 42.1, Рис. 42.2; стр. 42 [65].
Дикобразъ. Рис. 104.1; стр. 145 [178].
Ежъ. Рис. 103.1, Рис. 103.2; стр. 144 [177].
Енотъ. Рис. 82.1; стр. 102 [135].
Журавль малый (красавка). Рис. 39.1; стр. 38 [61].
Журавль сѣрый. Рис. 38.1, Рис. 38.2; стр. 37 [59].
Заяць бѣлякъ. Рис. 106.1; стр. 146 [180].
Зебра. Рис. 95.1, Рис. 95.2; стр. 122 [155].
Зеброидъ. Рис. 95.3 — Рис. 95.4; стр. 124 [157].
Зебу. Рис. 64.1, Рис. 64.2; стр. 67 [99].
Зубръ. Рис. 111.1; стр. 150 [186].
Индѣйки. Рис. 90.2; стр. 115 [148].
Кабанъ. Рис. 71.1; стр. 85 [117].
Казарка. Рис. 42.3; стр. 42 [65].
Казуаръ. Рис. 48.1; стр. 50 [76].
Канюкъ мохноногий. стр. 15 [25].
Кашокъ (сарычъ). Рис. 9.1; стр. 14 [24].
Каранхо (Кара-кара); стр. 31 [50].
Кенгуру. Рис. 110.1 — Рис. 110.3; стр. 148 [184].
Козель безоаровый. Рис. 59.1; стр. 63 [93].
Козерогъ сибирскій. Рис. 60.1; стр. 63 [93].

- Козы домашнія. Рис. 97.1 — Рис. 97.3; стр. 130 [163].
Кондоръ. Рис. 26.1, Рис. 26.2; стр. 28 [44].
Коршунъ черный. Рис. 11.1; стр. 15 [25].
Косуля. Рис. 52.1; стр. 55 [82].
Кроликъ. Рис. 91.1, Рис. 91.2; стр. 116 [149].
Куланъ. Рис. 75.1; стр. 91 [124].
Куница, стр. 107 [140].
Куры домашнія. Рис. 89.1 — Рис. 89.3; стр. 113 [146].
Ламы. Рис. 93.1, Рис. 93.2; стр. 118 [151].
Лань. Рис. 51.1, Рис. 51.2; стр. 54 [81].
Лебеди. Рис. 19.1, Рис. 19.2, Рис. 19.3, Рис. 42.6; стр. 20 [35] и стр. 43 [66].
Л. черный. Рис. 23.1; стр. 23 [38].
Левъ. Рис. 98.1 — Рис. 98.6; стр. 133 [166].
Лемуръ. Рис. 69.1, Рис. 69.2; стр. 83 [114].
Леопардъ. стр. 143 [176].
Лиса. Рис. 84.1; стр. 104 [137].
Лось. Рис. 53.1, Рис. 53.2; стр. 56 [83].
Лосиная антилопа. Рис. 94.1; стр. 120 [153].
Лошадь голая. Рис. 73.1; стр. 90 [122].
Лошадь Пржевальскаго. Рис. 72.1; стр. 87 [120].
Лошакъ. Рис. 76.1; стр. 92 [125].
Лунь луговой. Рис. 13.1; стр. 16 [28].
Лунь камышевый; стр. 16 [28].
Марабу. Рис. 35.1, Рис. 35.2; стр. 33 [53].
Медвѣдь бурый. Рис. 81.1; стр. 100 [134].
 бѣлый. Рис. 80.1 — Рис. 80.3; стр. 98 [132].
 кавказскій. Рис. 81.2; стр. 101 [134].
Муль. Рис. 76.2; стр. 93 [126].
Муфлонъ. Рис. 58.1, Рис. 58.2; стр. 62 [92].
Нырки. Рис. 41.2; стр. 40 [63].
Нильгау. Рис. 94.3 — Рис. 94.4; стр. 121 [154].
Обезьяны: стр. 72 [104].
 капуцинъ. Рис. 68.10, Рис. 68.11; стр. 76 [108].
 макакъ. Рис. 68.1 — Рис. 68.7; стр. 72 [104].
 мартышка. Рис. 68.8, Рис. 68.9; стр. 75 [107].
 павіанъ. Рис. 68.14 — Рис. 68.16; стр. 79 [110].
 шимпанзе. Рис. 68.17; стр. 80 [111].
 паукообразная. Рис. 68.12, Рис. 68.13; стр. 77 [109].
Овцы. Рис. 96.1 — Рис. 96.6; стр. 125 [158].
Олени: кавказскій. Рис. 57.1 — Рис. 57.3; стр. 61 [90].
 манчжурскій. Рис. 55.1; стр. 59 [87].
 мараль. Рис. 56.1 — Рис. 56.3; стр. 60 [88].
 сѣверный. Рис. 54.1; стр. 58 [85].
Орлы: беркутъ (халзанъ). Рис. 3.1, Рис. 3.2; стр. 11 [18], Рис. 25.2
 могильникъ. стр. 12 [19].
 степной. Рис. 5.1; стр. 12 [19].
Орланъ: бѣлохвость. Рис. 31.1; стр. 30 [49].
Осель. Рис. 74.1; стр. 91 [124].
Павлинъ. Рис. 87.1 — Рис. 87.3; стр. 108 [142].
Пантера. Рис. 102.1, стр. 143 [176].
Пеликанъ. Рис. 21.1, Рис. 21.2; стр. 22 [37].
Песець. Рис. 84.2; стр. 105 [137].
Подорликъ большой, стр. 12 [19].
Пони. Рис. 72.3; стр. 90 [122].
Попугай, ара. Рис. 49.1, Рис. 49.2; стр. 51 [77].
 какаду. Рис. 49.3 — Рис. 49.5; стр. 52 [78].
Пума. Рис. 100.1, стр. 140 [173].
Росомаха. Рис. 85.1; стр. 106 [139].

- Рысь. Рис. 79.1; стр. 97 [130].
 Свинка морская. Рис. 92.1 — Рис. 92.2; стр. 117 [150].
 Сипь бѣлоголовый. Рис. 28.1; стр. 29 [45].
 Слонъ индійскій. Рис. 46.1, Рис. 46.2; стр. 46 [71].
 Соболь. Рис. 86.1; стр. 107 [140].
 Соколь балобанъ. Рис. 7.1; стр. 13 [22].
 Соколь сапсанъ; стр. 13 [22].
 Совы: болотная. Рис. 16.1; стр. 18 [31].
 бѣлая (полярная). Рис. 17.1; стр. 18 [31].
 сѣрая (неясыть). Рис. 14.1; стр. 16 [28].
 ушастая. Рис. 15.1, Рис. 15.2, стр. 17 [30].
 Сорока. Рис. 2.1; стр. 10 [17].
 Стервятникъ. Рис. 12.1; стр. 15 [25].
 Страусы: австралійскій (эму). Рис. 47.4; стр. 50 [76]
 американскій (нанду). Рис. 47.2; Рис. 47.3; стр. 49 [74]
 африканскій. Рис. 47.1; стр. 48 [73].
 Сусликъ. Рис. 109.1; стр. 148 [184].
 Тетеревъ. Рис. 42.7; стр. 43 [66].
 Тигръ. Рис. 101.1 — Рис. 101.2; стр. 141 [174].
 Туръ кавказскій. Рис. 61.1, Рис. 61.2; стр. 64 [95].
 Тушканчики. Рис. 107.1; стр. 146 [180].
 Тюлень. Рис. 25.1 — Рис. 25.2; стр. 25 [41].
 Утки. Рис. 20.1, Рис. 41.1; стр. 21 [36] и Рис. 35.2.
 Фазаны. Рис. 88.1 — Рис. 88.5; стр. 110 [143].
 Филинъ. Рис. 33.1; стр. 31 [50].
 Фламинго. Рис. 22.1, Рис. 22.2; стр. 23 [38].
 Хорекъ. стр. 107 [140].
 Цапли: бѣлая. Рис. 37.1 — Рис. 37.3; стр. 34 [55].
 сѣрая. Рис. 36.1; стр. 33 [53].
 Цесарки. Рис. 90.1; стр. 115 [148].
 Чайка серебристая. Рис. 40.1, Рис. 40.2; стр. 39 [62]
 Ягнятникъ. стр. 30 [49].
 Ягуаръ. стр. 143 [176].
 Якъ. Рис. 65.1; стр. 68 [100].
 Ястребъ тетеревятникъ. Рис. 8.1; стр. 13 [22].

Приложение В. Приложения к электронному изданию

Выходные данные

Титульная страница

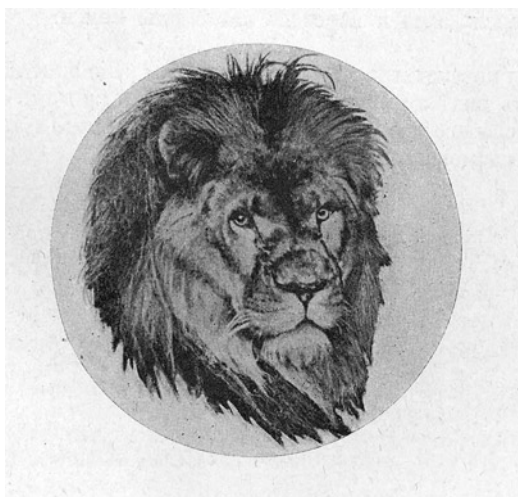
А. О. Котсь
Завѣдующій
МУЗЕЕМЪ ЭВОЛЮЦІОННОЙ ИСТОРИИ
Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ

ВЪ ФОТОГРАФІЯХЪ,
РИСУНКАХЪ,
И БІОЛОГИЧЕСКИХЪ
НАБРОСКАХЪ

ИЗЪ

МОСКОВСКАГО ЗООЛОГИЧЕСКАГО САДА

ИЗДАНИЕ
Русскаго Общ. Акклиматизаціи Животныхъ и Растеній.
МОСКВА — 1917.

Подготовка электронного издания

Посвящается дитя человека — Котс Рудольфу Александровичу

OCR: Душин Вячеслав Владимирович (snakeRU54)

Редактор: Хомайко Лариса Алексеевна

Программирование: Розанов Петр Михайлович

Технический консультант: Гушин Вадим Вадимович

Организация: Котс Петр Рудольфович

2009

Опечатки, ошибки, исправления присылайте, пожалуйста, по адресу petya@kohts.ru